

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026 – 2

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, г. н.с.),
Е.О. Опарина – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, с. н.с. отд. языкознания), *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, в. н.с. отд. языкознания), *В.М. Алтатов* – д-р филол. наук, акад. РАН (Институт языкознания РАН, г. н.с.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. Пушкина, РГГУ, проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.), *Е.А. Казак* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, н. с.), *В.И. Карасик* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, проф.), *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, в. н.с.), *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *А.П. Лободанов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ, проф.), *В.А. Пищальникова* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук (МГЛУ, дир. Института прикладной и математической лингвистики), *В.В. Потапов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, с. н.с.), *М.М. Раевская* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук (ИЯ РАН, г. н.с., зав. отд. экспериментальных исследований речи), *И.А. Шаронов* – д-р филол. наук (РГГУ, зав. кафедрой), *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук (МГТУ им. Н.Э. Баумана, проф.).

Ответственный секретарь – *М.Б. Раренко*

Ответственные за выпуск – *Е.О. Опарина, М.Б. Раренко*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2026.02.00

© ИНИОН РАН, 2026

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INION RAN

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2026 – 2

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the “Linguistics” Series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, Chief Researcher), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology, Deputy Editor-in-Chief (INION RAN, Senior Researcher), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology, Deputy Editor-in-Chief (INION RAN, Leading Researcher), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, Chief Researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, Prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, Prof.), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, Researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, Prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, Leading Researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *A.P. Lobodanov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Prof.), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, Prof.), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, Prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher), *M.M. Raevsкая* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Prof.), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary Translators' Guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, Prof.), *K.Ja. Seagal* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, Chief Researcher), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU), *E.B. Jakovleva* – Doctor of Philology (Bauman Moscow State Technical University, Prof.).

Executive Secretary – *M.B. Rarenko*
Responsible for the Issue – *E.O. Oparina, M.B. Rarenko*

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is included into the Index of Peer-reviewed Academic Journals and Publications that must publish academic results of doctoral and candidate degrees, recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and is indexed in the Russian Science Citation Index.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИИ No ФС 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2026.02.00

СОДЕРЖАНИЕ

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

- Минаева Л.В. Нарративные схемы современного медиаполитического новостного дискурса 7
- Мао Вэньли, Шаронов И.А. Концепт «осуждение» в современном русском языке: комплексное лексикографическое, семантическое и прагматическое описание28
- Колабин М.Н., Потапов Ю.Б. Лингвокогнитивные механизмы внедрения русофобских идеологем в политический медиадискурс стран панатлантизма46
- Опарина Е.О. Тру крайм как поликодовый медиажанр: особенности содержания и формы58

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

- Сивова Т.В. Цвет осоки в русской и белорусской цветовой концептосфере (опыт полидискурсивного исследования)71
- Имеева-Кысылбаикова М.И. Композитная идентичность и языковые практики в условиях арктического многоязычия86
- Савельева И.М. Итальянские диалекты как самостоятельные романские языки: особенности, динамика и перспективы сохранения99

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Гаджиева А.А. Национально-специфические особенности цветообозначений «көк» и «қоңыр» в казахской культуре124

УРОВНИ ЯЗЫКА. ЛЕКСИКОЛОГИЯ. СЕМАНТИКА

- Раренко М.Б. Семантическая история лексической единицы «гармония»139
- In memoriam. Памяти Кирилла Яковлевича Сигала (1973–2026)...159

CONTENTS

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

Minaeva L.V. Narrative Schemes of Modern News Media-political Discourse	7
Mao Wenli, Sharonov I.A. The Concept of “Condemnation” in Contemporary Russian: A Comprehensive Lexicographic, Semantic, and Pragmatic Description	28
Kolabin M.N., Potapov Yu.B. Linguistic and Cognitive Mechanisms of Introducing Russophobic Ideologemes Into the Political Media Discourse of Pan-Atlantic Countries	46
Oparina E.O. True Crime as a Polycode Media Genre: Features of Content and Form	58

SOCIOLINGUISTICS

Sivova T.V. Sedge Color in the Russian and Belarusian Color Conceptual Sphere (polydiscourse research)	71
Imeeva-Kysylbaikova M.I. Composite Identity and Linguistic Practices in the Arctic Multilingualism	86

COGNITIVE LINGUISTICS

Savelyeva I.M. Italian Dialects as Independent Romance Languages: Features, Dynamics, and Prospects for Preservation....	99
Gadzhieva A.A. National-specific Features of the Color Terms «kök» and «qońyr» in Kazakh Culture	124

LANGUAGE LEVELS VOCABULARY. LEXICOLOGY

Rarenko M.B. Harmony: On the History of the Word in the Russian Language	139
--	-----

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

УДК 80

DOI: 10.31249/ling/2026.02.01

Минаева Л.В.¹

НАРРАТИВНЫЕ СХЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НОВОСТНОГО МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА²

Аннотация. Целью статьи является определение основных нарративных схем, которые используются в мультимедийном политическом новостном дискурсе. Автор применяет комплексный комбинированный подход к исследованию структуры, содержания и функций медиаполитических текстов, опубликованных Российским агентством международной информации «РИА Новости». Опираясь на разработанную отечественными филологами семантико-прагматическую схему, автор выявил типичные нарративные схемы отдельных медиатекстов и описал нарративную структуру «горизонтального» и «вертикального» новостного медиадискурса, которая является результатом воздействия цифровых технологий.

Ключевые слова: нарративные схемы; новостные нарративы; медиаполитический дискурс; медиатекст; мультинарратив.

¹ © Минаева Л.В., 2026

Минаева Людмила Владимировна – доктор филол. наук, профессор, заведующая кафедрой международной коммуникации факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

² Статья основывается на докладе автора «Нарративные схемы современного медиаполитического дискурса» на IX Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» (25–28 июня 2025 года, СПбГУ).

Для цитирования: Минаева Л.В. Нарративные схемы современного медиapolитического новостного дискурса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия. Языкознание. – 2026. – № 2. – С. 7–27. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.01

Поступила в редакцию: 12.11. 2025 г.

Принята к печати: 02.02.2026 г.

Minaeva L.V.*

NARRATIVE SCHEMES OF MODERN NEWS MEDIAPOLITICAL DISCOURSE

Abstract. The objective of the article is to identify the main narrative patterns used in multimedia political news discourse. The author uses a multipronged mixed-method approach to examine the structure, content and function of media political texts published by The Russian News and Information Agency “RIA Novosti”. By applying the semantico-pragmatic framework as set forth by Russian philologists the author identified typical narrative patterns of individual media texts and described the narrative structure of “horizontal” and “vertical” news media discourse, which is a result of the impact of digital technologies.

Keywords: narrative schemes; news narratives; mediapolitical discourse; media text; multinarrative.

For citation: Minaeva L.V. Narrative Schemes of Modern News Media-political Discourse // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 2. – Pp. 7–27. DOI: 10.31249/ling/2026.02.01

Received: 12.11.2025.

Accepted: 02.02.2026.

Постановка проблемы

С незапамятных времен вопрос о распространении информации и контроле этого процесса был ключевым для государственного управления. Писцы и глашатаи древних времен сменились в новое время профессиональными журналистами, изменились

* Minaeva Ludmila Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of International Communications, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University.

способы распространения политически значимой информации в обществе, но значение управления потоками информации для установления и развития конструктивного диалога властных структур и общества, особенно в демократических государствах, где власть находится под контролем граждан, возросло многократно.

СМИ всегда использовались властью как способ организации и распространения информации в обществе, что сделало их важным компонентом социума. В XX веке происходит постепенная качественная трансформация процесса распространения информации. По мере развития сначала электронной, а позднее цифровой коммуникации, которые позволили объединить средства и способы передачи информации, а также информационную среду, СМИ трансформировались. Это нашло отражение в метаязыке коммуникации: термин «медиа» содержательно значительно шире понятия «средство массовой информации», которое в настоящее время, в основном, используется в отношении традиционной прессы на бумажных носителях, радио и телевидения.

Происходит процесс медиатизации политики, когда она становится все больше зависимой от медиа, а те, в свою очередь, все больше сращиваются с политической коммуникацией в целом. Медиаполитический дискурс создает нарратив, который влияет на оценку гражданами решения политических проблем. Иначе говоря, медиа начинают выполнять функцию регуляторов политической жизни общества, определяя доминанты политических предпочтений граждан. Этим обстоятельством определяется актуальность исследования медиаполитического дискурса.

Современный медиаполитический дискурс благодаря интенсивному развитию цифровых технологий представляет собой сложный многослойный поток информации, который создается всеми участниками политического процесса и существует в единстве разных форм и типов коммуникации. Любое политически значимое событие (выступление политического лидера, решение государственных органов или международных организаций, социальные волнения) служит толчком для возникновения конкретного медиаполитического дискурса. Оно обсуждается как в печатных и электронных традиционных СМИ профессиональными журналистами и экспертами, так и на разнообразных платформах в социальных сетях, в блогах, стримах и пабликах гражданами, интересующимися политикой. Наблюдается прямое вовлечение граждан в процесс создания медиаполитического дискурса.

Важно подчеркнуть, что СМИ, выполняя свою основную функцию информирования населения о текущих событиях, воздействуют на процесс формирования общественного мнения, поскольку практически никогда не бывают политически нейтральны. Но это касается не только деятельности журналистов. Среди пользователей выделяется категория «гражданских политиков», т.е. людей, которые являются не просто пассивными участниками процесса обсуждения, а активно вступают в дискуссию, высказывая свое мнение, комментируя событие и реакцию на него политиков и других людей. Лайки, перепостивание сообщений, создаваемые пользователями визуальные материалы (фотографии, коллажи, ролики, мемы), с одной стороны, расширяют дискурс в пространстве и времени и, с другой – содержательно его углубляют и придают ему эмоциональную окраску. Контент нарастает, как снежный ком, приобретая все большую детализацию и противоречия в оценках описываемых событий.

Ситуацию усложняют технологии искусственного интеллекта, которые генерируют вербально и визуально выраженную информацию. В процесс распространения информации включаются боты, которые засоряют медиaprостранство, создавая информационный шум. Но если боты просто дублируют сообщение и размножают его, увеличивая объем распространяемой информации, то современные технологии ИИ могут влиять уже на качество контента, искажая его смысл.

В результате, если начальная точка нарратива в медиаполитическом дискурсе очевидна, это само событие, то финальную точку найти практически невозможно, поскольку дискурс развивается за счет введения дополнительных линий повествования, сюжетов и информации. Контент меняет знак с положительного на отрицательный и наоборот в зависимости от политических взглядов участников и их профессионального опыта. Поэтому нарратив в медиаполитическом дискурсе не представляет собой последовательное изложение, имеющее четкую структуру и единый контент, а скорее повествовательное кружево, обладающее разнообразной аксиологической окраской.

Все перечисленные выше характеристики современного медиаполитического дискурса делают вопрос о реализуемых в нем нарративных схемах, т.е. способах построения повествования чрезвычайно сложным.

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить и описать наиболее частотные нарративные схемы, которые используются

авторами новостных монологических медиатекстов политического характера в условиях цифровизации медиадискурса.

Материалом настоящего исследования были корпус монологических новостных текстов, размещенных на Ленте новостей РИА Новости с 1 марта по 1 июня 2025 г.

Прежде всего, необходимо описать ряд условий, которые учитывались в ходе исследования. Корпус включал в себя тексты разной тематики, поэтому необходимо было ввести ряд ограничений. Во-первых, рассматривались только тексты, посвященные вопросам текущей политики. Во-вторых, поскольку даже в этом случае охватить весь массив текстов такого рода не было возможности, то на первом этапе исследования были отобраны тексты для последующего анализа путем использования хештэгов «Россия», «США», «Украина» в соответствии с хронологией их публикации.

В-третьих, исследование было сосредоточено исключительно на вербальном компоненте, хотя для усиления речевого воздействия новостные тексты в сети обязательно содержат визуализацию, которая так или иначе модифицирует общий смысл всего медиатекста. В текстах Ленты новостей изобразительные элементы (фотографии, карикатуры, изображения, сгенерированные искусственным интеллектом и т.п.) далеко не всегда представляют собой иллюстрацию того, о чем идет речь в основном тексте. Дальнейшее изучение нарративных схем позволит уточнить характер введения визуальных элементов в такие короткие тексты, как новостные сообщения, но в данном исследовании они не рассматривались.

Второй этап был основан на технике прямого наблюдения, в ходе которого использовался структурно-семантический анализ отобранных текстов, позволяющий определить особенности их построения и содержательную направленность. Кроме того, учитывались функции, которые тексты выполняют в медиаполитическом дискурсе.

История вопроса

Нарратология как научная дисциплина зародилась в начале XX века, и большой вклад в ее развитие внесли русские филологи-формалисты – В. Шкловский, М.М. Бахтин, Ю. Тынянов, В. Пропп, Р. Якобсон. Еще в 1928 г. В.Я. Пропп предпринял систематическое исследование структуры нарратива [Пропп, 1928, 2023]. Анализируя тексты разных жанров, филологи описали структуру, функции

и эффекты повествования как особого вида представления информации в словесной форме.

В дальнейшем на труды литературоведов обратили внимание психологи [Кадырова, 2012] и социологи [Троцук, 2004]. Первые искали в повествовании причины поведения человека и пути понимания личностью своей идентичности, вторые – способы социальной организации человеческого общества [Лиотар, 2012]. Это стало возможным, потому что с помощью нарратива мы осмысливаем широкие, более дифференцированные и более сложные контексты нашего опыта нежели те, что описаны в художественной литературе [Обдалова, Левашкина, 2019]. Понятие «нарратив» было обобщено и расширено и в то же время специфицировано в широком спектре вопросов, которые включают исследование способов, посредством которых мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей идентичности [Брокмейер, Харре, 2000].

До определенного времени исследования проводились на материале разных жанров художественного текста. Но с увеличением объема публицистических текстов и, прежде всего, материалов СМИ в поле внимания ученых оказался нарратив иного типа. Поскольку СМИ играют важную роль в жизни общества и в большой степени формируют общественное мнение, исследователи обратились к анализу манипулятивного потенциала нарратива [Луканина, Салиева, 2014].

Изучение медиатекстов значительно углубило и расширило наше знание о возможностях нарратива. Переход в цифровую среду позволил объединить текст, визуальные элементы (фотографию, видео, анимацию, иллюстрацию, инфографику, карту) и звук, а также сделал более разнообразным оформление текста (таймлайн, выносная цитата, дизайн). Такие свойства медиатекста, как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность создали новые повествовательные возможности [Berning, 2011]. Иначе говоря, «в медиапространстве нарратив становится коммуникативной техникой, одним из способов передачи информации» и таким образом возникает мультимедийный нарратив [Качанов, 2020, с. 82].

Результаты анализа

Лента новостей РИА Новости представляет собой последовательность информационных медиатекстов, расположенных в хронологическом порядке. Это не значит, что события, описывае-

мые в текстах, также всегда отражают мир в строгом соответствии с реальным временем. Лента новостей, как правило, запаздывает с размещением текстов по той простой причине, что они должны быть подготовлены к публикации, да и сама информация поступает в редакцию не последовательными четко отделенными друг от друга маленькими квантами, а большим неструктурированным массивом. Поэтому вполне справедливо утверждение, что «новостные нарративы отличает типичная неупорядоченная или несвязанная хронологическая структура и сравнительное отсутствие причинно-следственной связи» [Кудрявцева, 2021, с. 144]. Тем не менее последовательность новостных медиатекстов вполне можно классифицировать как нарратив, т.е. «повествования в том смысле, что они [тексты] превращены в рассказы или мифы о том, “как обстоят дела” (stories or myths about the ‘way things are’) [Narrative and Media, 2005, p. 256].

Рассказы построены по разным нарративным схемам. Наиболее частотной является схема «нарратив-факт», когда медиатекст повествует о свершившемся событии. Данная схема отражает ответы на вопросы «когда», «где», «кто», «что» и «почему», обеспечивающими полноту излагаемой информации. Текст лишен эмоционально оценочных коннотаций и выполняет исключительно информационную функцию.

Схема «нарратив-факт» лежит в основе новостных пресс-релизов, т.е. коротких информационных текстов, написанию которых обучают как журналистов, так и специалистов в области связей с общественностью. Эмоционально нейтральный новостной пресс-релиз в центр внимания читателей помещает непосредственно само событие, которое стало информационным поводом. Структурно такие тексты отражают перевернутую «информационную пирамиду», когда информация располагается в порядке уменьшения ее значимости. Часто именно новостные пресс-релизы, подготовленные специалистами по связям с общественностью, используются журналистами для публикации в разделах, посвященных новостям. Корреспонденты также опираются на данную нарративную схему.

Приведем несколько примеров. Медиатексты, построенные по нарративной схеме «нарратив-факт», могут быть очень короткими, например:

**Мединский вышел к журналистам после переговоров
в Стамбуле**

Глава российской делегации в Стамбуле Мединский вышел к представителям СМИ по итогам переговоров, передает корреспондент РИА Новости.

Или более длинными, содержащими детали, которые несколько расширяют новостное содержание, например:

**Российская делегация прибыла на переговоры
с США в Эр-Рияде**

ЭР-РИЯД, 24 мар. – РИА Новости. Российская делегация прибыла на встречу с группой экспертов от США в Эр-Рияде, сообщил корреспондент РИА Новости.

Переговоры пройдут в закрытой форме. Служба госбезопасности Саудовской Аравии попросила журналистов покинуть территорию отеля Ritz-Carlton.

Россию на встрече представляют глава международного комитета Совета Федерации Григорий Карасин и советник директора ФСБ Сергей Беседа.

Как ожидается, переговоры будут посвящены теме Черноморской инициативы. В Кремле не исключили, что на встрече могут обсудить и другие аспекты, связанные с украинским урегулированием.

Накануне делегация Вашингтона встретились в Эр-Рияде с делегацией Киева, в которую вошли замруководителя офиса Владимира Зеленского Павел Палиса и экс-начальник Генштаба ВСУ и ныне генеральный инспектор Минобороны Украины Анатолий Баргилевич.

Как сообщил РИА Новости Палиса, встреч российской и украинской делегаций не планируется.

В более пространных текстах перевернутая «информационная пирамида» представлена более явно, как в приведенном тексте: главная информация дается в лид-абзаце, в то время как последующее повествование не только обогащает ее конкретными фактами, касающимися характера события, но и содержит планы или предположения относительно его последствий в будущем.

Схема «нарратив-аллюзия» предусматривает включение в текст ссылку на событие или документ, без которого смысл новости понятен не полностью. Такая нарративная схема регулярно используется при изложении новостей, которые могут быть неверно интерпретированы читателем. Так, например, любой медиатекст, в котором говорится о бомбардировках ВС России в глубине территории Украины, содержит аллюзию на события 2022 г., когда украинские спецслужбы организовали теракт на Крымском мосту, например:

В Киевской области объявили воздушную тревогу

***В Киевской и еще девяти областях Украины объявили
воздушную тревогу***

МОСКВА, 11 мая – РИА Новости. Воздушная тревога объявлена в 10 областях Украины, в том числе в Киевской, свидетельствуют данные онлайн-карты украинского министерства цифровой трансформации.

В 21.28 (совпадает с мск) сигнал воздушной тревоги прозвучал в Киеве и Харьковской области. Следом ее объявили в Днепропетровской, Полтавской, Черниговской, Сумской, Черкасской, Кировоградской, Киевской, Житомирской, Винницкой области.

Удары по украинской инфраструктуре ВС РФ начали наносить 10 октября 2022 года – через два дня после теракта на Крымском мосту, за которым, по оценке российских властей, стояли украинские спецслужбы. Удары наносятся в том числе по объектам оборонной промышленности, военного управления и связи по всей стране. Вместе с тем пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков заявлял, что российские войска в боях с ВСУ не наносят удары по жилым домам и социальной инфраструктуре.

Напоминание о том, что подобные бомбардировки являются ответным шагом России на террористические действия Киевского режима, необходимо потому, что в Западной прессе постоянно муссируются слухи о неспровоцированных нападениях российских войск на мирные гражданские объекты Украины. Таким образом, аллюзия на теракт украинских спецслужб на Крымском мосту в 2022 г. создает корректирующий подобные слухи контекст для новости, опубликованной в 2025 г.

Особенно важно использование схемы «нарратив-аллюзия» в случаях упоминания в самом тексте документов, договоров и соглашений, которые могут быть неизвестны неподготовленной к политической дискуссии широкой аудитории. Конечно, как уже было отмечено выше, в социальных сетях есть много пользователей, которые живо интересуются ситуацией в стране и мире. Они не только выражают свое отношение к этим событиям путем использования лайков, но и охотно комментируют их, давая оценку политикам, которые имеют к нему отношение. Такие «гражданские политики» образуют в Сети собственные группы, где и обсуждают текущую повестку дня с такими же политически активными пользователями. При этом многие из них обладают необходимыми знаниями в области истории и политики. Но Лента новостей РИА Новости предназначена для широкой аудитории, где не все пользователи имеют соответствующее образование в области политологии или истории международных отношений. Поэтому «нарратив-аллюзия» восполняет пробел в политических фоновых знаниях пользователей.

Кроме того, схема «нарратив-аллюзия» выполняет важную функцию, соотнося текущее событие с предыдущими, что способствует выстраиванию стройности и логической последовательности политического дискурса в целом, устанавливая в нем причинно-следственные связи, и нивелируя информационные лакуны, которые неизбежно возникают при простом изложении новостей, актуальных для сегодняшнего дня.

Информационным поводом в политическом медиадискурсе может служить не только политически значимое событие, но и речь политических и общественных деятелей, ведь каждое слово политика представляет собой политический акт. К выступлениям глав государств приковано внимание многих людей по той простой причине, что они могут оказать серьезное влияние на текущую ситуацию и изменить судьбы народов и стран. Понятно, что журналисты, которые видят свою основную функцию в информировании населения, уделяют особое внимание речи политических лидеров.

На сайтах органов государственного управления представлен оригинальный властный дискурс в форме стенограмм или видеозаписей выступлений политических лидеров. Журналисты могут использовать этот материал для подготовки собственных медиатекстов, которые размещаются в разных СМИ.

В аналитических статьях в качественной прессе журналисты нередко детально рассматривают тексты выступлений политических лидеров. Приводя фрагменты их выступлений в своем тексте, журналисты пытаются обнаружить мотивы, которыми руководствовались политики, делая то или иное заявление. Они ищут противоречия и несоответствие их слов и реальной ситуации и, таким образом, уличают политиков во лжи, что пагубным образом отражается на имидже политиков в обществе. Комментируют и интерпретируют выступления политических лидеров. Поэтому большой процент многих медиатекстов занимает цитирование. Можно сказать, что подобный политический медиатекст является вторичным по отношению к оригиналу.

Отличием новостного медиатекста является его краткость. Оценка содержания выступления журналистом выражается лишь косвенно при отборе фрагментов, которые включаются в медиатекст в качестве цитат. Таким образом, журналист сам определяет важную и менее важную информацию. Комментарий журналиста сводится к минимуму. Нередко практически весь новостной текст является цитатой. Поскольку даже глаголы-скрепы максимально нейтральны, то эмоциональность медиатекста зависит от тональности цитируемых фрагментов речи политика.

В новостных медиатекстах, построенных по схеме «нарратив-цитата», повествование, как уже было сказано, либо целиком представляет собой полную цитату, либо является сочетанием цитирования разных типов: полное, косвенное, фрагментарное, обобщенное [Варченко, Минаева, 2007], например:

***Шойгу рассказал о перспективах совместной работы
с Трампом по Украине***

***Шойгу: наметились перспективы совместной работы
России и США по Украине***

МОСКВА, 30 апр. – РИА Новости. Перспективы совместной работы по поиску путей урегулирования украинского кризиса наметились в ходе контактов российской стороны с президентом США Дональдом Трампом и представителями его администрации, заявил секретарь Совета безопасности РФ Сергей Шойгу.

«В ходе контактов российской стороны с президентом США Дональдом Трампом и представителями его администрации были намечены перспективы совместной работы

по поиску путей урегулирования украинского кризиса», – сказал Шойгу в видеоформате на II сессии заседания высоких представителей государств БРИКС, курирующих вопросы безопасности, которая проходит в столице Бразилии. Видео участникам заседания было представлено делегацией Совета безопасности РФ.

В приведенном примере, в заголовке приводится фрагмент цитаты из выступления С. Шойгу, которая дважды повторяется в самом тексте новости, причем сначала в форме косвенного цитирования, а затем полностью как часть прямой речи, что подчеркивается ее оформлением кавычками и поясняющим описанием контекста ситуации журналистом. Цитируемый текст отражает главную мысль речи С. Шойгу как представителя России на таком важном в плане текущей международной ситуации событии, как встреча государств – членов БРИКС, посвященная вопросам безопасности. Повтор позволяет подчеркнуть значимость этого высказывания.

«Нарратив-цитата», во-первых, обеспечивает документальность публикуемой новости, и, во-вторых, выполняет функцию аргумента к авторитету, поскольку в политическом медиатексте, как правило, цитируется один из влиятельных политических деятелей в мире.

В отличие от перечисленных выше нарративных схем, которые характерны исключительно для новостных медиатекстов, размещаемых в электронных СМИ, схема «нарратив-мнение» используется давно в материалах, которые представляют собой комментарий журналиста, специализирующегося на анализе текущих политических событий. Такие статьи публикуются и в традиционной прессе в разделах, посвященных политическим событиям. Эти публикации соответствуют тому типу модифицированного субъективного новостного текста, который Хелен Фултон называет «мягкой» (soft) формой нарратива, подверженной искажению и интерпретации [Narrative and Media, 2005, p. 256].

Так, например, 14 мая в Ленте новостей был размещен текст **«Только не это: перед переговорами в Стамбуле Путин рассказал про страх»**. Если обычно в новостных медиатекстах автор не указывается, поскольку они являются продуктом коллективного творчества, то тексты, построенные по схеме «нарратив-мнение», создаются конкретными журналистами, и в данном случае это Кирилл Стрельников.

Указанный текст, безусловно, новостной, поскольку отправной точкой всего повествования служит выступление президента В. Путина 12 мая, в котором он предложил возобновить 15 мая прямые переговоры без предварительных условий с Украиной в Стамбуле. Но он резко отличается от медиатекстов, рассмотренных выше: автор предлагает свою трактовку как самого выступления, так и возможной реакции на него других участников конфликта и, таким образом, предлагает пользователям собственную историю происходящего. Для этого журналист отбирает из всего огромного массива опубликованных медиатекстов и текстов выступлений разных политиков только те, которые отвечают его цели – подчеркнуть спокойную непоколебимость России и нервозность ее противников: передача CNN, высказывания Уиткоффа, Келлога, с одной стороны, и Рябкова, Пескова – с другой.

В таком подходе к новости отражаются манипулятивные возможности нарратива, о которых речь шла выше. Журналист создает историю, которая, с одной стороны, опирается на уже общепризнанные факты, т.е. объективную реальность, а с другой – сам отбор этих фактов и собственный комментарий журналиста вместе задают определенный ракурс ее восприятия читателем.

В связи с этим следует подчеркнуть, что в функциональном плане «главная ценность историй – именно в связях, которыми они насыщают окружающий мир, в отношениях между людьми, событиями, явлениями. Смысл не заключён в объекте, смысл – это то, что появляется в момент соединения одного с другим. Истории связывают нас с миром» [Гуменский, 2016, с. 57] Таким образом, созданная данным журналистом история событий уже больше, чем просто новость. Функционально «нарратив-мнение» создает расширенную, но субъективную рамку для исходной новости.

Отдельные самостоятельные новостные медиатексты, в которых используются разные нарративные схемы, благодаря усилиям журналистов представлены в Ленте новостей в хронологической последовательности и, в совокупности, образуют, условно говоря, горизонтальный нарратив, т.е., непрерывное повествование – рассказ о событиях дня.

Однако следует отметить, что, хотя в течение даже одного дня происходит много событий, одно из них может доминировать, поскольку обладает исключительной политической значимостью. В этом случае горизонтальный нарратив расслаивается, и в нем выделяется одна самостоятельная история.

Так, например, 24 марта 2025 г. в Эр-Рияде проходили переговоры между Россией и США. Рассказ об этом событии представлен как самостоятельная история в рамках новостного медиаполитического дискурса, представленного в Ленте новостей РИА Новости за 24 марта. По вполне понятной причине внимание мировой общественности было приковано к первым за много лет прямым переговорам между Россией и США, которые, возможно, будут иметь серьезные последствия для решения украинского конфликта. Хронологическое, буквально поминутное описание всех действий делегаций составило отдельный мини-нарратив, что демонстрируют заголовки новостных текстов, которые приводятся ниже. Тексты характеризуют формат переговоров, их продолжительность и порядок проведения, включая несколько перерывов.

Нарративная схема, которая используется при таком оформлении самостоятельной истории, состоящей из ряда новостных текстов, опирается на прием нанизывания [Шкловский, 1925]. Один медиатекст связывается с другими единством действующих лиц (делегации России и США) и общим мотивом (попытка преодолеть противостояние двух стран путем дипломатических переговоров, которая является следствием телефонного разговора двух лидеров).

- 10.06 – Российская делегация прибыла на переговоры с США в Эр-Рияде.
1. 10.16 – В Эр-Рияде проходят переговоры между российской и американской делегациями.
2. 11.20 – Российско-американские переговоры в Саудовской Аравии длятся более часа.
3. 12.23 – Переговоры России и США в Эр-Рияде продолжаются, сообщил источник.
4. 12.28 – Путину доложат об итогах переговоров в Эр-Рияде.
5. 13.29 – Участники переговоров в Эр-Рияде сделали перерыв на обед, сообщил источник.
6. 14.39 – Переговоры делегаций России и США продолжились после перерыва.
7. 16.06 – Делегации России и США вновь ушли на перерыв.
8. 17.10 – Переговоры России и США возобновились после второго перерыва.
9. 18.20 – Делегации России и США ушли еще на один перерыв.

- 10.19.45 – Источник: переговоры России и США возобновились после третьего перерыва.
- 11.20.37 – Переговоры России и США в Эр-Рияде завершаются, заявил Карасин.
- 12.21.33 – Делегация России и США согласовывают текст совместного заявления.
- 13.22.18 – Переговоры России и США в Эр-Рияде подходят к концу спустя 12 часов.
- 14.22.30 – Переговоры в России и США в Эр-Рияде завершились.
- 15.22.40 – Совместное заявление России и США по итогам переговоров опубликуют 25 марта.
- 16.22.46 – Российская делегация покинула площадку переговоров с США в Эр-Рияде.
- 17.22.55 – Делегации России и США не стали общаться с прессой после переговоров.

Рассказ о проведенных переговорах вставлен в горизонтальный нарратив – события одного дня.

Горизонтальный нарратив сочетается с вертикальным, который, благодаря гипертекстуальности медиатекста, включает в себя большое разнообразие новостных медиатекстов. При этом даже в одном медиатексте, входящем в горизонтальный нарратив, может быть целая серия вертикальных нарративов, которые строятся по моделям разных схем.

В качестве примера рассмотрим медиатекст от 25 марта 2025 г. под заголовком ***«Американская разведка назвала Россию значительным конкурентом для США. Разведка США: РФ продемонстрировала военную и экономическую устойчивость»***.

В медиатексте, входящем в горизонтальный нарратив за 25 марта 2025 г., речь идет о ядерном потенциале Российской Федерации. Основой повествования в нем выступает официальный документ – ежегодный доклад американской разведки:

– «Россия показала экономическую и военную устойчивость, что делает ее серьезным конкурентом США», – говорится в ежегодном докладе американской разведки, опубликованном к слушаниям в профильном комитете сената.

«Ядерный потенциал России и конвенциональные возможности, вместе с продемонстрированной экономической и военной устойчивостью, делают ее значительным соперником», – говорится в документе.

Гиперссылки вводят четыре медиатекста, создающих вертикальный нарратив. Два из них «нарративы-цитаты»:

«Захарова рассказала о манипуляциях Макрона с ядерным оружием. Захарова: Макрон манипулирует темой ядерного оружия, говоря про Rafale».

Как следует из заголовка, в центре внимания медиатекста слова официального представителя МИД Марии Захаровой, что подтверждается цитатой, которая вынесена в подзаголовок.

По той же модели строится следующая вставка:

«Трамп заявил, что конфликт на Украине мог перерасти в третью мировую войну. Трамп: конфликт на Украине мог перерасти в третью мировую войну».

В тексте лид-абзац представляет собой косвенную цитату. Но затем приводятся подлинные слова Трампа (полное цитирование), а потом отдельные словосочетания из речи президента (фрагментарное цитирование), которые акцентируют основные трактовки украинского конфликта президентом США.

Третья вставка («нарратив-аллюзия») ***«СМИ: Британия отказала США в вопросе применения ядерных ракет против России. DE: Британия захотела применять ядерное оружие против РФ без разрешения США»*** информационно дополняет политический контекст исходного медиатекста, поскольку в нем рассказывается о действиях США в соответствии с ранее заключенным Соглашением между США и Великобританией о взаимной обороне 1958 г.

Наконец, четвертая вставка – ***«Путин и Трамп запустили российско-американские горки»*** – «нарратив-мнение». Как и в примере «нарратива-мнения», рассмотренном выше, данный текст создан конкретным журналистом (Александром Яковенко) и представляет собой аналитический медиатекст, содержащий индивидуальную трактовку событий, которые были «запущены» телефонным разговором российского и американского президентов. Автор приводит конкретные факты и рассуждает по поводу дальнейших мер, принятых обеими сторонами и направленных на урегулирование украинского конфликта.

Дальнейшее рассмотрение отдельных вертикальных нарративов в качестве самостоятельных медиатекстов показывает, что логика включения уже в них других медиатекстов через гиперссылки та же самая, которая была показана на примере выше, но с каждым новым включением появляется новый мотив, выстраивается новое направление рассуждения.

В целом, построение такого вертикального нарратива соответствует ступенчатому нарастанию мотивов, о котором писал В. Шкловский в связи с анализом строения рассказа и романа, приводя в пример авантюрный роман, где «такие нарастания по существу своему бесконечны, как бесконечны и авантюрные романы, на них построенные» [Шкловский, 1925].

Однако цифровые технологии делают ступенчатую нарративную схему более сложной, потому что возникает большое число связей исходного новостного медиатекста с другими медиатекстами, образуя схему «мультинарратива».

В данном случае вертикальный нарратив, размножая через систему гиперссылок общее число текстов, которые, по мнению редакторов, имеют отношение к исходной новости горизонтального нарратива, создает целую сеть с точками, где читатель должен принять решение. Важно подчеркнуть именно применительно к современному медиаполитическому дискурсу, что читатель / пользователь сам «выращивает» свое «дерево решений», т.е. делает выбор «ступенек», по которым он будет идти дальше. Выбор дает ему возможность по-разному взглянуть на проблему, расширяя или сужая интерпретационные рамки исходного медиатекста горизонтального нарратива.

Однако это лишь иллюзия выбора, поскольку определенный подбор гиперссылок нередко используется для внедрения в сознание читателя / пользователя определенного понимания рассматриваемой проблемы / события [Колесникова, 2020]. Гиперссылки в вертикальном нарративе несколько раз закольцовывают тексты, которые уже были опубликованы ранее, повышая, таким образом, вероятность того, что читатель познакомится с конкретным политически значимым медиатекстом.

Так, например, 27 марта был опубликован новостной медиатекст **«Русские нам не враги»: в США поставили Зеленского на место. Дэвид Сакс: российский народ не является врагом для США**. Это исходный новостной медиатекст горизонтального нарратива. Назовем его текстом первого уровня. Гиперссылки вводят в него еще два текста:

- 1. «Ясное послание»: во Франции раскрыли смысл жеста Трампа в Ватикане. Филиппо: Трамп сделал послание миру, прогнав Макрона со встречи с Зеленским.**
- 2. «Все почему-то забывают»: в Раде раскрыли животный страх Зеленского. Нарден Дубинский: Зеленский боится мира из-за ответственности за убийства людей.**

Назовем их текстами второго уровня. Первый текст второго уровня (**«Ясное послание»: во Франции раскрыли смысл жесты Трампа в Ватикане Филиппо: Трамп сделал послание миру, прогнав Макрона со встречи с Зеленским**) также имеет гиперссылки, которые вводят еще два текста уже третьего уровня. Однако они отсылают читателя не только к содержательно новому тексту **«Чтец по губам раскрыла, что Трамп сказал Макрону в Ватикане. Суп: Трамп в Ватикане велел Макрону не участвовать в его разговоре с Зеленским»**, который действительно имеет прямое отношение к теме первого текста второго уровня, но и возвращает читателя ко второму тексту второго уровня **«Все почему-то забывают»: в Раде раскрыли животный страх Зеленского. Нардеп Дубинский: Зеленский боится мира из-за ответственности за убийства людей»**.

Таким образом, идет ли читатель по одной «лесенке» или другой, он, все равно, познакомится с текстом, который представляет собой характеристику Зеленского депутатом Рады Дубинским.

Возвращаясь к исходному медиатексту горизонтального нарратива «Американская разведка назвала Россию значительным конкурентом для США», следует указать еще на одну особенность политического медиатекста – наличие комментариев читателей / пользователей. Обычно в Ленте новостей РИА Новости после основного медиатекста предлагается обсудить новость и далее размещаются иконки, нажав которые пользователи выражают свое мнение, а далее приводятся популярные комментарии читателей / пользователей.

Данный раздел новостного медиатекста приближает его к формату социального медиа-релиза, который размещается в социальных сетях и стимулирует активное участие читателей / пользователей в процессе обсуждения новости. Именно в социальных сетях, как указывалось выше, «гражданские политики», т.е. люди неравнодушные к положению страны и принимаемым руководством политических решений, высказывают свое мнение и вступают в диалог, причем не только между собой, но и, нередко, непосредственно с самими политиками.

Такое вовлечение читателей / пользователей в коммуникацию в случае той части медиаполитического дискурса, который создается профессиональными журналистами официального информационного агентства, оживляет весь новостной медиатекст, демонстрирует его актуальность, показывает интерес читателей к предлагаемой информации. Кроме того, качественный новостной

медиаполитический дискурс в настоящее время, когда не прекращаются попытки исказить реальное положение дел и опорочить Россию, чрезвычайно важен как надежный источник новостной информации и для «гражданских политиков».

При этом, однако, следует подчеркнуть, что переход к диалогической речи значительно усложняет структуру нарратива. И хотя анализ диалогических текстов не был целью настоящей статьи, но даже на этом этапе исследования становится ясно, что результатом будет усложнение схемы «мультинарратив».

Заключение

Таким образом, в ходе анализа монологических новостных медиатекстов, составляющих политический медиадискурс в рамках Ленты новостей РИА Новости, выявлено большое разнообразие нарративных схем, которые используются журналистами для оптимизации подачи политически значимой информации.

Некоторые нарративные схемы перешли в новую среду из традиционного медиадискурса, существующего офф-лайн, практически без изменений (схемы «нарратив-факт», «нарратив-мнение»), другие частично адаптировались к условиям цифровой среды («нарратив-цитата», «нарратив-аллюзия»). Наконец, схема «мультинарратив» полностью является порождением цифровых технологий. Данная схема обладает значительным манипуляционным потенциалом, который реализуется в архитектуре медиадискурса благодаря гипертекстуальности.

Резюмируя сказанное, можно сделать заключение, что исследование нарративных схем современного монологического новостного медиаполитического дискурса расширяет наше представление о построении повествования в условиях цифровой среды и его функциональных возможностях. Продолжение изучения нарративных схем медиаполитического дискурса потребует анализа особенностей включения в него визуального компонента и детализации структуры диалогического нарратива.

Список литературы

- Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3 – С. 29–42.
- Варченко В.В., Минаева Л.В.* Политическая речь как цитата в медиатексте // Речевая коммуникация в политике. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – С. 204–230.

- Гуменский А.В. Связи с общественностью в цифровой среде // Альманах АПСО «Российская школа связей с общественностью». – 2016. – Вып. 8. – С. 55–69. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25719175> (дата обращения: 15.08.2025).
- Кадырова Р.Г. Теория нарратива и нарративный анализ в психологии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. – 2012. – № 2 (90). – С. 126–128. – URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media70422/041_kadirova.pdf (дата обращения: 15.09.2025).
- Качанов Д.Г. Нарратив в мультимедийной журналистике: Анализ российских и зарубежных медиапроектов // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. – 2020. – № 1. – С. 79–100.
- Колесникова Н.Л. Новостной гипертекст как инструмент формирования общественного мнения // Медиатехнологии в условиях меняющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы. – Ставрополь : Издательство Северо-Кавказского федерального университета, 2020. – С. 177–181.
- Кудрявцева З.Г. Виды нарративов в политическом дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 4 (43). – С. 142–146.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетей, 1998. – 160 с.
- Луканина М.В., Салиева Л.К. Нарративное манипулирование // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnoe-manipulirovanie> (дата обращения: 15.08.2025).
- Минаева Л.В. Речь в мире политики. – Москва : Аспект-Пресс, 2019. – 224 с.
- Обдалова О.А., Левашкина З.Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. – 2019. – № 48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-narrativ-kak-fenomen-kultury-i-obekt-diskursivnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 03.09.2025).
- Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Москва : АСТ, 2023. – 256 с.
- Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Сер. Социология. – 2004. – № 6–7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativ-kak-mezhdistsiplinarnyy-metodologicheskyy-konstrukt-v-sovremennyh-sotsialnyh-naukah-1> (дата обращения: 15.08.2025).
- Шкловский В. Строение рассказа и романа // О теории прозы. – Москва : Изд-во «Круг», 1925. – С. 56–69.
- Berning N. Narrative Journalism in the Age of the Internet: New Ways to Create Authenticity in Online Literary Reportages. – 2011. – *Textpraxis* 3. – URL: <http://www.uni-muenster.de/textpraxis/nora-berning-narrative-journalism-in-the-age-of-the-internet> (дата обращения: 15.08.2025)
- Narrative and Media* / Fulton H., Huisman R., Murphet J., Dunn A. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2005. – 342 p.

References

- Brokmeyer Y., Kharre R. Narrative: *The Problems and Promises of an Alternative Paradigm*. In: *Voprosy filosofii*. 2000. N 3. Pp. 29-42. (In Russian)

- Varchenko V.V., Minayeva L.V. *Political Speech as a Quotation in a Media Text*. In: *Speech communication in politics*. Moscow: FLINTA: Nauka, 2007. Pp. 204–230. (In Russian)
- Gumenskiy A.V. *Public Relations in the Digital Environment*. In: *Al'manakh APSO «Rossiyskaya shkola svyazey s obshchestvennost'yu»*. 2016. Ch. 8. Pp. 55–69. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25719175> (дата обращения: 15.08.2025). (In Russian)
- Kadyrova R.G. *Narrative Theory and Narrative Analysis in Psychology*. In: *Science Vektor of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 2012. 2 (90). Pp. 126–128. – URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media70422/041_kadyrova.pdf (дата обращения: 15.09.2025). (In Russian)
- Kachanov D.G. *Narrative in Multimedia Journalism: An Analysis of Russian and Foreign Media Projects*. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 2020. N 1. Pp. 79–100. (In Russian)
- Kolesnikova N.L. *News Hypertext as a Tool for Shaping Public Opinion*. In: *Media Technologies in a Changing World: Trends, Problems, Forecasts: Collection of Works*. Stavropol': SKFU, 2020. Pp. 177–181. (In Russian)
- Kudryavtseva Z.G. *Types of Narratives in Political Discourse*. In: *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. 2021. N 4 (43). Pp. 142–146. (In Russian)
- Liotar Zh.-F. *Postmodern Condition* / transl. from French by N.A. Shmatko. SPb., 1998. 160 p. (In Russian)
- Lukanina M.V., Saliyeva L.K. *Narrative Manipulation*. In: *E-journal Public Administration*. 2014. N 46. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativnoe-manipulirovanie> (accessed: 15.08.2025). (In Russian)
- Minayeva L.V. *Speech in the world of politics*. Moscow: Aspekt-Press, 2019. 224 p. (In Russian)
- Obdalova O.A., Levashkina Z.N. *The Concept of “Narrative” as a Cultural Phenomenon and an Object of Discursive Activity*. In: *Language and Culture*. 2019. N 48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-narrativ-kak-fenomen-kultury-i-obekt-diskursivnoy-deyatelnosti> (accessed: 03.09.2025). (In Russian)
- Propp V.Ya. *Morphology of a Fairy Tale*. Moscow: AST, 2023. 256 p. (In Russian)
- Trotsuk I.V. *Narrative as an Interdisciplinary Methodological Construct in Modern Social Sciences*. In: *RUDN Journal of Sociology*. 2004. N 6–7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativ-kak-mezhdistsiplinarnyy-metodologicheskiy-konstruktsiy-ov-sovremennykh-sotsialnykh-naukah-1> (дата обращения: 15.08.2025). (In Russian)
- Shklovskiy V. *The Structure of the Story and the Novel*. In: *About Theory of Prose*. Moscow: Izd-vo “Krug”, 1925. Pp. 56–69. (In Russian)
- Berning N. *Narrative Journalism in the Age of the Internet: New Ways to Create Authenticity in Online Literary Reportages*. 2011. Textpraxis 3. – URL: <http://www.uni-muenster.de/textpraxis/nora-berning-narrative-journalism-in-the-age-of-the-internet> (accessed: 15.08.2025).
- Narrative and Media* / Fulton H., Huisman R., Murphet J., Dunn A. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 342 p.

Мао Вэньли¹, Шаронов И.А.²

КОНЦЕПТ «ОСУЖДЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОМПЛЕКСНОЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ, СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Аннотация. Статья посвящена комплексному описанию концепта «осуждение» на материале словарных источников и современных лингвистических исследований. Показано, что глаголы «осудить» и «осуждать» этимологически восходят к праславянской основе *sǫdъ, связанной с судебной-правовой сферой, при этом в современном русском языке ведущей становится нормативно-оценочная семантика. Анализ синонимии выявляет разветвлённый синонимический ряд, в котором «порицание» и «упрёк» образуют ближайшую зону, тогда как «обвинение» характеризуется существенными семантико-прагматическими различиями. В социо-прагматическом аспекте осуждение рассматривается как нормативно-регулятивный речевой акт, направленный на выражение отрицательной оценки поступка кого-либо и на регулирование поведения адресата. С коммуникативно-дискурсивных позиций осуждение моделируется как типовая коммуникативная ситуация, реализующаяся в форме микродиалога и включающая стимул (негативно оцениваемое действие или поведение), речевой акт осуждения, реакцию на осуждение, извинение или оправдание. В статье подчёркивается значимость концепта «осуждение» для описания стратегий и реализующих их стереотипных формул речевого эти-

¹ © Мао В., 2026

Мао Вэньли – аспирант кафедры русского языка Школы иностранных языков Пекинского университета; maowenli@stu.pku.edu.cn

² © Шаронов И.А., 2026

Шаронов Игорь Алексеевич – доктор филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); igor_sharonov@mail.ru

кета русского языка и обозначаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: концепт «осуждение»; речевой акт; оценка; речевой этикет; конфликт общения.

Для цитирования: Мао В., Шаронов И.А. Концепт «осуждение» в современном русском языке: комплексное лексикографическое, семантическое и прагматическое описание // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2026. – № 2. – С. 28–45. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.02

Поступила в редакцию: 28.12.2025 г.

Принята к печати: 02.02.2026 г.

Mao Wenli*, Sharonov I.A.**

**THE CONCEPT OF “CONDEMNATION” IN
CONTEMPORARY RUSSIAN: A COMPREHENSIVE
LEXICOGRAPHIC, SEMANTIC, AND PRAGMATIC
DESCRIPTION**

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the concept of “condemnation” based on lexicographic sources and contemporary linguistic studies. It is shown that the verbs “osudit” and “osuzhdat” etymologically derive from the Proto-Slavic root *sŏdъ, associated with the judicial and legal domain, while in contemporary Russian their dominant meaning is normative and evaluative in nature. An analysis of synonymy reveals an extensive synonymic network in which “poritsanie” and “uprek” constitute the closest semantic zone, whereas “obvinenie” displays significant semantic and pragmatic differences. From a socio-pragmatic perspective, condemnation is examined as a normative-regulative speech act aimed at expressing a negative evaluation of another person’s actions and at regulating the addressee’s behavior. From a communicative-discursive standpoint, condemnation is modeled as a typical communicative situation realized in the form of a micro-dialogue, which includes a stimulus (a negatively evaluated action or behavior), a speech act of condemnation,

* Mao Wenli – Postgraduate student at the Department of Russian Language, School of Foreign Languages, Peking University; maowenli@stu.pku.edu.cn

** Sharonov Igor Alekseevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH); igor_sharonov@mail.ru

and a reaction to condemnation, such as an apology or justification. The article emphasizes the significance of the concept of condemnation for the description of communicative strategies and the stereotypical formulae through which they are realized in Russian speech etiquette, and outlines prospects for further research.

Keywords: the concept “condemnation”; speech act; evaluation; speech etiquette; communicative conflict.

For citation: Mao W., Sharonov I.A. The Concept of “Condemnation” in Contemporary Russian: A Comprehensive Lexicographic, Semantic, and Pragmatic Description // Social Sciences and Humanitarian. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 2. – P. 28–45. DOI: 10.31249/ling/2026.02.02

Received: 28.12.2025.

Accepted: 02.02.2026.

Введение

В современной лингвистике серьезное внимание уделяется языковой оценке, изучению языковых средств, которые отражают ценностные ориентиры общества и регулируют межличностное общение. Исследователи подчёркивают, что язык функционирует не только как инструмент номинации, но и как механизм концептуализации действительности. В этом контексте противопоставляются два режима языкового моделирования мира – дескриптивный и оценочный. Дескриптивный фиксирует отношения между высказыванием и миром, тогда как оценочный режим отражает соотношение реальности с её идеализированной моделью в речи говорящего лица [Арутюнова, 1999]. Е.М. Вольф пишет, что язык отражает мир в двух измерениях: в нём, с одной стороны, отражена объективная действительность – предметы, свойства, действия, включая человека и его состояния, а с другой – передается взаимодействие человека с действительностью, одним из аспектов которого является аксиологический компонент [Вольф, 1985].

Среди различных типов аксиологических оценок значимое место занимает морально-этическая оценка действия / поведения лица или группы лиц. Такая оценка производится в зависимости от соответствия / несоответствия этическим, этикетным, национальным и прочим моделям поведения и находит выражение в похвале или осуждении агента действия. В данном исследовании рассмат-

ривается негативная оценка – осуждение действия / поведения агента действия.

Цель настоящей статьи – систематизировать и проанализировать существующие представления об осуждении в лингвистике, выявить основные подходы, и на их основе выработать собственный исследовательский метод анализа. В данной работе осуждение как концепт рассматривается в историко-этимологическом, семантическом, социо-прагматическом и коммуникативно-дискурсивном аспектах¹.

Этимологические основания и историческая семантика концепта осуждение

По данным этимологических словарей [Фасмер, 1987; Шапошников, 2010], глагол *осудить* / *осуждать* восходит к приставочному образованию от глагола *судить*, который, в свою очередь, происходит от праславянской основы *sъdъ. От этой основы образованы ст.-слав. *сѣдъ*, древнерусск. *судъ*, а также современные славянские формы (русск. *суд*, укр. *суд*, польск. *sąd* и др.). Первоначально эта основа соотносилась с областью «суда», «приговора» и отражала идею вынесения решения, регулирующего социальные отношения. А.К. Шапошников [Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т., 2010] также показывает, что праслав. *sъdъ связан с индоевропейским корнем *dhē- и греческими корнем συνθήκη, обозначающими *соглашение*, *объединение*, *договор*, что отражает более широкую семантическую область – установление порядка и упорядочивание социальных отношений. Согласно данным М. Фасмера, в современном русском языке глагол *осудить* понимается по двум семантическим линиям: юридической («приговорить к наказанию») и морально-оценочной («выразить неодобрение, признать плохим»). Это свидетельствует о переходе от институционального, судебного значения к межличностному коммуникативному значению, функционирующему как речевой акт негативной оценки и регулирования поведения. Таким образом, происходит расширение сферы употребления – от официального приговора к обыденному моральному осуждению.

¹ Концептуальное исследование осуждения включает в нашем исследовании анализ этимологии, однокоренной лексики и синонимического ряда слова «осуждение».

Ю.В. Коренева [Коренева, 2019], анализируя употребление осуждения в корпусе слов и поучений русских святых XX в., показывает, что слово входит в широкое этимолого-словообразовательное гнездо (*суд, судья, рассуждение, суждение, судебный, судьба* и др.). Исследовательница подчеркивает, что семантика осуждения в религиозном дискурсе не отличается по содержанию от светского употребления, однако различается по сигнификативной стороне: в церковнославянской традиции оно репрезентирует исходную, более широкую модель «суда», тогда как современное употребление представляет собой сужение первоначальной семантики. На словообразовательном уровне Ю.В. Коренева указывает значение приставки *о-* (полный охват действием) и суффикса *-ениј-* (формант процессуальных существительных), прослеживая их общеславянские основания.

Представленные данные позволяют заключить, что первоначальная семантика основывалась не только на юридическом действии вынесения приговора, но и на более общем механизме регуляции отношений внутри сообщества. Иными словами, осуждение исторически не сводилось к индивидуальной эмоциональной реакции, а представляло собой нормативный акт, опирающийся на разделяемые правила и соглашения. В связи с этим в глубинной семантике слова сохраняется идея указания на нарушение нормы и отрицательной оценки поведения с позиции общественно признанного порядка.

Описание концепта осуждения в толковых и синонимических словарях

В толковых словарях [Словарь современного русского литературного языка, 1959; Толковый словарь русского языка, 1999; Словарь современного русского литературного языка, 1988; Ожегов, 2012; Толковый словарь русского языка, 1938] фиксируются два основных значения концепта осуждения: (1) морально-оценочное. Словари фиксируют значения «выразить неодобрение», «признать поведение предосудительным», «порицать». Осуждение понимается как негативная оценка поведения с позиций общественной нормы и выступает средством социальной регуляции; (2) юридико-судебное. Широко представлено значение «признать виновным, вынести обвинительный приговор; приговорить к наказанию», а в форме существительного – «обвинительный приговор». Практически во всех современных источниках именно мо-

рально-оценочная трактовка оформляется как первое значение, тогда как судебный смысл перемещается на периферию или маркируется стилистически. Это свидетельствует о том, что в современном языке ядром становится значение негативной оценки, порицания, тогда как юридическое употребление сохраняется, но уже не является доминирующим. Словари также фиксируют переносное значение «обречь на что-либо», что отражает метафорическое расширение судебного смысла в сферу жизненных обстоятельств.

Совокупность лексикографических данных показывает, что осуждение не сводится к субъективной эмоции говорящего, а представляет собой нормативный акт, основанный на разделяемых в обществе представлениях о должном. Это полностью согласуется с выявленной ранее этимологической связью «суд» – «договор» – «норма», т.е. с глубокой семантикой установления порядка и социальной регуляции.

Следует отметить, что в проанализированных нами ассоциативных словарях [Словарь ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева, 1977; Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус, 2018] слова со значением осуждения отсутствуют. Этот факт представляется весьма показательным и может свидетельствовать о том, что осуждение не функционирует в языковом сознании как легко активизируемый, образный или эмоционально яркий стимул. Напротив, оно воспринимается прежде всего как абстрактное, нормативно ориентированное понятие, связанное с социальными механизмами регулирования поведения, а не с непосредственными эмоциональными всплесками.

По сравнению с данными этимологических и толковых словарей, где семантика осуждения относительно стабильна и ясна, словари синонимов демонстрируют значительно более широкое и неоднородное поле значений. Разброс между различными словарями весьма велик, что объясняется различными принципами лексикографической работы: одни словари стремятся к максимально широкому охвату семантически близких единиц, другие – к строгому семантическому анализу значения и описанию синонимического ряда.

В словаре З.Е. Александровой [Александрова, 1969] осуждение трактуется преимущественно как «порицание, неодобрение», в синонимическом ряду представлены разговорные и устаревшие варианты (*охаивание, осуда*), что расширяет область употребления до периферийных, стилистически сниженных единиц.

В словаре А.П. Евгеньевой [Словарь синонимов русского языка, 1970] предлагаются некоторые различающие смысловые компоненты в синонимическом ряде. Так, глагол *осуждать* сопоставляется с глаголами *судить* и *порицать*, и при этом отмечается, что *порицать* выражает более сильное, категорическое неодобрение и тяготеет к книжной норме, тогда как *судить* употребляется реже.

Словарь Л.Г. Бабенко [Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы, 1999] предлагает большой синонимический ряд слова *осуждение*. Наряду с именами осуждения приводятся такие единицы, которые обозначают общую негативную оценку лица: *брань, злословие, пересуды, сплетни, разнос*, а также имена наказания: *нагоняй, выговор, головомойка* и др.

Строгой и методологически последовательной представляется трактовка глагола *осуждать* в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2003]. Автор словарной статьи не стремится к расширению синонимического ряда, а анализирует лишь ближайшее соответствие – глагол *порицать*, детально выделяя дифференциальные признаки между двумя единицами синонимического ряда. Среди них – способность обозначать ментальный акт, возможность коллективного субъекта, различие масштабов осуждаемого явления, наличие перформативных употреблений и др. В словаре используется формализованная символическая запись семантики глагола *осудить* через описание речевого акта: X (говорящий) осуждает У-а (собеседника) за Р (совершенное действие, поведение).

М.Я. Гловинская в статье, посвященной глаголам речевых актов [Гловинская, 1993] рассматривает глаголы осуждения как широкую лексико-семантическую группу, объединенную общей пресуппозицией:

«X считает, что ситуация Р либо свойство или действие У-а является плохим».

В группу речеактных глаголов включаются такие единицы, как *осуждать, упрекать, обвинять, оскорблять* и др. С опорой на критерий мотивировки речевого акта исследовательница выделяет несколько типов: (1) акты, направленные на выражение отрицательных эмоций субъекта; (2) акты, ориентированные на исправление поведения адресата; (3) акты, имеющие целью публичную дискредитацию адресата; (4) наименее специфические случаи, в

которых субъект лишь информирует собеседника о своей отрицательной оценке. Глагол *осуждать*, по наблюдению исследовательницы, охватывает сразу несколько из этих мотивационных зон (вторую, третью и четвертую), что свидетельствует о его семантической многоплановости и функциональной гибкости. По нашему мнению, к собственно осуждению относится тип (2), ориентированный на исправление поведения адресата. Компонент ожидания покаяния нарушителя общепринятой нормы играет существенную роль в структуре осуждения (ср.: *Как тебе не стыдно так себя вести?*). М.Я. Гловинская подчеркивает, что *упрекать*, ближайший синоним глагола *осуждать*, характеризуется тем, что он возможен лишь в отношении лиц, входящих в личную сферу субъекта, связан с ущемлением его собственных интересов и предполагает компонент обманутого ожидания.

Интересно, что некоторые глаголы из приведенного автором списка могут использоваться в ситуации осуждения благодаря наличию компонента указания на проступок. Например, глагол *ругать* означает «говорить плохо о ком-либо или о чем-либо» (ср.: *ругать погоду*). Однако при реализации валентности «за что» этот глагол становится синонимом глагола *осуждать*: *Он ругал Ивана за нерешительность = Он осуждал Ивана за нерешительность*.

Описание семантики концепта осуждения и его синонимов в лингвистических работах

В лингвистических исследованиях концепт осуждения, как правило, раскрывается в сопоставлении с концептами, близкими по семантике и прагматике. В ряде работ исследователей интересует противопоставление осуждения и обвинения, а также осуждения и упрека.

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв [Булыгина, Шмелёв, 1994] относят глаголы *обвинять*, *осуждать*, *винить* и *упрекать* к оценочным речевым актам и выявляют как их общую семантическую основу, так и принципиальные различия. Все данные предикаты связаны с идеей ответственности лица за предосудительный поступок, однако различаются по иллюкутивным целям и распределению ассерции и пресуппозиции. В случае обвинения в ассерцию входит сообщение о факте совершения поступка, тогда как его предосудительность предполагается как само собой разумеющаяся; при осуждении, напротив, фактичность деяния считается заданной, а в фокус утверждения выносится его отрицательная

оценка со стороны субъекта речи. Это различие коррелирует с разным типом моральных полномочий говорящего: обвиняющий берет на себя ответственность за достоверность фактов, тогда как осуждающий присваивает себе право выносить ценностный вердикт. Указанная семантико-прагматическая асимметрия подтверждается различиями в интерпретации сочетаний с модальными глаголами и в сочетаемости с наречиями *напрасно*, *зря*, а также проявляется при описании речевых актов «со стороны» (*de dicto*), где оценочные компоненты, формально соответствующие пресуппозиции, могут принадлежать не говорящему, а лишь субъекту приписываемого речевого акта и, следовательно, не обладать статусом подлинной пресуппозиции.

В исследовании Т.В. Дубровской [Дубровская, 2013, 2014] также поднимается вопрос о соотношении осуждения и обвинения в семантико-прагматическом аспекте. Семантические поля этих единиц частично пересекаются, однако, по мнению автора, осуждение объединяет факт и субъективную авторскую оценку, тогда как обвинение устанавливает связь между действием и объектом оценки. При этом обе единицы являются отрицательно-оценочными и типичны для конфликтного общения. Т.В. Дубровская подчеркивает жанровое сходство осуждения и обвинения по ряду параметров – ситуации, мотивам, объектам, эмоциональному и статусному профилю субъекта оценки. Вместе с тем осуждение объединяет факт и субъективную авторскую оценку ситуации, истинность которой не ставится под сомнение, тогда как обвинение устанавливает связь между действием и объектом оценки, приписывая адресату конкретное отрицательно оцениваемое действие.

В качестве одного из наиболее близких синонимов традиционно рассматривается *упрек*. О.В. Пугачёва [Пугачёва, 2008], анализируя упрек как речевой акт, отмечает отсутствие стандартной перформативной формулы его экспликации. Она определяет упрек как высказывание, передающее негативную оценку действия адресата с целью вызвать у него отрицательную эмоциональную реакцию. Существенным для упрека является также непрямота критичности: говорящий не напрямую осуждает конкретное действие адресата, а негативно оценивает подобные действия вообще. Важным компонентом коммуникативной ситуации выступает статус участников, определяющий допустимость и интерпретацию упрека.

Описание концепта «осуждения» с социопрагматических позиций

С социопрагматических позиций осуждение рассматривается как социально значимый речевой акт, функционирующий в системе коммуникативных стратегий и направленный на оценку и регуляцию поведения собеседника. В работах А.С. Коржа, А.Г. Бакиева, Е.В. Сапрыкиной, З. Гасановой осуждение интерпретируется как средство поддержания и воспроизводства нормативного порядка, воздействия на адресата с целью коррекции его поведения.

А.С. Корж [Корж, 2012], исследуя обвинение в межличностной коммуникации, акцентирует внимание на статусно-ролевых отношениях и тональности общения. Исследователь использует семантический анализ, опираясь на теорию семантических полей А.В. Бондарко, и на этой основе описывает речеповеденческие тактики, характерные для обвинения.

А.Г. Бакиев [Бакиев, 2013а, 2013б] трактует осуждение как форму дискредитации адресата, включающую религиозно-нравственный и судебно-правовой аспекты. С точки зрения коммуникативных стратегий осуждение одновременно подрывает авторитет другого, указывает на его недостатки и заставляет адресата испытывать стыд или вину, побуждая прекратить нежелательные действия. В религиозном сознании осуждение квалифицируется, по мнению автора, как тяжкий грех, что отражено в пословицах, предостерегающих от оценки ближнего: *Не суди и не судим будешь*. Исследователь относит данную стратегию к типичной форме конфликтного общения. Осуждение, однако, направляется не только на другого, но и на самого говорящего: самоосуждение часто оформляется как внутренняя речь и служит смягчению отношений с внешним адресатом. А.Г. Бакиев выделяет различные языковые средства реализации осуждения: соответствующую лексику, каузальные конструкции, эксплицитные формы с глаголом «осуждать». Среди стратегий он различает: открытое выражение неодобрения; неодобрение с апелляцией к Богу; неодобрение чужих действий в сопоставлении с собственными положительными поступками.

Е.В. Сапрыкина [Сапрыкина, 2007] указывает, что говорящий «А», выступающий носителем общественных норм, считает адресата «В» виновным в сознательном нарушении этих норм и таким образом принимает на себя роль судьи, тогда как «В» ока-

зывается нарушителем традиций и правил. В парламентской и публичной коммуникации эта модель усиливается ситуационным неравенством, поскольку право выносить оценку напрямую связано со статусом агенса, присваивающего себе право действовать от имени общества.

3. Гасанова [Гасанова, 2016] обращает внимание на такой аспект осуждения, как выражение отношения к участнику события или к самому событию с «внешнего» наблюдательского ракурса.

Описание концепта «осуждения» с коммуникативно-дискурсивных позиций

Рассмотрение осуждения как особой коммуникативной ситуации предполагает описание микродиалога осуждения и детальное моделирование структуры ситуации осуждения. Для полноценного описания необходимо учитывать перлокутивный эффект осуждения – имплицитный призыв к изменению поведения в будущем. Коммуникативная ситуация осуждения предполагает ответную реакцию собеседника в виде извинения, оправданий и, возможно, обещания не повторять ошибку.

Под коммуникативной ситуацией (далее КС) мы понимаем микродиалог двух собеседников, в котором реализуется интенция говорящего лица и проявляются типовые дискурсивные и лексико-грамматические характеристики высказывания, а также его взаимодействие с дискурсивным окружением. КС представляет собой структурированную модель взаимодействия, включающую чередующиеся речевые акты участников, реакцию адресата и типовые стратегии реализации коммуникативных целей [Шаронов, Кушеш, 2024]. Идеально полная схема КС осуждения состоит из трех компонентов:

1. Стимул: негативно оцениваемый поступок / поведение или проступок X-а;
2. Речевой акт: осуждение У-ом действия X-а с целью изменить его поведение в будущем;
3. Перлокутивный эффект: пристыженность X-а, его извинение за проступок, объяснение ненамеренности (в ряде случаев – обещание исправить поведение).

Регулярность данной микроситуации в коммуникации и использование языковых средств обуславливает стереотипизацию речевых актов осуждения, оформление их в разных стереотипизированных конструкциях и формулах. Такие конструкции встреча-

ются в компоненте КС: речевых актах осуждения (2) и некоторых возможных реакциях нарушителя социальных норм (3).

В стереотипизированных конструкциях и формулах речевых актов осуждения передается недовольство говорящего лица поведением или результатами деятельности адресата, указание на ошибочность его действий, основанное на собственном ценностном мнении говорящего; скрытый призыв к коррекции поведения адресата, что отличает осуждение от обычной негативной оценки.

Описание стереотипизированных конструкций осуждения и упрека встречается в ряде работ. В статье [Падучева, 1985] автор останавливается на особых вопросительных предложениях с семантикой осуждения, типа: *Зачем красить крышу в зелёный цвет?* Подобные конструкции показывают, что осуждение может реализовываться не только в форме прямой оценочной номинации, но и через особые семантико-прагматические типы высказываний, в которых вопросительная форма функционирует как средство осуществления речевого акта осуждения и нормативной регуляции поведения.

В кандидатской диссертации [Шмурак, 2021] большое внимание уделяется систематизации и описанию формальных средств выражения упрека в современном русском языке. Автор выявляет стереотипизированные конструкции, типа:

я + круглое число + «раз» + глагол речи: *Я сто раз тебе говорил!*

Вечно ты + сказуемое: *Вечно ты опаздываешь!*

Ну + что + за + одушевленное существительное: *Ну что ты за человек такой!*

Тоже + мне + одушевленное существительное: *Тоже мне инженер!*

Необходимо признать, что количество таких стереотипизированных конструкций и формул осуждения в русском языке значительно больше, они различаются причинами осуждения, ситуациями использования и, безусловно, требуют специального исследования и описания.

Перлокутивный эффект речевого акта осуждения предполагает осознание нарушителем социальных норм неправильности своих действий / поведения и сопряжен с переживанием чувства стыда. Концепт «стыд» получил детальное освещение в работах Н.Д. Арутюновой, Л.Е. Антоновой и С.А. Малаховой.

Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1997] подчеркивает многослойность оценочной природы стыда, включающей нормативные,

этические, эстетические и коммуникативные компоненты. Стыд, по ее трактовке, является социально обусловленным явлением, формирующимся в отношениях с другим и особенно проявляющимся в ситуациях неравенства. Исследовательница обращает внимание и на этимологический пласт: древнее значение стыда связано с идеей «стужа», что отражает архаичное восприятие этого чувства.

Л.Е. Антонова [Антонова, 2009] рассматривает семантику стыда на уровне синонимических рядов, средств его номинации и описания, а также на особенности функционирования соответствующих лексем в речи. Ее работа показывает, что стыд структурируется как комплексное состояние, имеющее устойчивые языковые репрезентации и связанные с ними оценочные смыслы.

С.А. Малахова [Малахова, 2008] исследует понятийную составляющую концепта «стыд» на материале русского поэтического дискурса XVIII – начала XX в. На основе литературных примеров автор демонстрирует, что стыд предстает не только как внутренняя эмоция самоосуждения, но и как социально регулирующее чувство, сдерживающее индивида от нарушений принятых норм.

В данных исследованиях показано, что слова с корнем «стыд» функционируют как важный перлокутивный элемент оценочной системы и речевого этикета русского языка, обеспечивая нормативно-оценочное воздействие на адресата и способствуя регуляции поведения через актуализацию чувства стыда.

Чувство стыда находит выражение как в невербальных реакциях (опущенные глаза, краска на лице и т.п.), так и в стереотипных вербальных реакциях, передающих сожаление, извинение и обещание изменить поведение, не повторять осуждаемого поведения (*Я больше так не буду* (детск.), *Этого больше не повторится*) и др. Ср. примеры из Национального корпуса русского языка¹:

«Саша: Милый дедушка Коля, прости меня, **я больше так не буду.**» (В. Дурненков, М. Дурненков. Культурный слой (2003))

«Я прошу передать Вашему брату, что я очень сожалею, что я вел себя вчера так же, как он, и что все случилось так плохо. Думаю, что **этого больше не повторится**» (Н. Пашин. Дневник (1945) // Новый Журнал (2012)).

Мы исходим из того, что исследование формул выражения стыда, покаяния и обещания исправиться также должно входить в круг описания концепта стыда.

¹ Ruscorpora.ru

Заключение

Обобщение рассмотренных работ показывает, что, несмотря на накопленный теоретический материал, исследование осуждения остаётся неполным: существующие описания не исчерпывают всего спектра языковых средств выражения осуждения: анализ, как правило, ограничивается отдельными лексемами или типичными конструкциями; описываются нарративные контексты диалогических ситуаций, а не сами ситуации, их структура и этикетные формулы осуждения и реакции на них; корпусный подход практически не применяется, вследствие чего выводы нередко строятся на единичных примерах и не позволяют судить о реальной коммуникативной ситуации, вариативности и частотности тех или иных формул осуждения; в исследованиях рассматриваются изолированные высказывания вне коммуникативного контекста; практически не изучены реакции на осуждение и его перлокутивный эффект для адресата, что ограничивает понимание данного феномена как социального и речевого акта.

Указанные ограничения позволяют определить направления, в которых дальнейшее исследование может внести существенный вклад:

1. Корпусный анализ лексических, синтаксических средств и этикетных формул выражения осуждения с целью выявления частотных моделей, жанровой специфики и коммуникативных условий их реализации; анализ имплицитных форм выражения осуждения (метафоризация, эвфемизация и др.), которые занимают важное место в реальной коммуникации.

2. Исследование осуждения как нормативного речевого акта с учетом социальных ролей, статуса участников общения и культурно закрепленных моделей поведения.

3. Анализ коммуникативной ситуации осуждения, включая стереотипные формы речевого акта осуждения, реакции адресата, стратегии принятия, оправдания или сопротивления оценке, а также прагматические эффекты осуждения в диалогическом и полилогическом взаимодействии.

Такой подход позволит создать целостное представление о структуре, семантике и прагматике коммуникативной ситуации осуждения в современном русском языке.

Список литературы

- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов / под ред. Л.А. Чешко. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 600 с.
- Антонова Л.Е. Семантика стыда в современном русском языке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 177–180.
- Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 59–70.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
- Бакиев А.Г. Понятие «осуждение» в свете стратегического подхода // Вестник ЧелГУ. – 2013а. – № 20 (311). – С. 18–21.
- Бакиев А.Г. Природа вербальной агрессии // Вестник Башкирск. ун-та. – 2013б. – № 1. – С. 162–165.
- Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – Москва : Наука, 1994. – 185 с.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – Москва : Наука, 1985. – 228 с.
- Гасанова Замина Низам Кызы. Речевой жанр «осуждение» и «обвинение» в токшоу «Модный приговор» (речевое поведение обвинителя Эвелины Хромченко) // Мир русского слова. – 2016. – № 4. – С. 45–49.
- Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1993. – С. 158–218.
- Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах : монография. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 269 с.
- Дубровская Т.В. Семантическое поле отрицательной оценки в русском и английском языках: осуждения и обвинения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 134–146.
- Коренева Ю.В. Семантический объем слова осуждение в словах и поучениях русских святых XX в. // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – № 3. – С. 665–672.
- Корж А.С. К проблеме изучения прагмасемантического аспекта категории обвинения // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2012. – № 3. – С. 245–249.
- Малахова С.А. Семантическая структура концепта «стыд» в русском поэтическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 6. – С. 80–85.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – Москва : Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – Москва : ООО «Издательство «Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2012. – 1375 с.

Концепт «осуждение» в современном русском языке: комплексное лексикографическое, семантическое и прагматическое описание

- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – Москва : Наука, 1985. – 270 с.
- Пугачева О.В. Коммуникативная полярированность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 134–139.
- Сапрыкина Е.В. Структура речевого действия «Обвинение» в рамках парламентского дискурса // Вестник ЧелГУ. – 2007. – № 15. – С. 128–132.
- Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.
- Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 3-е, стер. – Москва : Русский язык, 1985–1988.
- Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : АСТ [и др.] ; Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1970. – 702 с.
- Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. (Большой академический словарь) / под ред. Л.С. Ковтуна и И.Н. Шмелевой. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1959. – Т. 8. – 1840 с.
- Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – Москва : АСТ- ПРЕСС, 1999. – 693 с.
- Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Сов. Энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). – Москва : Московская междунар. академия, 2018. – 542 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х томах / пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева ; под ред. и с предисловием Б.А. Ларина. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Прогресс, 1986–1987.
- Шаронов И.А., Кушеш З.А. Понятие коммуникативной ситуации в прагматических исследованиях (на примере совета) // Коммуникативные исследования. – 2024. – № 3. – С. 497–508.
- Шмурак Р.И. Формальные средства выражения упрека в русском языке корпусное исследование : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 2021. – 29 с.
- Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А.К. Шапошников. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – Т. 2. – 576 с.

References

- Aleksandrova Z.Ye. *Dictionary of Synonyms of the Russian Language. About 9,000 Synonymic Series*. 2nd stereotyped ed. / ed. by L.A. Cheshko. Moscow: Sovetskaja enciklopedija, 1969. 600 p. (In Russian)
- Antonova L.Ye. *The Semantics of Shame in Contemporary Russian*. In: *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009. N 117. Pp. 177–180. (In Russian)
- Arutyunova N.D. *On Shame and Cold*. In: *Voprosy jazykoznanija*. 1997. N 2. Pp. 59–70. (In Russian)

- Arutyunova N.D. *Language and the Human World*. Moscow: Language of Russian Culture, 1999. 895 p. (In Russian)
- Bakiev A.G. *The Concept of Condemnation in the Context of Strategic Approach*. In: *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013a. N 20 (311). Pp. 18–21. (In Russian)
- Bakiev A.G. *The Nature of Verbal Aggression*. In: *Bulletin of Bashkir State University*. 2013b. N 1. Pp. 162–165. (In Russian)
- Bulygina T.V., Shmel'jov A.D. *Evaluative Speech Acts "From Without" and "From Within"*. In: *Logical Analysis of Language. The Language of Speech Acts /ed.:* N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva. Moscow: Nauka, 1994. 185 p. (In Russian)
- Vol'f E.M. *Functional Semantics of Evaluation*. Moscow: Nauka, 1985. 228 p. (In Russian)
- Gasanova Zamina Nazim Kizi. *The Speech Genres "Condemnation / Accusation in the "Fashion Sentence" Talk Show: Speech Behavior of the Prosecutor Evelina Khromchenko*. In: *The World of Russian Word*. 2016. N 4. Pp. 45–49. (In Russian)
- Glovinskaja M.Ja. *The Semantics of Speech Verbs From the Perspective of Speech Acts Theory*. In: *The Russian Language in Its Functioning. Communicative-Pragmatic Aspect*. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 158–218. (In Russian)
- Dubrovskaja T.V. *Speech Genres of "Condemnation" and "Accusation" in Russian and English Linguocultures: A Monograph*. Penza: Izd-vo PGU, 2014. 269 p. (In Russian)
- Dubrovskaja T.V. *The Semantic Field of Negative Evaluation in Russian and English: Condemnation and Accusation*. In: *University Proceedings, Volga region. Humanities*. 2013. N 4 (28). Pp. 134–146. (In Russian)
- Koreneva Ju.V. *The Semantic Scope of the Word "Condemnation" in the Sermons and Admonitions of Russian Saints of the 20th Century*. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2019. N 3. Pp. 665–672. (In Russian)
- Korz A.S. *On the Problem of Studying the Pragma-Semantic Aspect of the Category of Accusation*. In: *Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev*. 2012. N 3. Pp. 245–249. (In Russian)
- Malakhova S.A. *The Semantic Structure of the Concept "Shame" in Russian Poetic Discourse*. In: *The Bulletin of the Adyge State University, Series 2: "Philology and the Arts"*. 2008. N 6. Pp. 80–85. (In Russian)
- New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms* / Chief Coordinator Ju.D. Apresyan. Moscow: Shkola "Jazyki slavjanskoj kultury", 2003. 1488 p. (In Russian)
- Ozhegov S.I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. 26th revised and expanded ed. Moscow: Oniks; Mir i Obrazovanie, 2012. 1375 p. (In Russian)
- Paducheva Ye.V. *The Satem and Its Correlaton With Reality*. Moscow: Nauka, 1985. 270 p. (In Russian)
- Pugacheva O.V. *Communicative Polarity of the Speech Acts of Reproach and Self-Praise. The Means of Their Explication*. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2008. N 3. Pp. 134–139. (In Russian)
- Saprykina Ye.V. *The Structure of the Speech Act "Accusation" in Parliamentary Discourse*. In: *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2007. N 15. Pp. 128–132. (In Russian)

Концепт «осуждение» в современном русском языке: комплексное лексикографическое, семантическое и прагматическое описание

- Dictionary of Associative Norms of the Russian Language* / ed. by A.A. Leontiev. Moscow: Moscow University Press, 1977. 192 p.
- Dictionary of Modern Russian Literary Language*. In 4 vol. / ed. by A.P. Evgen'eva. 3rd ster. edition. Moscow: Russkij jazyk, 1985–1988. (In Russian)
- Dictionary of Synonyms of the Russian Language*. In 2 vol. / ed. by A.P. Evgen'eva. Moscow: AST; Leningrad: Nauka, 1970. 702 p. (In Russian)
- Dictionary of Modern Russian Literary Language*. In 17 vol. /Ed. by L.S. Kovtun a. I.N. Shmelyova. Moscow–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. Vol. 8. 1840 p. (In Russian)
- Explanatory Dictionary of Russian Verbs. Ideographic Descripton. English Equivalents. Synonyms. Antonyms* / ed. by L.G. Babenko. Moscow: AST-Press, 1999. 693 p. (In Russian)
- Explanatory Dictionary of the Russian Language*. In 4 vol. /ed. by D.N. Ushakov. Moscow: Sovetskaja enciklopedija; OGIZ, 1935–1940. (In Russian)
- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. *Russian Regional Associative Dictionary (European Part of Russia)*. Moscow: Moskovskaja mezhdunarodnaja akademija, 2018. 542 p. (In Russian)
- Fasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language*. In 4 vol. 2nd ster. ed. / Translations from Germ. and Additions by O.N. Trubachyov; Edition a. Preface by B.A. Larin. Moscow: Progress, 1986–1987. (In Russian)
- Sharonov I.A., Kushesh Z.A. *The Concept of Communicative Situation in Pragmatic Research (The Case of Advice)*. In: *Communication Studies*. 2024. N 3. Pp. 497–508. (In Russian)
- Shmurak R.I. *Formal Means of Expressing Reproach in the Russian Language: A Corpus-Based Study*. PhD dissertation abstract. Moscow, 2021. 29 p. (In Russian)
- Etymological Dictionary of the Modern Russian Language*. Vol. 2. / Comp. by A.K. Shaposhnikov. Moscow: Flinta; Nauka, 2010. 576 p. (In Russian)

Колабин М.Н.¹, Потапов Ю.Б.²

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВНЕДРЕНИЯ РУСОФОБСКИХ ИДЕОЛОГЕМ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС СТРАН ПАНАТЛАНТИЗМА

Аннотация. В статье исследуются механизмы конструирования образа врага в современном политическом медиадискурсе. Русофобия рассматривается не как исторический предрассудок, а как институционализируемая когнитивная технология, реализуемая через систему устойчивых идеологем. На материале доктринальных документов НАТО и ЕС, а также публичной риторики лидеров США проведен сопоставительный анализ антироссийских и антииранских нарративов. Выявлена структурная идентичность используемых лексических и метафорических моделей (концепт «Ось зла»), что подтверждает гипотезу об унифицированном, шаблонном характере технологий политического отчуждения, применяемых странами панатлантического ареала. Обоснована необходимость формирования стратегии когнитивного суверенитета для нейтрализации деструктивного воздействия данных идеологем.

Ключевые слова: политическая лингвистика; когнитивная война; идеологема; медиадискурс; панатлантизм; образ врага; секьюритизация; национальная безопасность.

Для цитирования: Колабин М.Н., Потапов Ю.Б. Лингвокогнитивные механизмы внедрения русофобских идеологем в политический медиадискурс стран панатлантизма // Социальные и гуманитарные науки.

¹ © Колабин М.Н., 2026

Колабин Михаил Николаевич, старший преподаватель кафедры средне-восточных языков ВУМО; kolabinmn@gmail.com

² © Потапов Ю.Б., 2026

Потапов Юрий Борисович, канд. филол. наук, Дипакадемия МИД РФ, доцент кафедры восточных языков; ybpotapov@yandex.ru

Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. –
№ 2. – С. 46–57. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.03

Поступила в редакцию: 12.11.2025 г.

Принята к печати: 23.01.2026 г.

Kolabin M.N.*, Potapov Yu.B.**

**LINGUISTIC AND COGNITIVE MECHANISMS OF
INTRODUCING RUSSOPHOBIC IDEOLOGEMES INTO THE
POLITICAL MEDIA DISCOURSE OF PAN-ATLANTIC
COUNTRIES**

Abstract. The article examines the mechanisms of constructing the image of the enemy in modern political media discourse. Russophobia is considered not as a historical prejudice, but as an institutionalized cognitive technology implemented through a system of stable ideologemes. A comparative analysis of anti-Russian and anti-Iranian narratives has been based on the doctrinal documents of NATO and the EU, as well as the public rhetoric of US leaders. The structural identity of the lexical and metaphorical models used (the “axis of evil” concept) has been revealed, which confirms the hypothesis of a unified, patterned nature of the technologies of political alienation used by the countries of the pan-Atlantic area. The necessity of forming a strategy of cognitive sovereignty to neutralize the destructive effects of these ideologemes is substantiated.

Keywords. political linguistics; cognitive warfare; ideologemes; media discourse; pan-Atlanticism; enemy image; securitization; national security.

For citation: Kolabin M.N., Potapov Yu.B. Linguistic and Cognitive Mechanisms of Introducing Russophobic Ideologemes into the Political Media Discourse of Pan-Atlantic Countries // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 2. – Pp. 46–57. DOI: 10.31249/ling/2026.02.03

Received: 12.11.2025.

Accepted: 23.01.2026.

* Kolabin M.N., VUMO, Chief Lecturer, Department of Middle East Oriental Languages; kolabinmn@gmail.com

** Potapov Yu.B., Candidate of Philology, Associate Professor Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Department of Oriental Languages; ybpotapov@yandex.ru

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что современное информационное пространство трансформировалось в поле когнитивного противоборства. Стратегия панатлантизма, направленная на консолидацию западного сообщества, требует дискурсивных инструментов легитимации. Ключевым из них выступает конструирование образа «экзистенциального врага», выполняющего функцию негативной идентичности. Русофобия сегодня приобрела черты технологически выстроенной системы управления массовым сознанием. Особую значимость приобретает анализ того, как политические мифы трансформируются в устойчивые языковые конструкции – идеологемы.

Теоретический фундамент исследования базируется на работах по политической лингвистике и теории дискурса. Природа идеологемы как когнитивно-дискурсивной единицы раскрыта с опорой на концепцию Е.Г. Малышевой [Малышева, 2009]. Механизмы суггестивного воздействия публицистики проанализированы на основе трудов Е.Н. Басовской [Басовская, 2016]. Технологии исторических подмен рассмотрены через теорию прецедентных феноменов Д.Б. Гудкова [Гудков, 1998]. Политологический контекст русофобии изучен с привлечением работ Н.П. Мониной [Монина, 2024], С. Хантингтона [Хантингтон, 2003], Н.П. Таньшиной [Таньшина, 2023] и Г. Меттана [Меттан, 2016]. При сопоставительном анализе антироссийских и антииранских нарративов использовались статьи Е.Л. Гладковой [Гладкова, 2017] и Ю.Б. Потапова [Потапов, 2024].

Объектом исследования стал политический медиадискурс стран панатлантического ареала. Предмет исследования – лингвокогнитивные механизмы (идеологемы, метафоры, фреймы), формирующие русофобскую картину мира.

Исследование выполнено в русле критического дискурс-анализа (CDA), направленного на выявление идеологических установок, скрытых в языковых структурах. Процедура анализа включала три этапа:

1. Формирование корпуса источников. Отбор материалов производился методом сплошной выборки по ключевым словам (*Russia, threat, axis, regime*) из официальных стенограмм Белого дома и доктринальных документов НАТО / ЕС за период 2022–2024 гг., а также ретроспективно за 2002 г. (для сравнительного анализа).

Критерием включения являлся высокий институциональный статус источника (официальная позиция альянса или государства).

2. Идентификация идеологем. В качестве маркеров идеологемы рассматривались: наличие устойчивой негативной оценочности, частотная повторяемость и использование метафорических моделей дегуманизации.

3. Интерпретация. Выявленные лингвистические единицы сопоставлялись с политическим контекстом для определения их функциональной нагрузки. Нами также применялся метод исторической аналогии для верификации гипотезы о шаблонности дискурсивных стратегий (сравнение антииранского и антироссийского нарративов).

Нами сделана попытка на материале сравнительного анализа доказать шаблонный характер русофобских идеологем и продемонстрировать, что современные антироссийские нарративы представляют собой калькирование моделей, ранее отработанных на других геополитических оппонентах Запада (в частности, Иране). Эмпирическим подтверждением служит анализ трансформации идеологемы «Ось зла» (*axis of evil*), введенной Дж. Бушем-младшим [Bush, 2002], в концепт «новой оси» (*Russia-Iran-DPRK axis*) в современной риторике США [Kirby, 2024].

Основная часть

В современной политической науке утвердилось понимание языка не как нейтрального средства передачи информации, а как формы социальной практики, конституирующей властные отношения. Как отмечают исследователи критического дискурса-анализа, в частности Н. Фэркло, дискурс представляет собой пространство борьбы за смыслы, где политическое доминирование достигается не только институциональными, но и лингвокогнитивными методами [Fairclough, 2001]. В контексте стратегии панатлантизма (понимаемого нами как курс на военно-политическую и ценностную консолидацию стран Северной Америки и Европы под эгидой США), направленной на удержание однополярной гегемонии, ключевым механизмом становится внедрение в массовое сознание устойчивых ментальных конструкций, блокирующих критическое восприятие действительности. Базовой единицей такого воздействия выступает идеологема. Опираясь на концепцию Е.Г. Малышевой, в рамках данного исследования мы определяем идеологему как «особого типа многоуровневый концепт, в струк-

туре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки» [Малышева, 2009, с. 35]. Идеологема принципиально отличается от политического термина тем, что в ней оценочный компонент (прагматика) подавляет денотативный (предметное значение): она не столько называет явление, сколько выносит ему приговор, который априори не подлежит обжалованию.

Механизм функционирования русофобской идеологемы в медиадискурсе панатлантизма можно описать через трансформацию, выявленную Н.П. Таньшиной: исторические мифологемы, базирующиеся на архаичных представлениях о «русском варварстве», «деспотии» и «наследниках Орды», трансформируются в современные операциональные идеологемы, такие как «автократия», «режим» или «агрессор» [Таньшина, 2023, с. 23]. Если миф представляет собой нарратив, требующий культурного контекста, то идеологема функционирует как свернутый когнитивный ярлык, мгновенно вызывающий у реципиента чувство тревоги или отторжения. Е.Н. Басовская справедливо указывает, что публицистический дискурс характеризуется «обнаженной прагматикой» и установкой на прямое воздействие [Басовская, 2016, с. 19], что в условиях современной гибридной войны реализуется через технологии дисфемизации – намеренного очернения действий оппонента. Нейтральные политические процессы в России маркируются лексикой с отрицательной коннотацией: защита суверенитета интерпретируется как «изоляция» или «паранойя», а укрепление государственности – как «возрождение имперских амбиций».

Важно отметить, что структура русофобской идеологемы, используемой современным Западом, феноменологически близка к конструкции «Малого народа», описанной И.Р. Шафаревичем. Согласно его анализу, идеология отчуждения строится на представлении автохтонного большинства («Большого народа») как инертной, опасной массы, а собственной группы – как элитарного носителя «истинных ценностей» [Шафаревич, 2011, с. 126]. В современном геополитическом дискурсе эта модель может быть интерпретирована следующим образом: роль «Малого народа» (прогрессивного, элитарного) присваивает себе коллективный Запад (концептуализируемый в критической литературе как «Золотой миллиард»), тогда как России и солидарным с ней суверенным государствам отводится роль «Большого народа», маркируемого как архаичный и угрожающий. Г.Г. Почепцов в своих работах по информационным войнам подчеркивает, что смена «ядерной» ин-

формации, лежащей в основе структуры общества, ведет к смене самой структуры» [Почепцов, 2015, с. 16]. Именно поэтому атака идет не на отдельные действия РФ, а на смысловое ядро российской государственности.

Если на теоретическом уровне идеологема представляет собой когнитивную схему, то в политической практике она реализуется как жесткий языковой шаблон. Анализ медиадискурса и доктринальных документов стран панатлантического блока позволяет выделить доминирующую идеологему «Экзистенциальной угрозы» (*existential threat*), которая стала центральным элементом современного дискурса. Трансформация образа России из геополитического конкурента в источник смертельной опасности закреплена на высшем доктринальном уровне: в «Стратегической концепции НАТО 2022» Россия маркируется как «наиболее значительная и прямая угроза безопасности государств-членов» (*the most significant and direct threat*) [Стратегическая концепция НАТО, 2022, с.4]. Лингвистический анализ данного документа показывает использование стратегии предикативной агрессии: употребление деонтической модальности (долженствования) и определений «насильственная», «дестабилизирующая», «злонамеренная» создает эффект безальтернативной виновности. В медийном поле эта сухая формулировка подвергается эмоциональной возгонке. Примером такой стратегии служит риторика ведущих изданий. Так, обозреватели *The New York Times* систематически используют лексемы с предельной негативной коннотацией, характеризуя российского лидера как «изгоя» (*pariah*), действия которого ведут к «глобальному поджогу» [Kohen, 2022]. Показателен кейс с растиражированным в западных СМИ (*BBC, CNN*) заявлением главы дипломатии ЕС Ж. Борреля о «Европе-саде» и окружающих ее «джунглях», которые «могут вторгнуться в сад» [Borrell, 2022]. Эта метафора является классическим примером колониальной дихотомии «Цивилизация / Варварство», переведенной на язык современной геополитики, что запускает механизм секьюритизации и оправдывает нарушение собственных демократических норм как необходимую самооборону.

Вторая базовая идеологема направлена на дегуманизацию противника через архаизацию его образа, что можно обозначить как идеологему «Варварство» или «Орда». Западные медиа активно реанимируют исторический миф о России как «азиатской деспотии», чуждой европейской цивилизации. В этом контексте показательна схема аргументации, экстраполируемая на весь

панатлантический ареал: «Россия – наследница Орды» → «Россия – страна рабов» → «Россия – преступная страна» [Монина, 2024, с. 352]. Ключевым инструментом здесь выступает эксплуатация прецедентных феноменов (по Д.Б. Гудкову) [Гудков, 1998, с. 83]. Западные спикеры систематически используют исторические аллюзии, связывающие современную Россию с тоталитарными режимами прошлого, внедряя термины вроде «рашизм» (*ruscism*) и сравнивая действия ВС РФ с практиками Второй мировой войны. Медиадискурс активно легитимирует подобную дегуманизирующую лексику. Британская *The Guardian* и американская *The Washington Post* в своих репортажах не критично транслируют, а зачастую и перенимают украинский неологизм «орки» (*orcs*), заимствованный из фэнтези Дж.Р.Р. Толкина для обозначения российских военнослужащих [The Guardian, 2022]. Тем самым активизируется архетипический фрейм «нечеловеческой орды», лишенной индивидуальности и морали. Это не просто стилистический прием, а когнитивная операция: лингвистическая цель таких сравнений – заблокировать рациональный анализ причин конфликта, переводя дискуссию в плоскость «Абсолютное Добро против Абсолютного Зла», где компромисс невозможен морально.

Научная новизна нашего исследования подтверждается выявлением шаблонного характера данных идеологем. Сравнительный анализ показывает, что панатлантический дискурс использует одни и те же лексические и когнитивные модели для демонизации разных суверенных центров силы, что наиболее рельефно проявляется в реанимации идеологемы «Ось зла» (*axis of evil*). Впервые данный концепт был введен в политический оборот президентом США Дж. Бушем-младшим в 2002 г. для стигматизации Ирана, Ирака и КНДР как «спонсоров терроризма» [Bush, 2002].

Представляется целесообразным, дать немного более подробную картину длительного идеологического противостояния Иран – США с точки зрения использования лексических дескрипторов для подтверждения тезиса о шаблонности и повторяемости используемых Западом идеологем, а также показа их этимологии. Е.Л. Гладкова, анализируя трек «Иран – США», отмечает, что в персидском и английском (американском) политическом дискурсе для обозначения основных характеристик обеих стран используются термины, имеющие «негативную коннотацию» [Гладкова, 2017, с.33]. В качестве примера приводятся такие наиболее характерные дескрипторы, как «враг» (перс. *došman* – англ. *foe*, *adversary*; «абсолютное недоверие» (перс. *bie'temadi-ye motlaq* –

англ. *absolute mistrust*); «диктаторский режим / исламская диктатура» (перс. *qodrat-e soltegar* – англ. *Islamic dictatorship*); «поддержка терроризма» (перс. *hamayat az terrorism* – англ. *support of terrorism*) [Гладкова, 2017, с. 33–35]. Именно такое крайне негативное и враждебное отношение Запада к Ирану, которое наблюдается на протяжении более 40 лет, практически сразу же после победы исламской революции в феврале 1979 г. и по настоящее время, позволило Верховному лидеру страны аятолле С. Хаменеи сделать вывод о том, что «иранский народ, помимо преступной Америки, сегодня считает также ряд европейских правительств обманщиками и не заслуживающими доверия» (*emruz mellat-e Irân elâve bar Âmrîkâ-ye jenâytkâr, te'dâd-i az dowlathâ-ye orupâyî râ niz xod'egar va qeyr-e qâbel-e e'etemâd midânad*) [Потапов, 2024, с. 210].

Таким образом, становится очевидным, что спустя два десятилетия после заявления президента США Дж. Буша-младшего наблюдается рекурсия идеологемы «Ось зла» с включением в нее России: в 2023–2024 гг. официальные представители Белого дома (Дж. Кирби) активно внедряют нарратив о «новой оси» (*new axis*), объединяющей Москву и Тегеран [Kirby, 2024]. Шаблонность подхода подтверждается идентичностью медийных ярлыков. В 2023 г. телеканал *CNN*, описывая сотрудничество Москвы и Тегерана, использовал термин «расширяющееся партнерство изгоев» (*expanding pariah partnership*), фактически повторяя заголовки двадцатилетней давности об Иране [Lister, 2023]. Технология «копирования» угроз видна и в нарративе о «ядерном шантаже»: лексические конструкции, применявшиеся к иранской ядерной программе (*nuclear extortion*), теперь без изменений переносятся на описание российской доктрины сдерживания. Лингвокогнитивный механизм переноса строится на калькировании ярлыков: Иран десятилетиями маркировался как «государство-изгой» (*rogue state*), «диктаторский режим-спонсор терроризма», теперь те же дефиниции («*state-sponsor of terrorism*») проецируются на Россию. Такая унификация риторики свидетельствует об устойчивой тенденции, в рамках которой русофобия может рассматриваться не как ситуативная реакция на конкретные действия государства, а как универсальная технология политического отчуждения (*political alienation*), с помощью которой в рамках панатлантического дискурса происходит конструирование образа «Врага» для оправдания глобального характера своих претензий на доминирование.

Вместе с тем необходимо оговорить, что представленный анализ сосредоточен на доминирующем, официальном дискурсе

стран панатлантического ареала. Мы осознаем, что западное медиаполе не является абсолютно гомогенным: существуют альтернативные точки зрения (представленные, например, в независимой аналитике или маргинальных политических силах), где антироссийская риторика может быть смягчена или подвергнута критике. Однако в рамках задач данного исследования, направленного на выявление угроз национальной безопасности, приоритетным являлся анализ именно гегемонного дискурса, формирующего реальные политические и военные решения НАТО и ЕС.

Заключение

Проведенный лингвополитологический анализ показал, что в дискурсе стран панатлантизма русофобия функционирует как системная когнитивная технология. Ее инструментом выступают не ситуативные штампы, а устойчивые идеологемы («Экзистенциальная угроза», «Варварство», «Ось автократий»). Они действуют как ментальные матрицы, подменяя рациональный анализ событий готовыми оценочными шаблонами [Малышева, 2009, с. 34]. Ключевым результатом работы является выявление устойчивой тенденции к унификации данных моделей. Сравнительный анализ подтвердил структурное сходство антироссийской и антииранской риторики. Реанимация идеологемы «Ось зла» (*axis of evil*), впервые введенной Дж. Бушем [Bush, 2002], и ее проекция на Россию в риторике Белого дома [Kirby, 2024] позволяет рассматривать русофобию не как ситуативную реакцию, а как универсальную технологию политического отчуждения (*alienation*). Панатлантизм конструирует единого, гомогенного Врага для оправдания глобального характера своих претензий.

Функционирование данных механизмов порождает «аутокаталитический эффект». Медиа создают виртуальную реальность, которая оказывает давление на центры принятия решений. Идеологема «Экзистенциальной угрозы», закрепленная в документах НАТО [Стратегическая концепция НАТО, 2022, с. 4], лишает западных политиков пространства для дипломатического маневра. С точки зрения национальной безопасности РФ, описанные механизмы представляют угрозу культурному и информационному суверенитету, а также защите исторической правды [Стратегия национальной безопасности, 2021]. Навязывание идеологемы «Варварство» нацелено на внутреннюю дестабилизацию общества. Противодействие этому требует перехода от реактивной информа-

ционной политики к стратегии когнитивного суверенитета, включающей выработку собственного понятийного аппарата.

Полученные выводы открывают поле для дальнейшей работы. Перспективным представляется проведение количественного (корпусного) анализа западных СМИ для выявления частотности употребления выявленных идеологем. Также научный интерес представляет кросс-культурное сравнение: анализ того, как аналогичные технологии демонизации применяются в отношении Китая (синофобия) и стран Глобального Юга.

Список литературы

- Басовская Е.Н.* От теории публицистики к теории дискурса – и обратно // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 4. – С. 90–98.
- Гладкова Е.Л.* Отношения «Иран-Запад» в свете персидского политического дискурса // Иран в мировой политике. XXI век. – Москва : ИВ РАН, 2017. – С. 27–39.
- Гудков Д.Б.* Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва : Филология, 1998. – Вып. 4. – С. 82–93.
- Мальшева Е.Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2009. – № 4 (30). – С. 32–40.
- Меттан Г.* Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. – Москва : Паулсен, 2016. – 464 с.
- Монина Н.П.* Зарождение ориенталистского дискурса русофобии // *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право.* – 2024. – Т. 49, № 2. – С. 348–356.
- Потапов Ю.Б.* Персидский политический дискурс как индикатор основных внешнеполитических тенденций // Сборник материалов IV научно-практической конференции. – Москва : РИТМ, 2024. – С. 204–212.
- Почепцов Г.Г.* Информационные войны: Новый инструмент политики. – Москва : Алгоритм, 2015. – 256 с.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400* // Собрание законодательства РФ. – Москва, 2021. – № 27 (часть 2). – Ст. 5351.
- Стратегическая концепция НАТО 2022* / Организация Североатлантического договора. – Брюссель, 2022. – 12 с. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 15.11.2024).
- Таньшина Н.П.* Русофобия: история изобретения страха. – Москва : Концептуал, 2023. – 496 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – Москва : АСТ, 2003. – 603 с.
- Шафаревич И.Р.* Русофобия. – Москва : Алгоритм, 2011. – 430 с.

- Borrell J. European Diplomatic Academy: Opening remarks by High Representative Josep Borrell // European Union External Action. – 2022. – October 13. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (дата обращения: 18.11.2024).
- Bush G.W. State of the Union Address // The White House (George W. Bush Archive). – 2002. – January 29. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (дата обращения: 12.09.2024).
- Cohen R. The Pariah Putin // The New York Times. – 2022. – February 26. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/26/opinion/putin-russia-ukraine.html> (дата обращения: 15.11.2024).
- Fairclough N. Language and Power. – 2nd ed. – London : Longman, 2001. – 226 p.
- Kirby J. Press Briefing by Press Secretary Karine Jean-Pierre and NSC Coordinator for Strategic Communications John Kirby [Электронный ресурс] // The White House : official website. – 2024. – February 15. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2024/02/15/press-briefing-by-press-secretary-karine-jean-pierre-and-white-house-national-security-communications-advisor-john-kirby-3/> (дата обращения: 10.10.2024).
- Lister T. The pariah partnership: How Russia and Iran are deepening their alliance // CNN. – 2023. – June 09. – URL: <https://edition.cnn.com/2023/06/09/middleeast/russia-iran-partnership-mime-intl/index.html> (дата обращения: 10.11.2024).
- The Guardian view on Russia's war in Ukraine: a campaign of terror* // The Guardian. – 2022. – April 03. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/03/the-guardian-view-on-russias-war-in-ukraine-a-campaign-of-terror> (дата обращения: 14.10.2024).

References

- Basovskaya E.N. *From the Theory of Publicism to the Theory of Discourse – and Back*. In: *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2016. Vol. 2 (68), N 4. Pp. 90–98. (In Russian)
- Gladkova Ye.L. *The Relationships «Iran-West» in the Light of Persian Political Discourse*. In: *Iran in the World Politics. XXI century*. Moscow: IV RAN, 2017. Pp. 27–39. (In Russian)
- Gudkov D.B. *Precedent Name in the Cognitive Base of Modern Russian Language (Experimental Results)*. In: *Language, Consciousness, Communication: Collection of Articles*. Moscow: Philologiya Publ., 1998. Issue 4. Pp. 82–93. (In Russian)
- Malysheva Ye.G. *Ideologeme as a Lingo-Cognitive Phenomenon*. In: *Political Linguistics*. 2009. N 4 (30). Pp. 32–40. (In Russian)
- Mettan G. *The West vs Russia: A Thousand-Years War. The History of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian Crisis*. Moscow: Paulsen, 2016. 464 p. (In Russian)
- Monina N.P. *The Emergence of the Orientalist Discourse of Russophobia*. In: *NOMOTHETICS: Philosophy. Sociology. Law*. 2024. Vol. 49, N 2. Pp. 348–356. (In Russian)
- Potapov Yu.B. *Persian Political Discourse as an Indicator of Main Foreign Policy Trends* In: *Collection of Materials of the IV Scientific and Practical Conference*. Moscow: RITM, 2024. Pp. 204–212. (In Russian)

*Лингвокогнитивные механизмы внедрения русофобских идеологем
в политический медиадискурс стран панатлантизма*

- Pocheptsov G.G. *Information Wars: A New Tool of Politics*. Moscow: Algorithm, 2015. 256 p. (In Russian)
- National Security Strategy of the Russian Federation: Approved by the Decree of President of the Russian Federation, N 400, dated July 2, 2021*. In: *Collection of Laws of the Russian Federation*. Moscow. 2021. N 27 (part 2). Art. 5351. (In Russian)
- NATO Strategic Concept 2022* / North-Atlantic Treaty Organization. Brussels. 2022. 12 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (accessed: 15.11.2024). (In Russian)
- Tan'shina N.P. *Russophobia: The History of Fear Invention*. Moscow: Konceptual, 2023. 496 p. (In Russian)
- Huntington S. *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST, 2003. 603 p. (In Russian)
- Shafarevich I.R. *Russophobia*. Moscow: Algorithm, 2011. 430 p. (In Russian)
- Borrell J. *European Diplomatic Academy: Opening Remarks by High Representative Josep Borrell*. In: *European Union External Action*. 2022. October 13. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (accessed: 18.11.2024).
- Bush G.W. *State of the Union Address* // The White House (George W. Bush Archive). 2002. January 29. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (accessed: 12.09.2024).
- Cohen R. *The Pariah Putin* // The New York Times. 2022. February 26. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/26/opinion/putin-russia-ukraine.html> (accessed: 15.11.2024).
- Fairclough N. *Language and Power*. 2nd ed. London: Longman, 2001. 226 p.
- Kirby J. *Press Briefing by Press Secretary Karine Jean-Pierre and NSC Coordinator for Strategic Communications John Kirby* // The White House: official website. – 2024. – February 15. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2024/02/15/press-briefing-by-press-secretary-karine-jean-pierre-and-white-house-national-security-communications-advisor-john-kirby-3/> (accessed: 10.10.2024).
- Lister T. *The Pariah Partnership: How Russia and Iran are Deepening Their Alliance* // CNN. 2023. June 09. – URL: <https://edition.cnn.com/2023/06/09/middleeast/russia-iran-partnership-mime-intl/index.html> (accessed: 10.11.2024).
- The Guardian View on Russia's War in Ukraine: a Campaign of Terror* // The Guardian. 2022. April 03. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/03/the-guardian-view-on-russias-war-in-ukraine-a-campaign-of-terror> (accessed: 14.10.2024).

Опарина Е.О.¹

ТРУ КРАЙМ КАК ПОЛИКОДОВЫЙ МЕДИАЖАНР: ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Аннотация. Цель статьи – анализ содержательных и формальных особенностей интернет-текстов, принадлежащих к жанру тру крайм. В центре внимания в статье следующие характеристики медиатекстов, принадлежащих к данному медиажанру: 1) взаимодействие фактической (документальной) и авторской (креативной) сторон содержания; 2) преобладающий тип модальности – нейтральной информативной или эмоциональной; 3) типы взаимодействия двух основных кодов текстов медиажанра тру крайм, а именно вербального (в форме аудио) и визуального (статичного и кинетического), а также эффекты их взаимовлияния.

В статье проанализированы два медиатекста, принадлежащих к исследуемому жанру и различных по выделенным параметрам: по модальности, частично – по способам соединения документальной и авторской частей содержания и по типам и эффекту взаимодействия кодов. Выводы не носят обобщающего характера, однако подчеркивается роль тесного взаимодействия и синергии вербального и визуального кодов в конструировании характеристик медиатекстов исследуемого жанра.

Ключевые слова: жанр тру крайм в новых медиа; поликодовые тексты; эмоциональная модальность; теория содержания и смысла проф. А.И. Новикова; слои содержания в текстах медиажанра тру крайм; построение текстов медиажанра тру крайм; роль синергии кодов в текстах тру крайма.

¹ Опарина Е.О., 2026

Опарина Елена Олеговна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; ellenoparina@gmail.com

Для цитирования: Опарина Е.О. Тру крайм как поликодовый медиажанр: особенности содержания и формы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2026. – № 2. – С. 58–70. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.04

Поступила в редакцию: 23.01.2026 г.

Принята к печати: 02.02.2026 г.

Опарина Е.О.*

TRUE CRIME AS A POLYCODE MEDIA GENRE: FEATURES OF CONTENT AND FORM

Abstract. The goal of the article is the analysis of content and formal features of internet-texts belonging to the genre of true crime. The focus of the study are the following parameters of media texts belonging to the genre: 1) interaction between factual (documental) and author's (creative) parts of the content; 2) the dominating type of modality – neutral informative or emotional; 3) the types of interaction between the two main codes of the media genre under investigation, i.e. verbal (in the audio form) and visual, as well as the effects of their mutual influence.

The article represents the analysis of the two texts that are different as to the parameters under study. The conclusions can't be far-reaching, but the examples demonstrate the role of synergy between verbal and visual codes in constructing the potential of true crime media texts.

Keywords: true crime as a genre in new media; polycode texts; emotional modality; the theory of content and sense by prof. A.I. Novikov; the layers of content in true crime media texts; the role of synergy in true crime media texts.

For citation: True Crime as a Polycode Media Genre: Features of Content and Form. Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. 2026. N 2. P. 58–70. DOI: 10.31249/ling/2026.02.04

Received: 23.01.2026.

Accepted: 02.02.2026.

* Опарина Елена Олеговна, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; ellenoparina@gmail.com

Введение

К жанру тру крайма относятся нарративы, в основе которых лежат факты реальных преступлений и истории их расследования. Общий содержательный признак жанра – документальность, при этом документальная часть нарратива, в которой излагаются факты, дополняется креативной, в которой представлены точка зрения автора, его понимание ситуации и ее оценка.

Жанр тру крайм, относящийся к массовой культуре, существует достаточно давно и в разных форматах: это книги, статьи, документальные или игровые фильмы, основанные на реальных событиях. В статье мы ограничиваемся текстами, представленными в Интернете¹. В данном формате жанр является относительно новым и включает видеоролики, в которых используются вербальный (в аудиальной форме) код и видеокод. Поликодовый характер тру крайма в значительной степени определяет его содержательные и формальные признаки. Следует также отметить индивидуально-авторский характер текстов тру крайма: они создаются блогерами, имеющими свои каналы, и профессиональными журналистами. Это отличает их, например, от жанра городских легенд, которые в некоторых аспектах близки к тру крайму, однако являются фольклорными, поскольку в основе своей создаются коллективно.

Основная часть

Для содержательной и формальной сторон текстов медиа-жанра тру крайм ключевыми, с нашей точки зрения, являются два фактора. Во-первых, присутствие двух содержательных слоев, во-вторых – поликодовость.

Первый содержательный слой, как было упомянуто выше, – документальный. В тексте рассказывается о реальном преступлении и истории его расследования, т.е. об обнаружении факта преступления, о сборе улик, работе детективов-расследователей и правоохранительных органов, о поимке преступника, часто также о помощи со стороны общества, прежде всего соседей и жителей местности. Фактичность ситуации фиксируется, как правило, в начале нарратива – указанием на место и время совершения преступления (его хронтоп). Отсутствие данных о времени и месте

¹ Исследовались следующие каналы: True Crime. Саша Сулим; Pengborn; Холод; Однажды в Италии; Мистика и ряд других. – *Е. О.*

преступления заставляет сомневаться в правдивости истории и / или свидетельствуют о том, что он сформирован искусственным интеллектом¹.

При сохранении документальной части нарратива большое внимание в жанре тру крайма уделяется тому, что можно назвать «человеческой» стороной дела, важной для антропоцентрического направления в гуманитарных исследованиях: обращению к моральной, психологической, социальной, культурно значимой граням ситуации, связанной с преступлением. Этот содержательный пласт создается автором нарратива, исходя из собственного миропонимания. Сюда относятся рассуждения о поведении и психологическом состоянии жертв, о переживаниях и реакции их близких и людей, участвующих в расследовании. К этому пласту также относится попытка понять мотивы преступника, которая также часто опирается на психологический анализ преступной личности. Вторая часть содержания обычно в той или иной степени эмоционально окрашена. Большую роль при таком построении текстов жанра обретают оценки, прежде всего морально-этические. И именно в этом слое содержания, креативно создаваемом автором, определяются смысловая доминанта и интенция текста, воспринимаемые адресатом.

Вопрос о роли автора в создании текста, о границах его власти над текстом, о соотношении его роли и роли читателя в трактовке смысла текста – тематика, которая активно разрабатывается с разных позиций в гуманитарных исследованиях, прежде всего в литературоведении по отношению к художественным произведениям (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Ю.Н. Тынянов, Г.А. Гуковский, Р. Барт и др.). Художественный текст – особый тип текста, к которому медиажанр тру крайма не относится, однако некоторые идеи представляются применимыми. Так, В.В. Виноградов рас-

¹ Приписанность «страшных» историй в литературе к определенному месту и времени отмечалась Татьяной Владимировной Цивьян в статье, названной строкой из стихотворения Б.Л. Пастернака «Звезды летом» (1919): «Рассказали страшное, дали точный адрес: (к мифологической топографии Москвы)» [Цивьян, 2001, с. 72]. В статье представлено исследование двух произведений русской прозы, а именно рассказа А. Погорельского «Лефортовская Маковница» (1825) [Погорельский, 1950] и А.В. Чаюнова «Необычные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, записанные по семейным преданиям московским ботаником Х» (1924) [Чаюнов, 1989]. В статье Т.В. Цивьян показано, что мистические сюжеты повестей связываются авторами с топографией Москвы и московских районов, с их культурно-исторической спецификой. – *Прим. Е. О.*

смачивает образ автора художественного произведения как эстетическую категорию, как фокус, вокруг которого организуются идейно-стилистические характеристики произведения. Согласно теории В.В. Виноградова, образ автора является объединяющим началом, через которое осуществляется выбор темы и речевые структуры, устройство композиции произведения, формируется его смысл и задается понимание описываемой ситуации и персонажей читателем. Важная мысль заключается в том, что смысл не всегда выражается в произведении эксплицитно. Интерпретация автора проявляется через стиль, выбор лексики [Виноградов, 1971], и читатель должен ее раскрыть. Эти замечания вполне можно отнести к жанру тру крайма, который, подобно художественным текстам, является индивидуально-авторским.

М.М. Бахтин также определяет образ автора как эстетическую категорию, создающую и объединяющую мир произведения [Бахтин, 1979]. Французский исследователь Р. Барт, наоборот, считает определяющей в создании смысла текста роль читателя. Подчеркивая, что текст живет и наполняется новыми смыслами именно при прочтении, Р. Барт в статье «Смерть автора» (1960) выступал против признания абсолютной власти автора над текстом, т.е. против установки, на которой традиционно основывалась западная культура в новое время [Барт, 1994].

С нашей точки зрения, наличие двух пластов содержания в текстах исследуемого медиажанра позволяет говорить о различии, с одной стороны, того, что представлено в документальной части, и, с другой – той части текста, которая отображает систему представлений и интенцию автора. Мы считаем возможным соотнести разграничение двух содержательных пластов интернет-текстов жанра тру крайм с теорией профессора Анатолия Ивановича Новикова. В статье «Семь дихотомических признаков» А.И. Новиков разграничил значение текста, называемое им содержанием, и его смысл, отражающий авторское отношение к излагаемым фактам, оценку персонажей и доминирующий мотив при создании текста [Новиков, 2023]. Нам важно подчеркнуть, что такое разграничение двух содержательных слоев текста касается и самого автора, и читателя. Для автора текста формируемый им смысл – это не только программирование отбора и распределения языковых единиц, это также процесс и результат осмысления данных, на основе которых он строит текст, это инструмент выражения авторских мнений и оценок. Для адресата постижение смысла текста является вывод-

ным знанием, результатом применения к истолкованию текста личного опыта, включая эмоциональный, и знаний о мире.

Изучение текстов тру крайма показывает, насколько различными они могут быть в зависимости от интенции автора, от модальности нарратива, т.е. от доминирования в нем эмоциональности и субъективной оценки или, наоборот, нейтральности повествования и его ориентации на объективность.

Однако различия между текстами жанра тру крайм основываются не только на пропорциях соотношения документального и авторского, но и на способах их репрезентации. Мы имеем в виду прежде всего степень их относительной автономности или, наоборот, слияния в тексте и его отдельных фрагментах.

Характерные черты текста, в том числе интернет-текстов жанра тру крайм, в значительной степени зависят от их поликодовости.

Исследователи, занимающиеся проблематикой поликодовых текстов, используют разные термины для их обозначения. Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов ввели термин «креолизованные тексты», относящийся к текстам, которые, помимо знаков естественного языка, используют компоненты, относящиеся к другим кодам, прежде всего визуальному [Сорокин, Тарасов, 1990]. Этот же термин применяет Е.Е. Анисимова [Анисимова, 2013]. Е.Е. Анисимова делит креолизованные тексты на два типа. В текстах с частичной креолизацией вербальная и визуальная (называемая автором иконической) части относительно автономны. В текстах с полной креолизацией их взаимодействие и взаимовлияние значительно более тесные. Такая взаимосвязь может порождать новые смыслы и оказывать более сильное эмоциональное воздействие на адресата [Анисимова, 2013; Левит, 2023].

А.А. Распопов и С.С. Хромов анализируя потенциал поликодовости в новых медиа, пришли к выводу о необходимости введения термина «синергетический знак» по отношению к поликодовым текстам, в которых вербальные и невербальные компоненты синсемантически по отношению друг к другу [Распопов, Хромов, 2024]. В результате в тексте, который относится к типу синергетических знаков, создаются смыслы и эффекты воздействия, которые превышают простую сумму возможностей каждого из применяемых компонентов по отдельности [там же].

Проиллюстрируем данные тезисы примерами двух видеороликов, относящихся к жанру тру крайм. В фокусе анализа отмеченные выше параметры: взаимодействие документальной и ав-

торской частей текста, типы модальности (преобладание информативной или эмоциональной модальности) и взаимодействие кодов в тексте. Цель – проследить, как эти качества медиатекстов связаны между собой и какой эффект оказывает тесное взаимодействие кодов.

Один из видеороликов принадлежит каналу “True Crime” журналистки и блогера Саши Сулим. Главная тема канала – рассказы о серийных преступниках. Выбранный нами для анализа видеоролик “Ted Bundy” рассказывает о Теде Банди – одном из известнейших серийных убийц США. Автор второго ролика называет себя Peng, название его канала “Pengborn”¹. В видеоролике «Исчезновение» рассказывается о пропаже и трагическом финале поисков пятилетней девочки, похищенной и убитой в небольшом городке Махинлет (Machynllet) в Уэльсе.

В видеоролике Саши Сулим факты и их трактовка во многих случаях представлены синкретично. В нарративе двое ведущих – сама С. Сулим и приглашенный в программу американский журналист Стивен Мишо (Stephen Michaud), который интервьюировал Теда Банди в тюрьме.

Во вступительном рассказе автора ролика уже возникает соединение документального пласта с оценочно-интерпретативным, в котором анализируются специфика личности Банди и отношение к нему в американском обществе. Так, Сулим дает сведения о биографии Банди, о фактической стороне его преступлений, о его побегах из тюрьмы, о финале жизни. Вместе с тем рассказывается о возникновении своеобразного мифа Теда Банди в США, где он стал воплощением образа «обаятельного психопата». Рассматриваются причины, которые привели к созданию этого специфического мифа: харизматичность Банди, два совершенных им побега из тюрьмы, наконец, его самоуверенное поведение на суде. Банди отказался от помощи адвоката и во время судебного процесса сам себя защищал, полагаясь на свои знания выпускника отделения психологии в университете штата Юта.

Рассказ о преступлениях Теда Банди начинается с точного изложения времени, места и фактов начала его преступного пути: зимой 1974 года в г. Сиэтл стали пропадать девушки-студентки, которых постепенно находили убитыми.

¹ Pengborn (в орфографии Стивена Кинга Pangborn) – английская фамилия. Alan Pangborn – персонаж ряда повестей С. Кинга, шериф, расследующий странные преступления. – *Е. О.*

Нарратив построен так, что рассказ Саши Сулим перемежается с рассказом приглашенного в программу журналиста Стивена Мишо. Мишо также не только описывает факты, он анализирует личность преступника, в том числе сравнивая мотивы его поведения с поведением жертв с позиций морально-этических норм: «*Девушка, которой с детства говорили, что людям нужно помогать [в одном из эпизодов преступлений Банди с перебинтованной рукой просил двух девушек, отдыхавших на озере, помочь ему загрузить в машину парусник], в этот момент не задумывается: "А вдруг этот парень серийный убийца? Может, не стоит ему помогать?". Ей это даже в голову не придет. А ему пришло*¹. С. Мишо отмечает, что Банди умел нравиться. Он вел себя как заботливый бойфренд по отношению к женщинам, нравился их детям и родителям, нравился он и преподавателям университета. Также анализируются обстоятельства политической карьеры, которую начинал делать Тед Банди в избирательной кампании губернатора-республиканца после окончания университета. Сулим и Мишо анализируют причины поведения следователей и окружающих, которые не верили в виновность молодого успешного политика-республиканца: «*Студент юрфака с политическими амбициями не вызывал подозрений*». Стивен Мишо отмечает своеобразные артистические способности Банди: меняя места пребывания, преступник стремился слиться с толпой, вжиться в образ и вести себя согласно принятым в этом сообществе правилам. Так, в Юте он посещал церковные собрания мормонов.

Информация о биографии Теда Банди и его преступлениях развертывается в нарративе постепенно, в линейном режиме, с использованием вербального и визуального кодов (фотографии, кадры и видеозаписи). Соотношение компонентов показывает, что доминирующим является вербальный код, а визуальный – дополняет его. Такое распределение кодов соответствует интенции автора, которая носит, как нам представляется, «научно-популярный» характер – доказать с помощью свидетелей и данных психологии маниакальный характер личности Банди, ранее уже подтвержденный психологами. Ретроспективный анализ биографии Теда Банди также доказывает, что в основе его жестокости, самолюбования, стремления манипулировать людьми – чувство собственной забитости и неполноценности, пережитое в детстве.

¹ Здесь и далее при цитировании речи С. Мишо автор статьи использует перевод с английского языка, данный в видеоролике. – Е. О.

Нарратив не является абсолютно нейтральным по модальности: главные участники видеоролика, т.е. Сулим и Стивен Мишо, прямо оценивают действия и личность Банди как преступные. С. Сулим еще во вводной части нарратива называет его убийцей. Характерна ирония Мишо относительно самоуверенности преступника, когда он говорит об отказе Банди от адвоката, о его поведении на суде и печальном для него исходе суда – смертном приговоре: *«Тед методично делал из своего процесса телешоу»; «Хорошо Банди умел только убивать»*. Однако участники обсуждения избегают эмотивной лексики и субъективных оценок. Они не стремятся сделать адресата участником ситуации, чему визуальный код текста, казалось бы, способствует. Кроме того, представленный в ролике анализ преступления отдален от времени его совершения, и это также приводит к понижению эмоционального градуса нарратива.

Взаимодействие кодов, присутствующее в видеоролике, помогает развитию сюжета, однако, с нашей точки зрения, оно не порождает синергию, при которой коды взаимно усиливают друг друга и создают смысл и эмоциональный эффект, превосходящие простую сумму каждого из них по отдельности [Распопов, Хромов, 2024]. Коды остаются относительно автономными, поэтому проанализированный текст в соответствии с терминологией Е.Е. Анисимовой можно отнести к группе частично креолизованных [Анисимова, 2013].

Видеоролик «Исчезновение» на канале “Pengborn” является неравномерным по модальности представления событий. В начальной части, рассказывающей о преступлении, реакции близких людей и сообщества, об активных поисках, доминирует эмоциональность. Этому способствует сюжет – рассказ о похищении пятiletней девочки, которую в итоге нашли убитой. Однако важнейшую роль в создании модальности играют способы построения текста. В другой части ролика, рассказывающей о допросах преступника, модальность меняется. Эксплицитной эмоциональности значительно меньше, на первом плане логика допроса и морально-этические нормы, к которым апеллируют следователи и автор.

Разберем способы репрезентации вербального кода. Он формируется в данном видеоролике речью разных лиц. Прежде всего, это речь автора, самого Пенга, в которой события представлены в настоящем времени. Таким способом в самом начале нарратива включается режим репрезентации событий, который можно назвать «здесь и сейчас». Это одно из средств приближения адре-

сата к событию и вовлечения его в ситуацию. Второй слой – речь ведущих в выпусках теленовостей в день исчезновения девочки. Здесь ситуация представлена как главная для страны новость дня, а зритель, видя на экране множество участвующих в поисках людей, чувствует себя сопричастным к ситуации. Также подчеркивается активное участие полиции, сразу включившейся в поиски. Третий слой вербального кода – реакции родственников девочки, соседей и всех участников поисков. Это жители небольшого городка и приехавшие на помощь люди из других мест. Они прямо говорят о свои чувствах, о шоке от события. Показаны кадры с фрагментами поисков, в которых также задействован вербальный код, максимально приближающий адресата к событию. Участники поисков, осматривая местность, окликают девочку по имени, веря, что она в это время жива и слышит их: *«Эйприл! Эйприл, пора домой!»*. Таким образом, характеризуя роль вербального кода в первой части сюжета, можно говорить о синсемантической его фрагментов: они действуют совместно, усиливая эмоциональную модальность нарратива сверх простой суммы отдельных элементов.

Визуальный компонент видеоролика также синсемантичен вербальному в создании смысла и эмоционального характера нарратива. Он участвует в создании эффекта «здесь и сейчас», усиливая эмоциогенность текста через калейдоскоп плотно следующих один за другим видеофрагментов первых двух дней. Это новости, видео близких родственников, кадры поисков, быстрое прибытие полиции и ее попытки организовать добровольцев. Текст построен так, что фрагменты плотно совмещены, их отрывки не просто следуют один за другим, но как бы «наплывают» друг на друга; голоса участников почти сливаются, компоненты видео (короткая предыстория события, фотоснимки и видеокдры девочки, горе семьи, новости, поиски) чередуются в режиме частой и быстрой смены.

Синергия кодов, интегрированных такими средствами, не только усиливает эмоциональную модальность, Она, как было отмечено выше, создает эффект вовлеченности адресата, усиливая интерактивность текста. В результате не только видеоролик действует на адресата, но и наблюдается своего рода обратная связь – от адресата к тексту. В этом плане, как нам представляется, также можно говорить о развитии смысла нарратива.

Характерно, что часть, посвященная установлению и допросу преступника, носит иной характер. События здесь представлены менее эмоционально и по возможности нейтрально, логика изложения отражает логику действий следователей и их цели. Видео-

ролик показывает, что внутри одного текста могут совмещаться разные эмоциональные модальности и разные способы репрезентации события.

Значительную роль в создании смысла и модальности нарратива играет интенция ведущего и способы ее выражения. Для Пенга доминирующей является морально-этическая сторона ситуации. Расследование дел в его роликах может быть долгим и запутанным, однако в центре внимания переживания близких жертвы, реакция сообщества. Раскрытие преступления понимается как путь к справедливости. Преступник обычно находится, хотя нередко через несколько десятилетий, и заканчиваются видеоролики этого блогера сентенцией, которая включает призыв морально-этического характера: «Берегите себя и помните – безнаказанных не бывает».

Заключение

Пример рассмотренных видеороликов показывает, что при теоретическом разделении двух пластов текста – фактического, с одной стороны, и авторского, формируемого блогером – с другой, оба пласта оказываются в той или иной степени интегрированными. Изучение других видеороликов медиажанра тру крайм также доказывает, что их разделение является по большей части именно теоретическим.

Тексты медиажанра тру крайм различны по доминирующему типу модальности, а именно нейтральной и эмоциональной, включая переходные случаи между двумя полюсами. Мы также видели, что в разных частях одного и того же текста могут преобладать разные подходы и способы выражения позиции автора.

Поликодовый характер текста медиажанра требует в дальнейшем особенно внимательного изучения. Синергия кодов способствует формированию смысла и усилению воздействия в разных поликодовых жанрах, включая документальный и художественный кинематограф. На данном этапе мы можем констатировать, что совместное действие вербального и визуального кодов создает особые возможности в нарративах тру крайма. Синергия кодов, синсемантическое действие их элементов приближает жанр к публицистике, усиливая эффект включенности адресата в документально зафиксированную ситуацию и в целом – интерактивность текста и его эмоциональную модальность.

Создание синергического эффекта кодов является результатом создания композиции нарратива со стороны автора. Можно говорить о синергии кодов в медиажанре тру крайм и как о средстве конструирования содержательного и формального планов текста, и как о средстве усиления интерактивного начала.

Список литературы

- Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – Москва : ТЕЗАУРУС, 2013. – 128 с.
- Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва : Прогресс, 1994. – С. 384–391.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – Москва : Советская Россия, 1979. – 315 с.
- Виноградов В.В.* Проблема автора в художественной литературе // Виноградов В.В. О теории художественной речи. – Москва : Высшая школа, 1971. – С. 118.
- Левит А.А.* Особенности соотношения вербальной и невербальной составляющих в поликодовых текстах. – URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.3> (дата обращения: 15.01.2026).
- Новиков А.И.* Семь дихотомических признаков // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание / Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). – Москва, 2023. – № 4. – С. 146–161.
- Пиотровская Л.А.* Эмотивность и эмоциогенность текста // Актуальные проблемы гуманитарных наук. – Санкт Петербург, 2020. – С. 408–411.
- Погорельский А.* Лафертовская Маковница // Русские повести XIX века (20–30-х годов). – Москва ; Ленинград, 1950. – Т. 2. – URL: books.google.ru/books/about/Русские_повести_XIXвека.html?id=uc1fdsUo654C&redir_esc=y (дата обращения: 17.01.2026).
- Распопов А.А., Хромов С.С.* Синергетический потенциал поликодовых текстов российских новых медиа (на примере коротких вертикальных видео) // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. – 2024. – Вып. 1. – С. 102–109.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – Москва : Наука, 1990. – С. 180–186.
- Цивьян Т.В.* Рассказали страшное, дали точный адрес: (к мифологической топографии Москвы) // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. – Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2001. – С. 72–91.
- Чаянов А.В.* Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, записанные по семейным преданиям московским ботаником Х // Чаянов А.В. Избранные повести. – Москва, 1989. – URL: <https://www.rulit.me/books/neobyčajnye-no-istinnye-priključeniya-grafa-fedora-mihajlovicha-buturlina-zapisannye-po-semejnym-p-read-4637-1.html> (дата обращения: 14.01.2026).

References

- Anisimova Ye.Ye. *Text Linguistics and Intercultural Communication: Based on Creolized Texts*. Moscow: TEZAURUS, 2013. 128 p. (In Russian)
- Barth R. *Death of the Author*. In: *Barth R. Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress, 1994. Pp. 384–391. (In Russian)
- Bakhtin M.M. *Problems of Dostoyevskiy's Poetics*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1979. 315 p. (In Russian)
- Vinogradov V.V. *The Problem of the Author in Fiction*. Moscow: Vysshaya shkola, 1971. P. 118. (In Russian)
- Levit A.A. *Features of the Relationship Between Verbal and Nonverbal Components in Polycode Texts*. – URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.44.3> (accessed 15.01.2026). (In Russian)
- Novikov A.I. *Seven Dichotomous Traits*. In: *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 6. Linguistics* (Institute of scientific information on social sciences, Russian Academy of sciences, INION RAN). Moscow, 2023. N 4. Pp. 146–161. (In Russian)
- Piotrovskaya L.A. *Emotiveness and Emotionality of the Text*. In: *Actual Problems of Humanities*. Saint Petersburg, 2020. Pp. 408–411. (In Russian)
- Pogorel'skij A. *Lafertovskaya Poppy Seed Tray*. In: *Russian Stories of the 19th Century (20–30 years)*. Moscow; Leningrad, 1950. T. 2. – URL: books.google.ru/books/about/Русские_повести_XIXвека.html?id=uc1fdsUo654C&redir_esc=y (accessed: 17.01.2026). (In Russian)
- Raspopov A.A., Chromov S.S. *Synergetic Potential of Polycode Texts in New Russian Media (Based on Vertical Video)*. In: *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev*. 2024. Iss. 1. Pp. 102–109. (In Russian)
- Sorokin Yu.A., Tarasov Ye.F. *Creolized Texts and Their Communicative Function*. In: *Optimization of Speech Influence*. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 180–186. (In Russian)
- Tsivjan T.V. *“They told me something terrible and gave me the exact address” (To the Mythological Topography of Moscow)*. In: *Tsivjan T.V. Semiotic Travel*. Saint Petersburg: Publishing House of Ivan Limbakh, 2001. Pp. 72–91. (In Russian)
- Chayanov A.V. *Unusual, But True Adventures of Earl Feodor Mikhajlovich Buturlin, Written Down on the Basis of Family Legends by Moscow Botanist X*. In: *Chayanov A.V. Selected Stories*. Moscow, 1989. – URL: <https://www.rulit.me/books/neobychajnye-no-istinnye-priklyucheniya-grafa-fedora-mihajlovicha-buturlina-zapisannye-posemejnym-p-read-4637-1.html> (accessed: 14.01.2026). (In Russian)

СОЦИОЛИНГВИСТИКА SOCIOLINGUISTICS

УДК 81'42:821.161.1

DOI: 10.31249/ling/2026.02.05

Сивова Т.В.¹

ЦВЕТ ОСОКИ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ (ОПЫТ ПОЛИДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. Представлены результаты выполненного на материале русского и белорусского языков и носящего полидискурсивный характер исследования, ставящего целью реконструкцию на примере функционирующих в текстах различных дискурсов колористических дескрипций осоки сегмента цветовой концептосферы флористического пространства обоих языков. В результате исследования установлен состав цветообозначений, значимых в колористической перцепции и визуализации растения, определены доминанты цвета, выявлены способы уточнения цветового значения, а также способы расширения цветового спектра, описан функциональный потенциал колористических дескрипций осоки; установлена область сходства и различия в исследуемом сегменте цветовой концептосферы обоих языков.

Ключевые слова: лингвистика цвета; термин цвета; фитоним; языковое сознание; корпусные исследования; ассоциативный эксперимент; рекламный дискурс.

Для цитирования: Сивова Т.В. Цвет осоки в русской и белорусской цветовой концептосфере (опыт полидискурсивного исследования) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литерату-

¹ © Сивова Т.В., 2026

Сивова Татьяна Викторовна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; t.sivova@grsu.by

ра. Серия 6. Языкознание. – 2026. – № 2. – С. 71–85. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.05

Поступила в редакцию: 23.11.2025 г.

Принята к печати: 02.03.2026 г.

Sivova T.V.*

SEDGE COLOR IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN COLOR CONCEPTUAL SPHERE (POLYDISCOURSE RESEARCH)

Abstract. The article presents the results of a polydiscursive study conducted on the material of the Russian and Belarusian languages, which aims to reconstruct, using the example of coloristic descriptions of sedge functioning in the texts of various discourses, a segment of the color conceptual sphere of the floristic space of both languages. As a result of the study, the composition of color terms significant in the coloristic perception and visualization of plants was established, the dominant colors were determined, methods for clarifying the color meaning were identified, as well as methods for expanding the color spectrum, the functional potential of coloristic descriptions of sedge was described; the area of similarity and difference in the studied segment of the color conceptual sphere of both languages was established.

Keywords: linguistics of color; color term; phytonym; language consciousness; corpus studies; associative experiment; advertising discourse.

For citation: Sivova T.V. Sedge Color in the Russian and Belarusian Color Conceptual Sphere (Polydiscourse Research) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 2. – Pp. 71–85. – Moscow, 2026. DOI: 10.31249/ling/2026.02.05

Received: 23.11.2025.

Accepted: 02.03.2026.

Вопрос цветовой визуализации растительного мира в силу мощного функционального потенциала колористических дескрипций растений закономерно оказывается в фокусе исследовательского внимания лингвистов – российских и белорусских: см., на-

* Sivova Tatyana Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Yanka Kupala State University of Grodno, the Department of Journalism; t.sivova@grsu.by

пример, работы В.Г. Кульпиной [Кульпина, 2001], И.Я. Пак [Пак, 2006], И.А. Швед [Швед, 2005], Т.В. Сивовой [Сивова, 2025] и др. В центре внимания в данном исследовании – комплексное описание специфики цветовой перцепции и визуализации осоки. Цвет этого флористического объекта, по нашим наблюдениям, представляет собой некоторую исследовательскую лагуну. Вместе с тем цветочная составляющая в дескрипциях растения спорадически оказывается в поле внимания лингвистов, что свидетельствует о значимости цвета в восприятии данного растения. Так, Е.М. Филатова, разрабатывая классификацию русских устойчивых сравнений, описывающих зеленый цвет, фиксирует повторяющееся выражение *зеленый как осока* [Филатова, 2019, с. 127]. Е.В. Локтевич, исследуя колористические образы лирики белорусского поэта М. Богдановича на материале сборника «Вянок», отмечает корреляцию *осока – зеленый*: «в сборнике М. Богдановича *зеленый* чаще всего связан с природным началом: *ціха сьпіць асока, высокі бор*» [Локтевич, 2020, с. 253]. В.Г. Кульпина фиксирует актуализацию термина цвета *беловатый* в дескрипции растения. Ср.: «БЕЛОВАТЫЙ. Не совсем белый: “Приближающийся цветом к белому, с белым оттенком, отливом; белёсый” (БТС, с. 70): туман, осока» [Кульпина, 2019, с. 45]. Л.А. Андреева с соавторами, обращаясь к хантыйскому фольклору, отмечают, в частности: «в хантыйском языке для обозначения синего и зеленого цветов используется слово *‘вусты’*. В хантыйских загадках <оно> передаёт семантику цвета зелёной растительности – травы и кустарников: *вусты пасты ййрәу ут ёш эвәтәл, кўр ваньцл* «зеленый с острыми краями предмет руку режет, ногу разрезает» (осока), *вусты турн* «зеленая трава» [Андреева, 2020, с. 252]. В.В. Подмаскин, осуществляя анализ аксиологических установок у коренных малочисленных народов Севера, отмечает: «удэгейцы и орочи осоковые растения называли *хаикта, паякта* <...>. Толстостебельную осоку называли *вокто угокта*, тонкую в зависимости от цвета делили на три подвида: *вокто тагани* – рыжая; *сулаи гайтани* – красная, похожая на цвет шерсти лисы; *наму гайтани* – зеленоватая, сравнимая с цветом морской воды» [Подмаскин, 2022, с. 116].

Изложенное свидетельствует о функционировании цветочных описаний осоки в различных дискурсивных средах, о значительной вариативности в восприятии цвета разными этносами. Именно такие подходы к осмыслению цветочного материала определяют как актуальность, так и новизну данного исследования, предпринятого в полидискурсивном ракурсе. Его целью является –

на материале множественных описаний осоки в разных дискурсах – произвести реконструкцию данного выделенного сегмента концептосферы цвета во флористическом пространстве русского языка через сопоставительный анализ с таким же белорусского языка. Целевые установки исследования достигаются (на очередных этапах анализа) с помощью описательно-аналитического и функционально-семантического методов, а также путем применения метода контекстуального анализа, методик сопоставительного анализа и ассоциативного эксперимента направленного типа.

В качестве исследовательского материала были использованы данные таких лексикографических источников, как (1) толковые словари [БТС, 2002; РСС, 2002], ассоциативные словари [РАС, 2002; СОТРС, 2012] и др.; (2) полученные нами итоговые результаты ассоциативного эксперимента (материалы опроса 770 респондентов); (3) художественные тексты сочинений К.Г. Паустовского [Паустовский, 1981–1986]; (4) материалы Национального корпуса русского языка [НКРЯ: ОК и ПК] и (5) Национального корпуса белорусского языка; (6) тексты рекламных объявлений (сайт «Авито»).

Статья является продолжением изучения особенностей цветного облика водяных и болотистых растений (см.: [Сивова, 2024] и др.).

Цвет осоки. Лексикографическая репрезентация (Ø). В дефинициях осоки чаще всего какой-либо цветовой компонент не представлен: *осока* «травянистое растение с узкими плотными, длинными листьями, растущее обычно в сырых, болотистых местах» [БТС, 2000, с. 732]; *осока* «дикорастущее (реже декоративное) травянистое растение (обычно болотное) сем. осоковых с твёрдыми узкими и длинными листьями» [РСС, 2002, с. 546].

Ассоциативное пространство (зеленый). Направленный ассоциативный эксперимент был проведен в 2022 г. В нем участвовали 770 респондентов, которые являются студентами ГрГУ имени Янки Купалы (возраст участников эксперимента: 17–23; гендерная представленность: 384 жен., 386 муж.). В ходе эксперимента его участникам предложили указать свою «цветовую» реакцию на данный стимул-фитоним. При этом ставилась цель выяснить современное представление о цвете данного растения. Собранные статистические данные показывают: всего цветовых реакций на стимул 345, разнообразных цветовых реакций на стимул 21, единичных цветовых реакций 9, отказов 425.

**Цвет осоки в русской и белорусской цветовой концептосфере
(опыт полидискурсивного исследования)**

Результаты: зеленый 255: 142 (ж), 113 (м); коричневый 22: 11 (ж), 11 (м); желтый 13: 8 (ж), 5 (м); розовый 12: 4 (ж), 8 (м); белый 9: 4 (ж), 5 (м); светло-зеленый 6: 5 (ж), 1 (м); темно-зеленый 6: 3 (ж), 3 (м); синий 4: 1 (ж), 3 (м); черный 3: 2 (ж), 1 (м); салатный 2: 2 (ж); светло-коричневый 2: 1 (ж), 1 (м); серый 2: 1 (ж), 1 (м); бежевый 1: 1 (ж); болотно-зеленый 1: 1 (ж); зелено-желтый 1: 1 (ж); зеленый, желтоватый 1: 1 (ж); зеленый, коричневый 1: 1 (м); прозрачный 1: 1 (м); темно-коричневый 1: 1 (ж); фиолетовый 1: 1 (м); яркий зеленый 1: 1 (ж); нет ответа 425: 194 (ж), 231 (м). Отметим, что в доступных нам ассоциативных словарях ([РАС, 2002; СОТРС, 2012] и др.) не зафиксированы ни искомые цветовые реакции, ни стимулы.

Таким образом, спектр значимых для визуализации осоки терминов цвета содержит 12 цветолексем (по алфавиту): *бежевый, белый, болотный, желтый, зеленый, коричневый, розовый, салатный, серый, синий, фиолетовый, черный*. Цветовой доминантой является *зеленый* цвет (255), далее следует *коричневый* (22); примечательно, что при этом зафиксировано немало отказов от ответа (425!). Представление о цвете осоки передается участниками опроса в том числе через: 1) комбинаторику двух цветов разнообразной модификации (6), напр.: а) *зелено-желтый*, б) *болотно-зеленый*, в) *светло-зеленый, светло-коричневый, темно-зеленый, темно-коричневый*; 2) через двусоставную комбинаторику цепочек цвета (2), напр.: *зеленый, желтоватый; зеленый, коричневый*. Выступают реализации и других способов отражения цвета (цветового впечатления), прежде всего семантики цветовой интенсивности (насыщенности цвета): *яркий зеленый – прозрачный*.

Авторская цветовая концептосфера. Проза К.Г. Паустовского (серый). Колористическая дескрипция осоки реализуется писателем единожды – в описании природы: [водного пространства] «*Оно <болото> терялось за горизонтом в тускловатом воздухе, светилось окнами воды, желтело островами цветов, шумело сероютой осокой*» [Паустовский, 1982, с. 197].

Корпусные данные. Основной корпус НКРЯ (зеленый). Определения цвета искомых флористических объектов зафиксированы в произведениях у более 40 писателей и журналистов, в том числе у Л. Леонова, Д. Мамина-Сибиряка, А. Марченко, Ю. Нагибина, М. Пришвина, В. Солоухина, И. Стаднюка, Г. Троепольского, М. Шолохова и др.

Спектр значимых в описаниях осоки единиц содержит 13 цветолексем: *зеленый* 24 (среди них – глагол *зеленеть*, прила-

гательные (основной цвет с модификаторами: *зеленый, нежно-зеленый, черно-зеленый, ярко-зеленый*); **черный** 8 (с модификаторами и глагольными лексемами: *черный, аспидно-черный, насыщенно-черный, черно-зеленый; почернеть*); **бурый** 4 (*буреть, бурый, побуреть*), **желтый** 4 (*желтый, пожелтеть*); **голубой** 3 (*голубой*), **золотой** 3 (*золотить, позолотить, раззолоченный*), **ржавый** 3 (*ржавый*), **серый** 3 (*серенький, сероватый, серый*); **белый** 1 (*беловатый*), **жемчужный** 1 (*жемчужно*), **седой** 1 (*седой*), **сизый** 1 (*сизый*), **синий** 1 (*синий*). В контекстах: «шагах в ста от холма по ее течению **зеленела** густая, пышная **осока**, из которой, когда подъезжала бричка, с криком вылетело три **бекаса**» (Чехов) [ОК НКРЯ]; «**в черной рамке** камыша и **осоки** блестящими зернами вставала **болотная вода**» (Андреев) [ОК НКРЯ].

Расширение цветового спектра осуществляется за счет: 1) металексем (*окраска, цвет*); 2) лексем с семантикой интенсивности окраски (*сочный, яркий*); 3) с семантикой неоднородности окраски (*пестролистный, пестрый*); 4) с имплицитным цветом (*веселый*); 5) с семантикой утраты цветности (*пожухлый*); 6) со значением «свет», «тьма» (*сверкать, темный*). В ряде контекстов, напр.: «Ведь не исключено, что и вам вдруг попадетя какой-нибудь злак или **осока с нетипичным видом и окраской**» (Чечуров) [ОК НКРЯ]; «Трава и **осока сверкали** росой и бисером провисшей паутины» (Арро) [ОК НКРЯ].

Полученные в ходе исследования цветолексеммы коррелируют не только с фитонимом *осока*, но также и с другой лексикой: фитонимической (*ветвь, всход, колосок, корень, лист, сережка, соцветие, стебель*), зоонимической (*жало*), вестивальной (*венок*), предметной (*рамка, сабля, стрела, чаша, шильце*) и т.п. В контекстах: «выворачивалась мутными клубами вода, извергая на поверхность то **почерневший корень осоки**, то **распластаный дубовый лист**» (Шолохов) [ОК НКРЯ]; «на чистом месте выпрямились торчавшие со дна **зеленые шильца осоки**» (Бубеннов) [ОК НКРЯ]; «<болотце>, сплошь покрытое волнующейся **осокой**, которой **серые отливы** неприятно режут глаза» (Салтыков-Щедрин) [ОК НКРЯ]. Основной корпус Национального корпуса русского языка не фиксирует, по нашим наблюдениям, термины цвета, основанные на колористической дескрипции растения.

Из поэтического подкорпуса НКРЯ (зеленый). Колористические определения осоки выступают в поэтических текстах ок. 20 поэтов, среди них Л. Алексеева, В. Горянский, А. Майков, Н. Рубцов, К. Случевский и др.

**Цвет осоки в русской и белорусской цветовой концептосфере
(опыт полидискурсивного исследования)**

Цветовые определения осоки формируются на основе трех цветолексем см.: **зеленый** 10 (прилагательные, существительные, глаголы: *зеленый, зелень, зеленеть*); **серебристый** 4 (*серебро, серебристый*); **сизый** 1 (*сизый*). См. в контекстах: «Здесь и там в вечернем поле **зеленеет осока**» (Соловьев) [ПК НКРЯ]; «В этой **серебристой осоке** и в розах, в ней пышно цветущих, В этих дубках молодых – есть уж частица тебя» (Майков) [ПК НКРЯ]. Спектр получает расширение за счет цветолексем: 1) с семантикой утраты цветности (*поблекнуть*); 2) с семантикой света и блеска (*блестеть, сверкать, солнце*). Например: «Озерная **поблекла осока**, и птицы совсем не поют» (Набоков) [ПК НКРЯ]; «**Осока** и река **Сверкает**, извиваясь, словно гадина» (Холин) [ПК НКРЯ].

Выявленные цветолексемы служат определениями не только фитониму *осока*, но и – спорадически – другой фитонимической лексике (*ветвь*), в образных значениях спектр расширяется и охватывает также предметную лексику (например, *полог*). См. в контекстах: «Склонясь **зелеными ветвями**, **Осока** дремлет над прудом» (Надсон) [ПК НКРЯ]; «Для ней-то он **осоку В зеленый полог рядит**» (Мей) [ПК НКРЯ].

Функциональная нагрузка цветовых определений осоки, как можно судить по примерам из Национального корпуса русского языка, получает реализацию в следующих функциях: 1) в онтологической функции: «Много стариц, проток с неподвижной водою, **окаймленную зеленою осокой**» (Козлов) [ОК НКРЯ];

2) в родо-видовой функции: «Соцветия **осоки черной** (*Carex nigra*) кажутся **насыщенно-черными** на фоне голубоватых молодых листьев с металлическим блеском» (Марченко) [ОК НКРЯ]; «**Осоку** декоративную, **голубую**, ирисы сортовые, цветок “декабрист”» (Дачная корзинка) [ОК НКРЯ];

3) в изобразительно-выразительной: «Только у самых берегов росла **зеленая осока**, таинственно раскачивающаяся над глубиной узкими, **как зеленые острые сабли, листьями**» (Арцыбашев) [ОК НКРЯ]; «Она глубже шрама легла на душе, так что все эти перелески и луговинки, полные кротких цветов, летнее небо в бездумных барашихах и **синюю чашу** береговых **осок** видел он как бы сквозь коричневые рубцы того шрама» (Леонов) [ОК НКРЯ]; «А дороги узкие, тихие, как дым. **Солнышко осоковое брызжет серебром**» (Рубцов) [ПК НКРЯ];

4) в формировании цветового хронотопа (см.: [Сивова, 2018]): 4.1 цветового пространственного измерения:

– **цветового пространства природы: [флора]** «год назад она совсем была затянута кустами ивняка, ольхой, смородиной и густой, **ярко-зеленой осокой**» (Мамин-Сибиряк) [ОК НКРЯ]; «**[водное пространство] Заснувшие пруды** В листах кувшинчиков и **в зелени осоки** Лежат как зеркала, безмолвствуя цветут» (Случевский) [ПК НКРЯ]; «**В Сенькином болоте** воды – ни капли, **Подсеклась зеленая трава осока**, Сбилась ворохом грязной пакли» (Горянский) [ПК НКРЯ];

– **пространства человека: [соматический код]** (зрачок, лицо) [зрачок] «наклонил голову перед Фиозой Семеновной идол в синем шелке, золото в коралловых ушах, **зрачок длинный и зеленый, как осока**» (Иванов) [ОК НКРЯ]; «**Кошачьи зрачки** его <Митьки Коршунова> то суживались **в зеленые, как осокой прорезанные, щелки**, то ширились, темнели» (Шолохов) [ОК НКРЯ]; ср. с синонимичным описанием: «<Коршунов> подошел к Петру, сказал, мерцая **камышовой зеленью прижмуренных глаз**» (Шолохов) [Сивова, 2024, с. 213]; [лицо] «**лицо его стало зеленым, под цвет осоки**, а глаза начали выбираться из орбит» (Шолохов) [ОК НКРЯ]; связанный с ним **[вестиальный]** «**На одних венки** сии были **из осоки**, на других из древесных ветвей, так что казалось, **будто бы у них зеленые волосы**» (Сомов) [ОК НКРЯ]; «**Обвив чело зеленой осокой**, Она ждала с улыбкой и тоской» (Верховский) [ПК НКРЯ];

– **пространства вещного мира: «адрес, написанный почерком** прямым и острым, **как черная осока**» (Катаев) [ОК НКРЯ];

– **пространства искусства: [ландшафтный дизайн]** «**Ранней весной** цветовая гамма водного сада обусловлена **меняющейся окраской** листвы **прибрежных растений, разноцветием колосков осок** и белыми **веерами пушиц**» (Марченко) [ОК НКРЯ]; а также

4.2 **цветового темпорального измерения** (4 темпоральные координаты):

– **ТК «Фаза вегетации»: «всходы осоки – еще мелкие, беловатые** – выедают захудавшие за зиму собаки» (Астафьев) [ОК НКРЯ];

– **ТК «Время суток»: [день]** «**День из тьмы глухой** восстал, **Свой венец вознес высоко**, **Стали остры гребни скал**, **Стала сизою осока**» (А. Толстой) [ПК НКРЯ];

– **ТК «Время года»: [весна]** «**по весне** проткнется там-сям **серенькая осока**, которая на озерном лове сильно царапает мужикам ноги» (Астафьев) [ОК НКРЯ]; **[зима]** «**В озерной белизне** он

**Цвет осоки в русской и белорусской цветовой концептосфере
(опыт полидискурсивного исследования)**

спит глубоко, *Блестя заиндевелишею осокой Над скованной водой...*» (Саша Черный) [ПК НКРЯ];

– ТК «Прошедшее время»: «В долине той колышется *пожухлая проишлогодняя осока*, а среди нее пробивается к солнцу молоденькая осока – тоненькая и густая, как грива коня» (Стаднюк) [ОК НКРЯ].

На момент проведения исследования в Национальном корпусе русского языка не зафиксированы реализации прототипической функции цветоописаний осоки.

Национальный корпус белорусского языка (Беларускі N-корпус) (зялёны). Цветоописания осоки функционируют в художественных текстах ок. 20 белорусских писателей; среди таковых М. Горецкий, И. Мележ, Янка Брыль, Янка Мавр и др.

Диапазон цветолексем, выступающих в описаниях растения, содержит 8 языковых единиц: **зялёны** 13 (прилагательные, существительные, глаголы: *зялёны, зеляніна, зелянець*); **руды** 8 (*парудзелы, руды*); **рыжы** 5 (*зрыжэлы, рыжаваты, рыжы, рыжэць*); **іржавы** 3 (*іржавы*); **буры** 2 (*буры*), **жоўты** 2 (*жаўцець*); **белы** 1 (*пабялець*), **сівы** 1 (*сівізна*). В контекстах: *Зялёная асака расступалася перад ім і шамацела* (У. Карпаў) [N-корпус]; *абсягі неасушаных балот з парудзелай асакой, асіннікі, альшанікі* (І. Навуменка) [N-корпус]. Цветовой спектр получает расширение за счет лексем: 1) с семантикой ‘утратить цветность’ (*пажоўклы, сухі*); 2) со значением ‘свет’ (*прасвечваць, сонца*). Например: *Праляцелі ўжо гусі і жураўлі, чорныя дзікія птушкі ключоць сакаўную рабiну, і жураца дні над свежай раллiю і над балотнай сухой асакою...* (Кузьма Чорны) [N-корпус].

Номинации растений, ставшие основой для формирования цветоописаний растений, коррелируют преимущественно с фитонимом *асака*, а также с фитонимическими лексемами (*вяршок, сцяблiна*), пространственными (*палянка*). См. в контекстах: “*Я спуcцiўся каля мосцiка да жвавай жывiнкі, што так весела чулася па-за густою сценкаю асакi, расхiнуў зялёныя сцяблiны – i як не ахнуў ад захаплення*” (К. Кiрэенка) [N-корпус]; “*Памiж парэпанымi балонкамi зелянелi палянкi свежай асакi, а дзе-нiдзе нават i мурагамi магло пачаставаць Навiньскае балота*” (К. Кiрэенка) [N-корпус].

Функциональный потенциал колористических описаний осоки, как это можно наблюдать в N-корпусе, реализуется 1) в онтологической функции: «*Лявон сутаргава ўхапiўся за шчэць асакi,*

якая *тырчала зялёным жмутом на купіне, і тут да яго свядомасці прыйшло разуменне ўсяго*» (М. Гамолка) [N-корпус];

2) в изобразительно-выразительной функции: «у *мокрых асінніках, у кустоўях іржавай асакі*» (К. Кірэенка) [N-корпус];

3) в функции формирования цветового хронотопа: 3.1 цветового пространственного измерения:

– **колористического пространства природы: [флора]** «Кранаючыся чорных галінак сухадрэвін, *бурай іржавай асакі, ён спачатку раставаў, але неўзабаве лёг на іх пушыстай беллю*» (У. Карпаў) [N-корпус]; **[водное пространство]** «зарослае *рудой асакой балотца*» (І. Навуменка) [N-корпус]; «*ціхую затоку, што зелянела рэзкай асакой*» (У. Караткевіч) [N-корпус]; «*наклычаны ветрам хмыз, толькі бурая асака і гнілая вада бачыліся яму*» (Л. Дайнека) [N-корпус];

– **пространства человека: [соматический код]** (вочы, валасы): «Шчо табе смешна? Шчо ты смяешся? – крыўдзіцца і на мяне Шура, па-дзіцячы маргаючы заўсёды крышку здзіўленымі, *як асака, зялёнымі вачыма*» (А. Васілевіч) [N-корпус]; «Немалады ўжо *Дамашэўскі, мо адных гадоў з Аляксанаю. Пабурэлую ад сонца лысіну з маршчынамі на самым цемі акружылі рыжаватыя, з сівізною валасы – нібы азярцо асення асака*» (П. Місько) [N-корпус]; с установлением маркированных цветом параллелей: **[эмоциональный]** «*І ўсюды, на кожнай купіныцы, на кожным астраўку, проста на вадзе – зялёная радасць. Зелянела асака, зелянела лаза, усё гусцей зелянелі алешнікі*» (І. Мележ); «*Хіліцца, хахоча асака зялёная*» (Максім Танк) [N-корпус];

3.2 цветового темпорального измерения (3 темпоральные координаты):

– **ТК «Фаза вегетации»:** «*вецер, шумеў у маладой зялёнай асацэ, накочваў на нізкія пясчаныя берагі*» (Л. Дайнека) [N-корпус];

– **ТК «Время года»:** **[лето]** «*Рака шырокая, пакуль што чыстая, трыснёг, лаза і асака абноўлена зялёныя, сонца зноў, як штогоду, грэе па-летняму, і ліпа ў самай квецені, гудзе ад цямна да цямна*» (Янка Брыль) [N-корпус]; **[осень]** «*На балоце ў пазалоце // Асака жаўцее, // А на купіныцы, ў чароце, // Журавінка спее*» (Язэп Пушча) [N-корпус]; «*Восень усё паглыблялася. Зачырванеліся, а потым пажоўклі бярозы. Пабялела асака*» (Янка Маўр) [N-корпус]; **[зима]** «*З хмарнага нізкага неба камякамі падаў снег. Кранаючыся чорных галінак сухадрэвін, бурай іржавай асакі, ён спа-*

**Цвет осоки в русской и белорусской цветовой концептосфере
(опыт полидискурсивного исследования)**

чатку раставаў, але неўзабаве лёг на іх пушыстай беллю» (У. Карпаў) [N-корпус];

– ТК «Прошедшее время» (преобладает): «*На балотным куп'і рыжэла летаінная асака*» (Кузьма Чорны) [N-корпус]; «*Як вокам акінуць, жаўцелі вяршкі летаіняй асакі – гэта была жоўтая роўнядзь, мокрая, трасучая*» (Кузьма Чорны) [N-корпус]; «*Аказваецца, усё заўважыў пісьменнік, усё занатаваў у памяці: лужынкі талай вады, якія, нібы лустэркі, адсвечвалі на вясновым сонцы, рудую мінулагоднюю асаку – праз яе на балотных купінах прабіваліся тоненькія сцяблінкі чорнагалова*» (І. Навуменка) [N-корпус]; «*Балота вызвалілася зусім з-пад снегу, летаінная сухая асака і мох рыжэлі на ім пад вадою*» (Кузьма Чорны) [N-корпус].

Рекламный дискурс (см.: интернет-сервис «Авито»). В рекламных текстах зафиксированы три термина цвета, основанные на цветоописаниях осоки (более 50 контекстов): цв. *морская осока*, *осока*, цв. *тёмной травы осоки*. Например: «*Плетеная корзина IKEA. Отлично впишется практически в любой интерьер. Материал: морской тростник, цвет морская осока*» [Авито]; «*Классическое шерстяное пальто-халат с поясом, цвет осока*» [Авито]. Доступные нам словари цветообозначений [Цвет и названия..., 2005; Харченко, 2021] не фиксируют искомые термины цвета. У полученных из рекламных текстов цветообозначений обнаруживается связь с номинациями восьми категорий товаров, выступающих на интернет-сервисе «Авито»: «Автомобили», «Детская одежда и обувь», «Запчасти и аксессуары», «Мебель и интерьер», «Одежда, обувь, аксессуары», «Охота и рыбалка», «Ремонт и строительство», «Спорт и отдых». См.: «*Сайдинг, внутренний угол, цвет осока*» [Авито]; «*Функциональный костюм для охоты, цвет осока*» [Авито].

Примечательно, что специфика формирования и функционирования цветолексем, выступающих в рекламном дискурсе, находит свое выражение: 1) в необходимости, по мнению автора «продающего» текста, уточнить цветовое значение, что осуществляется а) подбором синонимов: «*Сумка кожаная Borse in Pelle, Италия. Цвет изумрудной зелени или тёмной травы осоки*. Цвет: зелёный» [Авито]; б) апелляцией к цветовому образцу (такое мнение зафиксировано на интернет-сервисе «Авито»): «*Демисезонное пальто-шаль с поясом, цвет осока*. Цвет: зелёный» [Авито]; «*Пальто демисезонное в цвете осока*. Цвет: зелёный» [Авито]; в) обращением к каталогу производителя, к каталогу RAL: «*Подкраска Luxfore (LADA 308 Осока)*. Краска Luxfore цвета 308

Осока идеально подходит под цветовой каталог LADA» [Авито]; а также: *«Крыло переднее левое в цвет кузова ВАЗ 2110, цвет 308 Осока – зелёный»* [Авито]; 2) в скупой оценочности (*редкий*): *«Продам ВАЗ 21099 в редком цвете осоки»* [Авито].

Выводы. В результате носящего полидискурсивный характер исследования, ставящего своей целью создание комплексного цветового описания осоки, установлено, что: 1) состав цветолексем, релевантных для визуализации осоки в русском языке, содержит 20 языковых единиц: прилагательных *бежевый, белый, болотный, бурый, голубой, желтый, жемчужный, зеленый, золотой, коричневый, ржавый, розовый, салатный, седой, серебристый, серый, сизый, синий, фиолетовый, черный*; в белорусском языке – 8: *белы, буры, жоўты, зялёны, іржавы, руды, рыжы, сівы*; 2) доминанты цвета в примерах из русского и белорусского языков совпадают: в русском языке – *зеленый* (согласно НАЭ, ОК НКРЯ, ПК НКРЯ), в белорусском языке – *зялёны* (N-корпус), за исключением индивидуально-авторской цветовой концептосферы (*серый*); 3) в состав значимых в создании колористических дескрипций осоки цветковых композитов входят 11 единиц различной модификации, среди них доминируют созданные с использованием модификаторов цветности: а) *насыщенно-черный, нежно-зеленый, светло-зеленый, светло-коричневый, темно-зеленый, темно-коричневый, ярко-зеленый*, а также б) *зелено-желтый, черно-зеленый*, в) *аспидно-черный, болотно-зеленый*; при этом фиксируется отсутствие композитов в искомым дескрипциях в белорусском языке; 4) цветовой спектр, актуализируемый в цветоописаниях осоки, расширяется в русском языке лексемами со значением интенсивности окраски, неоднородности окраски, металексемами, лексемами с имплицитным цветом, со значением ‘утратить цвет’, со значением ‘свет’, ‘тьма’; в белорусском языке – лексемами со значением ‘утратить цвет’, со значением ‘свет’; 5) выявленные термины цвета проявляют сочетаемость в русском языке – с фитонимической и предметной лексикой, в белорусском – с фитонимической и пространственной лексикой; 6) цветовые дескрипции осоки функционально нагружены, реализуют функциональный потенциал: согласно НКРЯ – в онтологической, родо-видовой, изобразительно-выразительной функции, в функции создания цветового хронотопа: а) пространства природы [флора, водное пространство], б) пространства человека [соматический, вестигиальный код], в) «вещного мира», г) искусства [ландшафтный дизайн], а также цветового времени: а) ТК «Фаза вегетации», б) ТК «Время суток» [утро],

в) ТК «Время года»: [весна, зима]; согласно Белорусскому N-корпусу: в онтологической, изобразительно-выразительной функции, в функции создания цветового хронотопа: цветового пространственного измерения: а) пространства природы: [флора, водное пространство], б) человека [соматический, эмоциональный код], а также цветового темпорального измерения: а) ТК «Прошедшее время» (доминирует), б) ТК «Время года»: [лето, осень, зима], в) ТК «Фаза вегетации»; 7) активность колористических описаний осоки в реализации прототипической функции невысока: вместе с тем в рекламном пространстве выявлено функционирование ранее не фиксируемых словарями цветообозначений трех терминов цвета, основанных на колористической дескрипции осоки: цв. *морская осока*, *осока*, цв. *тёмной травы осоки*.

Таким образом, результатом исследования стало описание сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского и белорусского языков, определение областей сходств и различий. Полученные результаты вносят вклад в создание комплексного описания концептосферы цвета обоих языков; они представляют научно-исследовательский интерес для специалистов, работающих в области этнолингвистики, лингвистики цвета, психоллингвистики и имеют также прикладной характер: могут найти применение у специалистов, работающих в области копирайтинга и рекламы.

Список литературы

- Авито. Сайт рекламных объявлений. – URL: <https://www.avito.ru/> (дата обращения: 18.04.2023).
- Андреева Л.А., Худобина О.Ф., Молданова Т.А. Семантика цветообозначений в хантыйском, мансийском и русском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, вып. 6. – С. 249–253.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
- Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. – Москва : Московский Лицей, 2001. – 470 с.
- Локтевич Е.В. Феномен идейно-субъектной пограничности в лирике начала XX века. – Гродно : ЮрСаПринт, 2020. – 672 с.
- Национальный корпус русского языка. Основной корпус. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 07.03.2021).
- Национальный корпус русского языка. Поэтический подкорпус. – URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggJ> (дата обращения: 07.03.2021).
- Пак И.Я. Языковое воплощение образа дерева / растения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2006. – 24 с.

- Паустовский К.Г. Собрание сочинений : в 9 т. – Москва : Худож. лит., 1981–1986. – Т. 4 : Повесть о жизни. Кн. 1–3. – 1982. – 734 с.
- Подмаскин В.В. Народные знания об осоковых растениях у коренных малочисленных народов Севера: аксиологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2022. – № 3. – С. 114–123.
- РАС – Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю.Н. Караулова. – Москва : АСТ-Астрель, 2002. – Т. 1 : От стимула к реакции. – 784 с. ; Т. 2 : От реакции к стимулу. – 992 с. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 26.02.2024).
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва : РАН. Ин-т рус. яз., 2002. – Т. 1 : Слова указующие (местоимения). Слова именные: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос).
- Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2018. – 32 с.
- Сивова Т.В. Как описать цвет камыша: опыт полидискурсивного исследования // Когнитивные исследования языка. – 2024. – Т. 2, № 2(58). – С. 211–214.
- Сивова Т.В. Колористическая репрезентация знаков в текстах различных дискурсов: цвет пшеницы // Неофилология. – 2025. – Т. 11, № 3. – С. 599–610.
- СОТРС – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : в 2 т. – Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2012. – Т. 1 : А–М / под ред. Н.Д. Голева. – 536 с.
- Филатова Е.М. Идеографическое представление русских устойчивых сравнений, характеризующих предметы в учебном словаре для иностранцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (135). – С. 126–131.
- Харченко В.К. Словарь цвета: полная версия. – Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. – 656 с.
- Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. – Москва : КомКнига, 2005. – 216 с.
- Н-корпус. Нацыянальны корпус беларускай мовы. – URL: <https://bnkorporus.info/> (дата обращения: 14.07.2024).
- Швед І.А. З’явілася з крывавых слёз. Вобраз рабіны ў беларускім фальклоры // Роднае слова. – 2005. – № 2. – С. 99–102.

References

- Avito. *Advertising website*. – URL: <https://www.avito.ru/> (accessed: 18.04.2023). (In Russian)
- Andreeva L.A., Khudobina O.F., Moldanova T.A. *Semantics of Color Designations in Khanty, Mansi, and Russian folklore*. In: *Philological Sciences. Theoretical and Practical issues*. Tambov: Gramota, 2020. Vol. 13, Issue 6. Pp. 249–253. (In Russian)
- BTS – *Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language* / ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1536 p. (In Russian)
- Kul’pina V.G. *Linguistics of Color: Color Terms in Polish and Russian*. Moscow: Moscow Lyceum, 2001. 470 p. (In Russian)
- Loktevich E.V. *The Phenomenon of Ideological-Subjective Boundaries in Early 20th-century Lyrics*. Grodno: YurSaPrint, 2020. 672 p. (In Russian)

**Цвет осоки в русской и белорусской цветовой концептосфере
(опыт полидискурсивного исследования)**

- The National Corpus of the Russian Language. Main Corpus.* – URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 07.03.2021). (In Russian)
- The National Corpus of the Russian Language. Poetic Subcorpus.* – URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggJ> (accessed: 07.03.2021). (In Russian)
- Pak I.Ya. *Linguistic Embodiment of the Image of a Tree / Plant in the Russian Language*: Abstract of PhD dissertation. Tomsk, 2006. 24 p. (In Russian)
- Paustovsky K.G. *Collected Works: in 9 vol.* Moscow: Art literature, 1981–1986. Vol. 4: A Tale of Life. Books 1–3. 1982. 734 p. (In Russian)
- Podmaskin V.V. *Folk Knowledge on Sedge Plants Among the Indigenous Peoples of the North: Axiological Aspect*. In: *Oikumena. Regional Studies*. 2022. N 3. Pp. 114–123. (In Russian)
- Russian Associative Dictionary* / ed. by Yu.N. Karaulov. Moscow: AST-Astrel, 2002; Vol. 1: From Stimulus to Reaction. 784 p.; Vol. 2: From Reaction to Stimulus. 992 p. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed: 26.02.2024). (In Russian)
- Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Word Classes and Meanings*: in 4 vols / ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow: RAS Institute of Russian Language. 2002. Vol. 1: Denotative Words (Pronouns). Nominative words: nouns (All Living Things. Earth. Space). (In Russian)
- Sivova T.V. *The Relationship Between Color, Light, and Chronotope in the Language of K. Paustovsky's Works*: Abstract of PhD Dissertation. Minsk, 2018. 32 p. (In Russian)
- Sivova T.V. *How to Describe the Color of Reeds: a Polydiscursive Study*. In: *Cognitive Studies of Language*. 2024. Vol. 2, N 2 (58). Pp. 211–214. (In Russian)
- Sivova T.V. *Coloristic Representation of Cereals in Texts of Various Discourses: the Color of Wheat*. In: *Neophilology*. 2025. Vol. 11, N 3. Pp. 599–610. (In Russian)
- Dictionary of Everyday Interpretations of Russian Words. Lexicon of Nature*: in 2 vol. Kemerovo: Kemerovo State University, 2012. Vol. 1: A–M / ed. by N.D. Golev. 536 p. (In Russian)
- Filatova E.M. *Ideographic Representation of Russian Stable Comparisons Characterizing Objects in the Academic Vocabulary for Foreigners*. In: *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*. 2019. N 2 (135). – Pp. 126–131. (In Russian)
- Kharchenko V.K. *Dictionary of Color: Full Version*. Belgorod: BelSU Publishing House, National Research University “BelSU”, 2021. 656 p. (In Russian)
- Color and Color Names in Russian* / ed. by A.P. Vasilevich. Moscow: KomKniga, 2005. 216 p. (In Russian)
- N-corpus. National Corpus of the Belarusian Language.* – URL: <https://bnkorporus.info/> (accessed: 14.07.2024). (In Belarusian)
- Shved I.A. *Showed up in Bloody Tears. The Image of a Rowan in Belarusian Folklore*. In: *Native word*. 2005. N 2. Pp. 99–102. (In Belarusian)

Имеева-Кысылбаикова М.И.¹

КОМПОЗИТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКОГО МНОГОЯЗЫЧИЯ²

Аннотация. На материале полевых исследований в Среднеколымском районе Республики Саха (Якутия) анализируется взаимосвязь языковой ситуации и формирования композитной идентичности. Выявлена многоуровневая диглоссия (русский, якутский, эвенский), где функциональное распределение языков детерминирует актуализацию различных компонентов идентичности – этнической, региональной, профессиональной. Переключение кодов служит не только коммуникативным инструментом, но и механизмом конструирования гибридной самоидентификации в условиях языкового сдвига.

Ключевые слова: композитная идентичность; языковые практики; языковой сдвиг; диглоссия; переключение кодов; Арктика; эвенский язык; якутский язык.

Для цитирования: Имеева-Кысылбаикова М.И. Композитная идентичность и языковые практики в условиях арктического многоязычия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литературы. Серия 6. Языкознание. – 2026. – № 2. – С. 86–98. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.06

Поступила в редакцию: 23.12.2025 г.

Принята к печати: 02.02.2026 г.

¹ © Имеева-Кысылбаикова М.И., 2025

Имеева-Кысылбаикова Марина Ильинична – канд. филол. наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова; kysylbaikova@mail.ru

² *Благодарности:* статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социокультурные исследования (на основе анализа больших данных)» (Соглашение #25-78-30006 от 22.05.2025 г.)

Imeeva-Kysylbaikova M.I.*

COMPOSITE IDENTITY AND LINGUISTIC PRACTICES IN THE ARCTIC MULTILINGUALISM

Abstract. Based on field research in the Srednekolymsk District of the Republic of Sakha (Yakutia), this paper analyzes the relationship between the linguistic situation and the formation of a composite identity. A multi-level diglossia (Russian, Sakha, Even) has been identified, where the functional distribution of languages determines the actualization of various identity components – ethnic, regional, and professional. Code-switching serves not only as a communicative tool but also as a mechanism for constructing hybrid self-identification in the context of language shift.

Keywords: composite identity; linguistic practices; language shift; diglossia; code-switching; Arctic; Even language; Sakha language.

For citation: Imeeva-Kysylbaikova M.I. Composite Identity and Linguistic Practices in the Arctic Multilingualism // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series. 6. Linguistics. – 2026. – N 2. – Pp. 86–98. Moscow, 2026. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.06

Received: 23.12.2025.

Accepted: 02.02.2026.

Введение

Современные глобализационные процессы, характеризующиеся усилением доминирования мировых языков, оказывают комплексное воздействие на языковую ситуацию в полиэтнических регионах Российской Арктики. Республика Саха (Якутия) и, в частности, ее арктические районы, такие как Среднеколымский, представляют собой уникальную исследовательскую площадку для изучения механизмов языкового сдвига, формирования билингвальной и трилингвальной личности и сложных, гибридных идентичностей [Гренобль, 2021]. В условиях многоязычия язык становится не только средством общения, но и ключевым индикатором,

* Imeeva-Kysylbaikova Marina Ilyinichna – Candidate of Philology, Associate Professor., M.K. Ammosov North-Eastern Federal Univtrtsiti; kysylbaikova@mail.ru

а также инструментом конструирования социокультурной идентичности.

Цель данного исследования – проанализировать особенности композитной идентичности и связанные с ней языковые практики в условиях арктического многоязычия на примере Среднеколымского района Республики Саха (Якутия).

Современные социолингвистические исследования демонстрируют парадигмальный сдвиг от структурного понимания идентичности к процессуальному ее осмыслению как динамического конструкта, формируемого в пространстве языковых практик и социальных взаимодействий [Bucholtz, 2005; Heller, 2007]. В условиях глобализации и интенсификации языковых контактов особую актуальность приобретает изучение композитной идентичности как сложного, многоуровневого образования, возникающего на пересечении различных культурных и лингвистических кодов [Pietikäinen, 2013; Blackledge, 2004].

Концептуальные основания композитной идентичности

Теоретическое осмысление композитной идентичности восходит к работам Э. Гоффмана [Goffman, 1959] о драматургической природе социального взаимодействия, где идентичность понимается как набор «масок», актуализируемых в зависимости от контекста. Развитие этой концепции в рамках социолингвистики связано с теорией позиционирования Х. Дэвис и Р. Харре [Davies, Harre, 1990], согласно которой идентичность конструируется через дискурсивные практики.

Значительный вклад в разработку концепции внесла М. Хеллер [Heller, 2007; 2024], показавшая, что в условиях позднего модерна идентичность становится товаром, а языковые ресурсы – капиталом в символической экономике. Ее исследования в франкоязычной Канаде демонстрируют, как билингвальные практики становятся полем борьбы за символические и материальные ресурсы.

В российской традиции проблема многоязычия и идентичности разрабатывалась в работах А.В. Кирилиной [Кирилина, 2021], предложившей концепцию лингвокультурной идентичности как динамической системы. В.А. Тишков [Тишков, 2021] обосновал концепцию «историко-культурного кода» как основы российской гражданской идентичности в условиях многообразия.

Многоязычие как конституирующий фактор идентичности

Теория языкового сдвига Л. Гренобль [Grenoble, 2006; Grenoble, Whaley, 2006; Аммосов, 2025] предоставляет методологическую основу для анализа динамики идентичности в условиях языкового сдвига. Ее экологический подход позволяет рассматривать идентичность как многоуровневый феномен, формирующийся под влиянием макро- (политика), мезо- (институты) и микро- (семья) факторов.

Исследования Дж. Пужоля [Pujolar, 2007] в Каталонии показывают, как многоязычие становится ресурсом для конструирования новых форм идентичности в условиях глобализации. Его концепция «идентичностей сопротивления» раскрывает стратегии использования языковых ресурсов для противостояния доминирующим дискурсам.

Важное теоретическое значение имеет концепция «транслингвизма» О. Гарсиа [García, 2009; García, 2014], преодолевающая традиционное понимание языков как отдельных систем и акцентирующая внимание на гибридных языковых практиках как основе формирования новой идентичности.

Методологические подходы к исследованию

Критическая социоллингвистика [Heller, Pietikäinen, Pujolar, 2024] предлагает комплексную методологию изучения композитной идентичности, сочетающую:

- дискурс-анализ [Faiclough, 2003; Gee, 2014];
- лингвистическую этнографию [Copland, Creese, 2015];
- анализ языковой идеологии [Kroskrity, 2000; Woolard, 2016].

Теория коммуникативного репертуара [Rymes, 2014] позволяет анализировать, как говорящие используют разнообразные лингвистические ресурсы для конструирования идентичности в конкретных ситуациях взаимодействия.

Региональный контекст Арктики

Исследования идентичности в арктических регионах [Pietikäinen, 2021; Grenoble, 2023] демонстрируют специфику формирования композитной идентичности в условиях:

- множественной языковой принадлежности;
- столкновения традиционных и современных практик;

- давления глобализационных процессов.

Работы С. Питяйкяйнен [Pietikäinen, 2013, 2021] по саамским языкам показывают, как в условиях коммодификации культуры язык становится одновременно маркером аутентичности и ресурсом экономического развития.

Теоретический анализ позволяет концептуализировать композитную идентичность как динамический, многокомпонентный конструкт, формируемый через практики многоязычия в конкретных социально-исторических условиях. Исследование этого феномена требует интеграции подходов критической социолингвистики, лингвистической антропологии и теории языкового сдвига, что открывает перспективы для комплексного анализа идентичностных процессов в многоязычных сообществах Арктики.

Языковая ситуация: многоуровневая диглоссия как контекст идентичности

Языковая ситуация в Среднеколымском районе представляет собой сложную иерархическую модель многоязычия, характеризующуюся многоуровневой диглоссией при доминирующем функционировании трех языков.

Языковая палитра Среднеколымского района формируется под влиянием трёх основных компонентов: эвенского (тунгусо-маньчжурская группа), якутского (тюркская группа) и русского (славянская группа) языков. Сложившаяся лингвистическая конфигурация может быть охарактеризована как многоуровневая диглоссия с элементами переключения кодов [Осипов, Хабаровская, 2025].

Функциональное распределение сфер использования этих языков носит иерархический характер. Русский язык выполняет функцию языка официального делопроизводства, образования (особенно в старших классах и ссузах / вузах), федеральных СМИ и межнационального общения. Его статус как языка «высокой» престижности и социальных лифтов не вызывает сомнений. Якутский язык выступает в роли лингва франка, языка повседневного внутригруппового общения для значительной части населения, включая эвенов. Он доминирует в неформальной бытовой сфере, местных СМИ и культуре. Эвенский язык находится в наиболее уязвимом положении, выполняя, главным образом, функцию маркера этнической идентичности и бытуя в сфере семейного обще-

ния (в основном среди старшего поколения) и традиционных видов хозяйственной деятельности, таких как оленеводство.

Такая диглоссическая ситуация является индикатором глубоких социокультурных трансформаций: с одной стороны, давление глобализации через русский язык, с другой – внутренняя ассимиляция под влиянием якутского языка, что ставит под угрозу сохранение эвенского языкового наследия.

Билингвальная / трилингвальная личность и композитная идентичность

В контексте данного исследования под билингвальной личностью понимается индивид, способный к более или менее регулярному переключению с одного языкового кода на другой в зависимости от ситуации общения и обладающий специфической «картиной мира», интегрирующей элементы двух или более культур [Верещагин, 1969; Хауген, 1972]. Для северных регионов характерно формирование субтрактивного билингвизма, когда усвоение второго (якутского) и третьего (русского) языка часто происходит в ущерб родному (эвенскому).

Билингвальная личность в Среднеколымском районе – это носитель композитной идентичности, включающей несколько взаимосвязанных компонентов: 1) этническая компонента (осознание своей принадлежности к эвенскому или якутскому народу); 2) региональная компонента («я – северянин», «я – колымчанин»); 3) профессиональная компонента (связь с оленеводством, охотой, рыболовством); 4) общегражданская компонента (российская идентичность).

Язык является ключевым инструментом, который активирует ту или иную компоненту идентичности в конкретный момент коммуникации. Композитная (составная) идентичность жителей Среднеколымского района представляет собой сложный, многоуровневый конструкт, формирующийся под влиянием уникального сочетания языковой ситуации, культурных традиций и социально-экономических условий Арктического региона.

Механизм актуализации компонентов через язык

Композитная идентичность не является статичной; ее различные грани актуализируются в зависимости от контекста, и ключевым инструментом этого переключения служит язык.

Сценарий 1. Домашний разговор о предстоящей поездке в тундру к родственникам-оленеводам.

- Активируются компоненты: профессиональная, этническая (эвенская), региональная.

- Языковая реализация: разговор будет вестись преимущественно на якутском языке (как лингва франка), но будет насыщен эвенской лексикой, связанной с оленеводством, снаряжением и природой. Эмоциональная окраска речи будет высокой.

Сценарий 2. Официальное собеседование или обращение в государственное учреждение.

- Активируются компоненты: общегражданская.

- Языковая реализация: коммуникация переключится на русский язык. Описания будут более формальными, сухими. Человек будет представлять себя прежде всего как гражданина России.

Сценарий 3. Общение со сверстниками в районном центре. Активируются компоненты: региональная, отчасти этническая. Языковая реализация: будет использоваться якутский язык с активными вкраплениями русских слов и молодежного сленга. Это гибридное пространство, где формируется общая для молодежи района «колымская» идентичность.

Анализ речевых практик как отражение идентичности

Полевые исследования, включающие лингвистические биографии, описание картинок и нарративные задачи [Grenoble, 2023; Complexity and simplification in language shift, 2021], позволили выявить конкретные маркеры взаимосвязи языковых практик и идентичности.

1. Переключение кодов как инструмент актуализации идентичности. В речи информантов наблюдается четкое ситуативное переключение: при обсуждении бытовых тем доминирует якутский язык; при обращении к теме оленеводства или в разговоре со старшими родственниками в речь вкрапляются лексемы и целые фразы на эвенском языке. Например, рассказывая о разделке оленя, информант использует якутский синтаксис, но насыщает речь эвенскими терминами (*ингэкэн* – «лопатка», *хэвэн* – «бедро»). Это указывает на сохранение эвенского языка как профессионального и культурного кода, актуализирующего соответствующую компоненту идентичности.

2. Интерференция и гибридизация языкового сознания. В речи билингов частотны случаи интерференции, например, исполь-

зование русских заимствований с якутской грамматикой (*улицанан* – «по улице», *машинанан* – «на машине») или калькирование синтаксических конструкций (SVO вместо характерного для якутского SOV: *Уол оҕо быраҕар эдэр уолга мээччиги* («Мальчик бросает парню мяч») вместо *Уол оҕо эдэр уолга мээччиги быраҕар* («Мальчик парню мяч бросает»); *Эр киһи балыгы тутар куоҕу* («Мужчина рыбу ловит удочка») вместо *Эр киһи куоҕунэн балыгы тутар* («Мужчина ловит рыбу удочкой»). Это свидетельствует о глубоком внедрении русского языка в языковое сознание и адаптации его под структуру титульного языка, что отражает гибридный характер языковой компетенции и, как следствие, идентичности.

3. Язык как индикатор эмоциональной и культурной привязанности. В интервью с респондентами по лингвистической биографии заметна ярко выраженная эмоциональная окраска при переходе на родной (эвенский или якутский) язык. Рассказы о детстве, природе, песни и фольклорные вставки почти всегда звучат на этих языках. Это подтверждает тезис о том, что эмоционально-оценочная сфера теснее всего связана с языком этнической принадлежности, в то время как русский язык часто используется для формальных или отстраненных описаний.

4. Стратегии самоидентификации и языковой конфликт. На прямой вопрос о родном языке многие информанты-эвены дают неоднозначные ответы: «Родной – эвенский, но лучше говорю на якутском». Это прямое свидетельство внутреннего конфликта билингвальной личности, вызванного субтрактивным билингвизмом [Grenoble, 2006]. Язык перестает быть однозначным индикатором этничности, уступая место более сложным, гибридным формам самоопределения, где этническое самосознание может сохраняться даже при утрате языка.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что языковая ситуация в Среднеколымском районе, характеризующаяся многоуровневой диглоссией, является репрезентативной моделью воздействия глобализационных и ассимиляционных процессов на малые языковые сообщества. Сформировавшаяся здесь билингвальная и трилингвальная личность представляет собой носителя композитной идентичности, чье языковое поведение и самоощущение напрямую зависят от коммуникативной ситуации.

Переключение кодов служит не только практическим целям, но и является мощным инструментом актуализации различных граней идентичности: этнической, профессиональной, региональной. Несмотря на функциональное доминирование якутского и русского языков, эвенский язык сохраняет свою роль важнейшего маркера этнокультурной идентичности и сакрального компонента традиционного знания, даже в условиях его коммуникативного угасания.

В условиях глобализации язык продолжает оставаться ключевым индикатором социокультурной и национальной идентичности, однако сама эта идентичность приобретает все более сложный, гибридный и ситуативно обусловленный характер. Это требует от исследователей применения комплексных методов, интегрирующих критическую социолингвистику [Heller, Pietikäinen, Pujolar, 2024] и теорию языкового сдвига [Grenoble, 2006], для адекватного анализа взаимосвязи языковых практик и процессов идентификации в полиэтничных сообществах Арктики.

Список литературы

- Аммосов Д.А., Эфендиев Я., Гренобль Л. Моделирование языкового сдвига на основе идентичности // Арктика XXI век – 2025. – № 1. – С. 6–18.
- Верецагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – Москва : МГУ, 1969. – 160 с.
- Гренобль Л. Социолингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей // Социолингвистика. – 2021. – № 2 (6). – С. 9–35.
- Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 15. – С. 18–37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-v-aspekte-lingvistiki> (дата обращения: 07.11.2025).
- Осипов Б.Я., Хабаровская А.Н. Языковая ситуация в селе Сасыр Момского района и селе Берёзовка Среднеколымского района Республики Саха (Якутия) // Социолингвистика. – 2025. – № 1 (21). – С. 118–143.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. – Москва : Наука, 2021. – 544 с. – URL: [Tishkov_Rekviev_po_etnosu_Issledovaniya_po_soczialno_kulturnoj_antropologii_bacd168346.pdf](https://www.researchgate.net/publication/277031976_Tishkov_Rekviev_po_etnosu_Issledovaniya_po_soczialno_kulturnoj_antropologii_bacd168346.pdf) (дата обращения: 07.11.2025).
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 61–80.
- Blackledge A., Pavlenko A. Negotiation of Identities in Multilingual Contexts. – Clevedon : Multilingual Matters, 2004. – 349 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/277031976_Negotiation_Of_Identities_In_Multilingual_Contexts (дата обращения: 18.10.2025).
- Bucholtz M., Hall K. Identity and Interaction // Sociocultural Linguistics. – 2005. – N 51. – P. 585–614.

- Complexity and Simplification in Language Shift* / Kantarovich J., Grenoble L.A., Vinokurova A.A., Nesterova E.V. // *Frontiers in Communication, Special Issue on Motivations for Research on Linguistic Complexity: Methodology, Theory and Ideology* / ed. by von Prince K., Kilarski M. – 2021. – Vol. 6. – URL: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.638118>
- Copland F., Creese A.* *Linguistic Ethnography*. – London : Sage Publications, 2015. – 280 p.
- Davies B., Harré R.* *Positioning: The Discursive Production of Selves* // *Journal For the Theory of Social Behaviour*. – 1990. – N 20. – P. 43–63.
- Fairclough N.* *Analysing Discourse*. – London : Routledge, 2003. – 270 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/31763834_Analysing_Discourse_Textual_Analysis_for_Social_Research_N_Fairclough (дата обращения: 28.10.2025).
- García O.* *Bilingual Education in the 21st Century*. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2009. – 481 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/260162653_Bilingual_education_in_the_21st_century_A_global_perspective_by_Ofelia_Garcia (дата обращения: 28.10.2025).
- García O., Wei L.* *Translanguaging*. – New York : Palgrave, 2014. – 165 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/326227505_Translanguaging_Language_Bilingualism_and_Education_by_Ofelia_Garcia_and_Li_Wei (дата обращения: 25.10.2025).
- Gee J.P.* *An Introduction to Discourse Analysis*. – London : Routledge, 2014. – 248 p. – URL: <https://archive.org/details/introductiontodi0000geej> (дата обращения: 05.11.2025).
- Goffman E.* *The Presentation of Self in Everyday Life*. – New York : Anchor, 1959. – 272 p. – URL: https://archive.org/details/presentationofse00goff_0 (дата обращения: 22.10.2025).
- Grenoble L.A.* *Saving Languages*. – New York : Cambridge University Press, 2006. – 231 p. – URL: *Saving languages : An Introduction to Language Revitalization : Grenoble, Lenore A : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive* (дата обращения: 28.10.2025).
- Grenoble L.A., Osipov B.* *The Dynamics of Bilingualism in Language Shift Ecologies // Linguistic Approaches to Bilingualism*. – 2023. – N 13 (1). – P. 1–39. – URL: <https://doi.org/10.1075/lab.22035.gre>
- Grenoble L.A., Whaley L.J.* *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. – Cambridge : University Press, 2006. – 244 p. – URL: <https://archive.org/details/savinglanguagesi0000gren> (дата обращения: 27.10.2025).
- Heller M.* *Discourses of Endangerment: Interest and Ideology in the Defense of Languages: (Advances in Sociolinguistics)*. – London : Continuum, 2007. – 304 p. – URL: https://openlibrary.org/works/OL18564826W/Discourses_of_endangerment?edition=key%3A/books/OL8169373M (дата обращения: 30.10.2025).
- Helle, M., Pietikäinen S., Pujolar J.* *Critical Sociolinguistic Research Methods: Studying Language Issues That Matter*. – New York : Routledge, 2024. – 208 p. – URL: https://openlibrary.org/books/OL51115317M/Critical_Sociolinguistic_Research_Methods (дата обращения: 27.10.2025).
- Kroskrity P.V.* *Regimes of Language*. – Santa Fe : SAR Press, 2000. – 411 p. – URL: *Regimes of Language : Ideologies, Politics, and Identities : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive* (дата обращения: 25.10.2025).

- Pietikäinen S. Powered by Assemblage: Language for Multiplicity // *International Journal of the Sociology of Language*. – 2021. – N 267/-268. – P. 235–240. – DOI:10.1515/ijsl-2020-0074.
- Pietikäinen S., Kelly-Holmes H. *Multilingualism and the Periphery*. – Oxford : OUP, 2013. – 244 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/274381856_Multilingualism_and_the_Periphery (дата обращения: 28.10.2025).
- Pujolar J. Bilingualism and the Nation-state in the Post-national Era // *Bilingualism : A Social Approach*. – London : Palgrave Macmillan, 2007. – P. 71–95. – URL: https://scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=cKO7SIYAAAAJ&citation_for_view=cKO7SIYAAAAJ:roLk4NBRz8UC (дата обращения: 28.10.2025).
- Rymes B. *Communicative Repertoire* // *Routledge Companion to English Studies*. – London ; New York, 2014. – P. 287–301.
- Woolard K.A. *Singular and Plural*. – Oxford : OUP, 2016. – 392 p. – URL: Kathryn A. Woolard. *Singular and Plural: Ideologies of Linguistic Authority in 21st Century Catalonia*. Oxford, U.K.: Oxford University Press. 2016. 392 pp. Pb (9780190258627) £29.99, Hb (9780190258610) £74.00. | Request PDF (дата обращения: 27.10.2025).

References

- Ammosov D.A., Efendiev Ya., Grenoble L. *Modeling Language Shift Based on Identity*. In: *Arktika XXI century*. Moscow. 2025. N 1. Pp. 6–18. (In Russian)
- Vereshchagin E. M. *Psychological and Methodological Characteristics of Bilingualism*. Moscow: MGU, 1969. 160 p. (In Russian)
- Grenoble L. *Sociolinguistics and Language Shift: Understanding Shift Processes Through the Perspective of Speakers*. In: *Sociolinguistics*. 2021. N 2 (6). Pp. 9–35. (In Russian)
- Kirilina A.V., Gritsenko E.S., Laletina A.O. *Linguistic Aspects of Globalization*. In: *Journal of Psycholinguistics*. 2012. N 15. Pp. 18–37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-v-aspekte-lingvistiki> (accessed: 07.11.2025). (In Russian)
- Osipov B.Ya., Khabarovskaya A.N. *The Language Situation in the Village of Sasyr of the Momsky District and the Village of Beryozovka of the Srednekolymsky District of the Republic of Sakha (Yakutia)*. In: *Sociolinguistics*. 2025. N 1 (21). Pp. 118–143. (In Russian)
- Tishkov V.A. *Requiem for an Ethnos*. Moscow: Nauka, 2021. 544 p. – URL: [Tishkov_Requiem_po_etnosu_Issledovaniya_po_soczialno_kulturnoj_antropologii_6acd168346.pdf](https://www.researchgate.net/publication/358168346_Requiem_for_an_Ethnos) (accessed: 07.11.2025). (In Russian)
- Khaugen E. *Language Contact*. In: *New in Linguistics*. Issue. 6: Language Contacts. Moscow: Progress, 1972. Pp. 61–80. (In Russian)
- Blackledge A., Pavlenko A. *Negotiation of Identities in Multilingual Contexts*. – Clevedon: Multilingual Matters, 2004. 349 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/277031976_Negotiation_Of_Identities_In_Multilingual_Contexts (accessed: 18.10.2025).
- Bucholtz M., Hall K. *Identity and Interaction*. In: *Sociocultural Linguistics*. 2005. N 51. Pp. 585–614.

- Complexity and Simplification in Language Shift* / Kantarovich J., Grenoble L.A., Vinokurova A.A., Nesterova E.V. In: *Frontiers in Communication, Special Issue on Motivations for Research on Linguistic Complexity: Methodology, Theory and Ideology* / edited by von Prince K. a. Kilarski M. 2021. Vol. 6. – URL: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.638118>
- Copland F., Creese A. *Linguistic Ethnography*. London: Sage Publications, 2015. – 280 p.
- Davies B., Harré R. *Positioning: The Discursive Production of Selves*. In: *Journal for the Theory of Social Behavior*. 1990. N 20. Pp. 43–63.
- Fairclough N. *Analyzing Discourse*. London: Routledge, 2003. 270 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/31763834_Analysing_Discourse_Textual_Analysis_for_Social_Research_N_Fairclough (accessed: 28.10.2025).
- García O. *Bilingual Education in the 21st Century*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 481 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/260162653_Bilingual_education_in_the_21st_century_A_global_perspective_by_Ofelia_Garcia (accessed: 28.10.2025).
- García O., Wei L. *Translanguaging*. New York: Palgrave, 2014. 165 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/326227505_Translanguaging_Language_Bilingualism_and_Education_by_Ofelia_Garcia_and_Li_Wei (accessed: 25.10.2025).
- Gee J.P. *An Introduction to Discourse Analysis*. London.: Routledge, 2014. 248 p. – URL: <https://archive.org/details/introductiontodi0000geej> (accessed: 05.11.2025).
- Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor, 1959. 272 p. – URL: https://archive.org/details/presentationofse00goff_0 (accessed: 22.10.2025).
- Grenoble L.A. *Saving Languages*. New York: Cambridge University Press, 2006. 231 p. – URL: [Saving Languages : An Introduction to Language Revitalization : Grenoble, Lenore A : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive](https://www.archive.org/details/savinglanguagesi0000gren) (accessed: 28.10.2025).
- Grenoble L.A., Osipov B. *The Dynamics of Bilingualism in Language Shift Ecologies*. In: *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2023.13 (1). Pp. 1–39. – URL: <https://doi.org/10.1075/lab.22035.gr>
- Grenoble L.A., Whaley L.J. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: University Press,. 2006. 244 p. – URL: <https://archive.org/details/savinglanguagesi0000gren> (accessed: 27.10.2025).
- Heller M. *Discourses of Endangerment. Interest and Ideology in the Defense of Languages: (Advances in Sociolinguistics)*. London: Continuum, 2007. 304 p. – URL: https://openlibrary.org/works/OL18564826W/Discourses_of_endangerment?edition=key%3A/books/OL8169373M (accessed: 30.10.2025).
- Heller, M., Pietikäinen, S., Pujolar, J. *Critical Sociolinguistic Research Methods: Studying Language Issues That Matter*. New York: Routledge, 2024. 208 p. – URL: https://openlibrary.org/books/OL51115317M/Critical_Sociolinguistic_Research_Methods (accessed: 27.10.2025).
- Kroskrity P.V. *Regimes of Language*. Santa Fe: SAR Press, 2000. 411 p. – URL: [Regimes of Language : Ideologies, Politics, and Identities : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive](https://www.archive.org/details/regimesoflanguagei0000kros) (accessed: 25.10.2025).

- Pietikäinen S. *Powered by Assemblage: Language for Multiplicity*. In: *International Journal of the Sociology of Language*. – 2021. – N 267–268. – Pp. 235–240. – DOI:10.1515/ijsl-2020-0074.
- Pietikäinen S., Kelly-Holmes H. *Multilingualism and the Periphery*. Oxford: OUP, 2013. – 244 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/274381856_Multilingualism_and_the_Periphery (accessed: 28.10.2025).
- Pujolar J. *Bilingualism and the Nation-State in the Post-National Era*. In: *Bilingualism: A Social Approach*. 2007. Pp. 71–95. – URL: https://scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=cKO7SIYAAAAJ&citation_for_view=cKO7SIYAAAAJ:roLk4NBRz8UC (accessed: 28.10.2025).
- Rymes B. *Communicative Repertoire*. In: *Routledge Companion to English Studies*. London; New York, 2014. Pp. 287–301.
- Woolard K.A. *Singular and Plural*. Oxford: OUP, 2016. 392 p. – URL: Kathryn A. Woolard. *Singular and Plural: Ideologies of Linguistic Authority in 21st Century Catalonia*. Oxford, U.K.: Oxford University Press. 2016. 392 pp. Pb (9780190258627) £29.99, Hb (9780190258610) £74.00. | Request PDF (accessed: 27.10.2025).

УДК: 81'282

DOI: 10.31249/ling/2026.02.07

Савельева И.М.¹

**ИТАЛЬЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ: ОСОБЕННОСТИ, ДИНАМИКА
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ**

Аннотация. Статья представляет обзорное исследование итальянских диалектов с точки зрения их структурной, исторической и социолингвистической автономии. На материале фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей, а также данных официальной статистики Италии показано, что так называемые «диалекты» во многих случаях представляют собой самостоятельные итальяно-романские языки. Особое внимание уделяется динамике их функционирования и перспективам сохранения.

Ключевые слова: языковая политика Италии; диалекты Италии; итальянские диалекты; миноритарные языки; языковая стандартизация; билингвизм; бидиалектизм; языковая идентичность.

Для цитирования: Савельева И.М. Итальянские диалекты как самостоятельные романские языки: особенности, динамика и перспективы сохранения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. – 2026. – № 2. – С. 99–123. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.07

Поступила в редакцию: 12.11.2025 г.

Принята к печати: 02.02.2026 г.

¹ © Савельева И.М., 2025

Савельева Ирина Михайловна – канд. экон. наук, преподаватель РКИ СРПА Пьяченца, Италия; 89047221313@rambler.ru

Savelyeva I.M.*

**ITALIAN DIALECTS AS INDEPENDENT ROMANCE
LANGUAGES: FEATURES, DYNAMICS, AND PROSPECTS
FOR PRESERVATION**

Abstract. The article presents a review study of Italian dialects from the perspective of their structural, historical, and sociolinguistic autonomy. Drawing on phonetic, morphological, syntactic, and lexical features, as well as data from official Italian statistics, it demonstrates that the so-called “dialects” in many cases constitute independent Italo-Romance languages. Particular attention is paid to the dynamics of their use and to their prospects for preservation.

Keywords: language policy of Italy; dialects of Italy; Italian dialects; minority languages; language standardization; bilingualism; bidialectalism; linguistic identity.

For citation: Savelyeva I. Italian Dialects as Independent Romance Languages: Features, Dynamics, and Prospects for Preservation // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – № 2. – С. 99–123. DOI: 10.31249/ling/2026.02.07

Received: 12.11.2025.

Accepted: 02.02.2026.

В современной романистике все чаще высказывается мнение, что под знакомым названием «итальянские диалекты» скрывается совокупность языковых систем, обладающих устойчивыми фонологическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими особенностями, часто соизмеримыми с отличиями между признанными романскими языками [Rohlf, 2024; Ledgeway, 2009; Blasco Ferrer, 1984]. Вместе с тем в российской традиции (по А.А. Реформатскому) преобладала более «узкая» генеалогическая классификация, выделяющая только итальянский и сардинский (или сардский) [Реформатский, 2004]. Цель исследования – доказать и аргументированно показать, что ряд традиционно называемых «итальянских диалектов» обладает признаками самостоятельных итало-романских языков и что термин «диалект» в итальянской традиции часто выполняет историко-социополитическую, а не чисто лингвистическую функцию. Для достижения этой цели в

* Savelyeva Irina – Candidate of Economics, Russian as a Foreign Language Teacher at CPIA Piacenza, Italy; 89047221313@rambler.ru

работе на основе критического обзора литературы был проведен сравнительный анализ фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики выбранного набора диалектов; сопоставлены данные диахронной грамматики и современные социолингвистические исследования (включая статистику ISTAT по употреблению языков и диалектов). Важно заметить, что данное исследование является обзорным, а следовательно, методологически основано на синтезе и интерпретации уже опубликованных данных в новой интегральной рамке.

1. Исторический фон: формирование языкового ландшафта Италии.

Прежде чем переходить к описанию современных тенденций использования диалектов в Италии, важно зафиксировать терминологическую и историко-лингвистическую отправную точку. В англо-американской традиции слово «*dialect*» часто обозначает вариант стандартного языка, т.е. речь идет о внутриязыковой вариативности в рамках одного кодифицированного стандарта [De Blasi, 2019]. В итальянской романистике понятие «*dialetto*» имеет иное смысловое наполнение: под «диалектом» традиционно понимаются разновидности итальяно-романской речи, исторически сложившиеся из народной (вульгарной) латыни и развивавшиеся во многом автономно относительно флорентийского письменного стандарта; эти разновидности могут иметь собственную фонетику, морфологию, лексику и даже письменные традиции, что приближает их по статусу к отдельным романским языкам [ibid.].

Сейчас в это трудно поверить, но к моменту объединения Италии в 1861 г., по различным оценкам, лишь 2,5–10% населения владели итальянским языком, тогда как подавляющее большинство использовало местные диалектные идиомы [Lorenzetti, 2002]. Данная языковая ситуация объясняется длительной политической и культурной фрагментацией полуострова. До стандартизации национального языка (которая получила мощный импульс с утверждением флорентийского народного языка в качестве литературного эталона) на территории, позже ставшей Итальянским государством, существовали многочисленные народные языки – сицилийский, неаполитанский, венецианский, ломбардский и др. – тогда как латынь выполняла официальные функции. В результате естественной эволюции народной латыни в разных ареалах сформировались локальные романские системы, многие из которых развивались независимо друг от друга на протяжении столетий. Именно в раннем Новом времени (XVI–XVII вв.), благодаря авто-

ритету литературной традиции (Данте, Петрарка, Боккаччо и т.д.), флорентийский народный язык получил культурно-литературный престиж, а позднее – нормативный статус, что и породило современное представление о «национальном итальянском» как о кодифицированной литературной норме [Trifone, 2023]. Таким образом, «стандартный» итальянский язык развился из тосканского диалекта, а именно флорентийского говора, выбор которого в первую очередь был обусловлен престижем и успехом авторов, писавших на данном народном языке.

Уже в первые десятилетия после объединения страны происходит глубокая трансформация социальной структуры: расширяется система массового образования, усиливаются миграционные потоки в крупные городские центры, а в XX в. значительное влияние оказывает развитие средств массовой информации, прежде всего телевидения, способствовавшее широкому распространению кодифицированного стандартного итальянского языка [De Mauro, 2014]. Степень и скорость этого процесса варьировали по регионам: в одних ареалах (например, в северных городах) стандарт быстро вытеснил локальную речь из публичной сферы, в других (часть юга, острова) традиционные формы продолжали длительное время играть ведущую роль [De Blasi, 2019]. Совокупность этих факторов обусловила постепенное закрепление итальянского языка в качестве основного средства повседневной и публичной коммуникации. В результате процессы языковой стандартизации привели к снижению функционального и символического статуса местных идиом, которые стали восприниматься как региональные разновидности, при этом во многих сообществах сохранялась исходная диалектная компетенция, формируя устойчивую ситуацию бидиалектизма [Trifone, 2023]. Термин «бидиалектизм» используется в работе как авторский перевод итальянского термина «bidialettismo», принятого в современной итальянской социолингвистической литературе для обозначения репертуара, включающего как национальный язык, так и локальную диалектную разновидность и адаптированный в соответствии со словообразовательными моделям русского языка (ср. билингвизм). В итоге современный стандартный итальянский язык и диалекты представляют собой два полюса социолингвистического континуума: разновидности итальянского, используемые в повседневной речи, сосуществуют с диалектами, которые нередко демонстративно используются как символ локальной идентичности [ibid.].

Что касается современного языкового многообразия, официальные и справочные источники приводят разные оценки числа языков и говоров, представленных в Италии. По данным исследования ЮНЕСКО, в настоящее время в Италии говорят на 31 языке, включая итальянский и его различные диалекты [Stare al passo, 2024]. Важно заметить, что до настоящего времени не удалось установить точное количество итальянских диалектов, поскольку даже в рамках одного населенного пункта может быть несколько «вариантов» с достаточно сильными фонетическими и лексическими различиями. Кроме того, чтобы зафиксировать точное количество диалектов, на которых говорят в Италии, необходимо иметь четкое законодательное определение термина «диалект», которое в настоящее время отсутствует. Обратившись к энциклопедическому словарю Треккани, находим следующее определение: «Лингвистическая система, распространенная, как правило, в ограниченной географической или культурной области, которая не достигла или утратила автономию и престиж по сравнению с другими системами, с которыми она генетически образует одну группу» [Treccani, 2024].

Важно отметить, что в настоящее время Закон № 482 от 15 декабря 1999 г. «О защите исторических языковых меньшинств», подтверждая статус итальянского языка как единственного официального языка государства, одновременно предусматривает меры по охране языков и культур признанных меньшинств во исполнение статьи 6 Конституции Итальянской Республики [La Costituzione della Repubblica Italiana, 1947] и в соответствии с общеевропейскими принципами языковой политики. Указанный закон официально признает 12 исторических языковых меньшинств: албанское, каталонское, немецкое, греческое, словенское, хорватское, французское, франко-провансальское, фриульское, ладинское, окситанское и сардинское. Таким образом, большинство итальянских диалектов не обладают юридически закрепленным статусом и не подпадают под действие обязательных механизмов институциональной защиты.

Анализ исторических, структурных и социолингвистических данных позволяет обоснованно утверждать, что так называемые итальянские диалекты в большинстве случаев не являются региональными вариантами единого национального языка, а представляют собой самостоятельные романские языки. Они сформировались непосредственно из разговорной латыни в различных регионах Италии и развивались на протяжении веков в условиях политиче-

ской и культурной фрагментации полуострова, вне рамок общего языкового стандарта.

Эти языковые системы обладают собственными фонологическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими структурами, которые не сводимы к отклонениям от нормы стандартного итальянского языка. Более того, итальянский литературный язык сам является результатом кодификации одного из региональных идиомов – тосканского (флорентийского), что исключает его статус «первичного» по отношению к другим локальным романским системам.

Снижение общественного престижа и функциональной автономии диалектов в Новое и Новейшее время обусловлено не лингвистическими, а социально-политическими факторами: процессами национальной унификации, институционализацией школьного образования, распространением средств массовой информации и целенаправленной языковой политики. В этом контексте термин «диалект» отражает прежде всего иерархию престижа и сфер употребления, а не степень структурной полноценности соответствующих языковых систем.

Следовательно, с научной точки зрения итальянские диалекты целесообразно рассматривать как самостоятельные итальяно-романские языки, находящиеся в асимметричных отношениях со стандартным итальянским языком. Их современное сокращение следует интерпретировать не как «утрату диалектов», а как процесс исчезновения отдельных языков, что придает проблеме их сохранения не только культурное, но и общелингвистическое значение.

2. Основные ареалы итальяно-романского диалектного континуума.

В современной итальянской лингвистике широко используется классификация диалектов Италии на три крупные макрогруппы, основанная на совокупности исторических, географических и структурных критериев.

В частности, выделяют диалекты и языки, распространенные: в Северной Италии; в центральных и южных областях Италии; на Сардинии [Mappa delle Lingue e Gruppi Dialettali italiani, 2025].

Данная классификация отражает глубокие исторические, культурные и генетические различия внутри романского континуума на территории Италии.

**Итальянские диалекты как самостоятельные романские языки:
особенности, динамика и перспективы сохранения**

1. Северные диалекты формируют ареал, наиболее близкий к галло-романским языкам, демонстрируя общие инновации и структурные особенности. Они сильно пострадали от процесса стандартизации, но в городах сохраняются как маркер культурной идентичности.

2. Центральные и южные диалекты имеют более сложную внутреннюю дифференциацию: от тосканской зоны, ставшей базой для национального языка, до богатых и автономных южных ареалов, где диалекты служили основным средством повседневной коммуникации вплоть до XX в. В этих регионах степень сохранности диалектов выше.

3. Сардинский язык представляет собой уникальное явление: из-за своей генетической и структурной автономии он стоит особняком.

С учетом вышесказанного, а также на основе работ Де Мауро, Рольфса, а также данных статистики [ISTAT, 2017], представим основные характеристики данных макрогрупп (табл. 1).

Таблица 1

**Сводная таблица ключевых характеристик макрогрупп
итальянских диалектов**

Макро-группа	География	Основные под-группы	Языковые особенности	Социолингвистическая характеристика
Северные диалекты	Пьемонт, Ломбардия, Лигурия, Эмилия-Романья, Венеция, Фриули; зоны Альп	Говоры галло-итальянские, венецские, ладинские/ретороманские	Редукция конечных гласных, галло-романские черты, особенности консонантизма; локальные архаизмы	Быстрая итальянизация (индустриализация, города), но сильная региональная идентичность
Центральные и южные диалекты	Тоскана, Лацио (Рим), Умбрия; Кампания, Апулия, Базиликата, Калабрия, Сицилия	Тосканские, романо-римские, неаполитанские, южно-итальянские и сицилийские говоры	Наличие тосканской нормы в центре; на юге – богатая вокальная система, архаизмы; сильные локальные традиции	Итальянизация происходит медленнее, особенно в южных регионах; высокая бытовая сохранность диалектов
Сардинские говоры	Вся Сардиния (Logudorese, Campidanese и др.)	Логудорский, кампиданский, переходные	Архаические латинские структуры, фонетическая система, отличная от итало-романской	Защита как язык меньшинства (закон 482/1999); высокая культурная устойчивость

Выделение макрогрупп демонстрирует внутреннюю неоднородность языкового пространства Италии и подтверждает, что под общим названием «итальянские диалекты» скрываются различные по происхождению, структуре и степени автономии романские языковые системы, отчасти утратившие престиж под давлением стандарта, но сохраняющие высокую культурную значимость и историческую глубину.

3. Лингвистические параметры вариативности итальянских диалектов.

Для системного сравнения и оценки степени автономии тех языковых систем, которые традиционно называют «итальянскими диалектами», полезно опираться на набор хорошо различимых и в то же время взаимодополняющих уровней языка. Грамматика, лексика и фонетика – классические структурные уровни, по которым оценивают генетическую и типологическую близость языков; графика (орфографическая практика и кодификация) отражает степень нормирования и доступа к письменной традиции; наличие или отсутствие аналитических конструкций типа фразовых глаголов показывает типологические тенденции и продуктивность синтаксико-семантических моделей. Представленный ниже совокупный анализ этих пяти параметров дает аргументированную картину: от различий как диалектных особенностей до признаков полноценной языковой системы.

3.1. Грамматические различия.

Грамматика отражает глубинную организацию языковой системы и потому служит надежным критерием для оценки степени автономии идиом. Как отмечают крупнейшие исследователи – Рольфа, Ренци, Майдена и Парри, структура диалектов Италии нередко восходит непосредственно к латинскому народному языку и развивалась автономно на протяжении многих веков. В итальяно-романском ареале на территории современной Италии различия в грамматике между макрогруппами проявляются в системе времен, морфологии артикля и числа, синтаксических конструкциях (клитики, дублирование дополнений) и в способах образования основных форм глагола. Для систематизации различий между основными диалектными зонами была составлена сводная таблица, отражающая ключевые особенности грамматического строя северных, центральных, южных диалектов и сардинского языка. Представленные данные обобщают результаты исследований ведущих итальянских диалектологов [Rohlf, 2024; Ledgeway, 2009; Blasco

Ferrer, 1984; Loporcaro, 2017] и позволяют увидеть глубину структурной дифференциации внутри итало-романского ареала (табл. 1).

Таблица 2

**Некоторые грамматические особенности итальянских диалектов
в разрезе макрогрупп**

Макро группа	Грамматические особенности	Некоторые примеры	Комментарий
1	2	3	4
Северные диалекты	Доминирование ближайшего прошедшего времени (<i>passato prossimo</i>) в устной речи	Ломбардский диалект: Quand gh'era la guerra, l'ho pers mè fradèl. Стандартный итальянский (далее ст.ит.): Quando ci fu la guerra, persi mio fratello. Фактический разговорный итальянский: Quando c'è stata la guerra, ho perso mio fratello. Перевод: когда была война, я потерял брата	В стандартном литературном итальянском для исторически удалённого и завершённого события нормативным считается использование давно прошедшего времени (<i>passato remoto</i>). Однако в северных диалектах и в северном разговорном итальянском систематически используется ближайшее прошедшее время независимо от временной дистанции события [Rohlf, 1966; De Mauro, 2014; Loporcaro, 2017]
	Обязательные субъектные клитики / проклитические формы (<i>el, la</i>)	Пьемонтский: Èl travaja tut èl dì. Ст.ит.: Lavora tutto il giorno. Перевод: Он работает весь день	Субъектный клитик (<i>èl</i>) обязателен даже при наличии глагольного окончания, что сближает систему с галло-романскими языками [Loporcaro, 2017]
	Тенденция к аналитичности и редукции конечных окончаний	Эмилиано-романьольский: Mi a magn. Ст.ит.: Io mangio Перевод: я ем	Редукция флексий компенсируется аналитическими элементами

**Итальянские диалекты как самостоятельные романские языки:
особенности, динамика и перспективы сохранения**

1	2	3	4
Центральные и южные диалекты	В центре: синтаксическое удвоение согласного	Тосканский (флорентийский): A ccasa mia. Ст. Ит.: A casa mia. Перевод: у меня дома	Удвоение согласного после ударного слова – системное явление тосканского ареала (Trifone, 2023)
	усечённый инфинитив» (потеря конечного -ге)	Тосканский: Voglio anda a casa. Ст. Ит.: Voglio andare a casa. Перевод: я хочу пойти домой	Усечение инфинитива – регулярная грамматическая особенность, а не стилистическое сокращение
	На юге: устойчивое использование давно прошедшего времени (passato remoto) в разговоре	Сицилийский: Ieri ci parrai cu iddu. Ст. Ит.: Ieri ho parlato con lui. Перевод: вчера я говорил с ним	Давнопрошедшее время используется в повседневной речи, в отличие от стандартного итальянского [Rohlf, 1968]
	продуктивное дублирование именного дополнения клитическим местоимением	Неаполитанский: 'O libro 'o tengo già. Ст.ит.: Il libro ce l'ho già. Перевод: книга у меня уже есть	Дублирование именного дополнения местоимением является грамматической нормой [Loporcaro, 2017]
	специфические артикли ('o, u и т.д.)	Неаполитанский: 'O guaglione. Ст.ит.: Il ragazzo. Перевод: мальчик	Артикли отличаются по форме и происхождению от общеталланских
Сардинские говоры	Собственная артикульная система	Логудорский: Su cane. Ст. ит.: Il cane. Перевод: собака	Артикли su/sa/sos/sas восходят напрямую к лат. ipsum [Blasco Ferrer, 2010]
	Консервативная (латинская) морфология (мн. -os/-as, сохранение флексий)	Кампиданский: Is domos mannas. Ст. Ит.: Le grandi case. Перевод: большие дома	Сохранение латинских окончаний множественного числа (-os/-as)
	Специфическая система времён и синтаксис, отличные от континентальных.	Сардинский: A l'apo istadu a fai. Ст. ит.: L'ho dovuto fare. Перевод: мне пришлось это сделать	Синтаксические конструкции не совпадают с континентальным итальянским

Анализ грамматических особенностей трех макрогрупп показывает, что различия между так называемыми итальянскими

диалектами носят системный и структурный характер, затрагивая временные формы, артикли, местоименную систему и синтаксис. Совокупность этих признаков позволяет рассматривать многие итальянские «диалекты» не как региональные варианты стандартного языка, а как самостоятельные романские языки, обладающие собственной грамматикой и исторической эволюцией.

3.2. Лексические различия.

Лексика отражает исторические контакты, субстратные влияния и культурно-социальные практики. Сравнение словарного запаса показывает, какие слова являются общими для италороманской традиции, а какие – локальными инновациями или архаизмами. Различия в лексике часто наиболее очевидны: от арабизмов в сицилийском до германских слоёв на севере и кельтских следов в областях Альп.

Важно отметить, что не все слова, которые существуют в диалектах есть в «стандартном» итальянском языке. Например, в итальянских регионах Эмилия-Романья, Ломбардия и Тоскана распространены макаронные изделия с различной начинкой, которые называются *tortelli*. В пьяченцинском диалекте есть два слова, которые имеют совершенно разное значение, но на итальянский будут переводиться одинаково:

– *turtei* – «вареник» из тонкого теста с начинкой из шпината и рикотты;

– *turtlitt* – «пирожок» со сладкой начинкой, жаренный в масле.

Наличие значительной доли уникальной лексики в той или иной системе (заимствования, архаизмы, локальные семантические сдвиги) служит сильным аргументом в пользу ее автономности и особого культурного репертуара.

Чтобы оценить лексические различия в диалектах, на основе данных сайта *Dialettando* [I termini dialettali, 2025] была составлена сравнительная таблица 3 для трех слов. Выбор слов был обусловлен желанием найти эквиваленты во всех регионах, однако это не удалось реализовать и «-» означает не отсутствие слов в диалектах данных регионов, а отсутствие данных по ним.

Примеры лексических различий в итальянских диалектах

Регион / слово	Черепаха	Деньги	Мышь
Итальянский	tartaruga	Soldi	Topo
Абруццо	cishtuie	Quatren	séurge, sorge, sorighe
Базиликата	t'rtoglj, z'lona (южная Базиликата)	–	sorece, soresce
Калабрия	hjalona, Jhalona, khalona, Scuzzarra, stracozza, zilòna	pila, sordi, sordi	surice, surici, surici, surici, surici, surici
Кампания	cestunia, cestunia	bbanne/ bbane	sócĕ, solece, sucittĕ
Корсика	–	Dinaru	toponimo, topu, topicchju, tupunimia
Эмилия-Романья	bĕssa galĕna, bessa- galĕna, bisascüdlĕra, bissa scudlĕra, tartarüga	baiuchin, dinĕ, ghĕla, sod	rat, surĕg
Фриули-Венеция- Джулия	–	bori, schei	sorzo, suris
Лацио	–	böcchi, bocchi, suólde	sorca, sorg (Ceprano)
Лигурия	–	–	pantegann-a, rattu
Ломбардия	–	arzan, bèsi, bèsi, caurin, danĕ (Lodi), dne', fĕnach, franch, pila, schei, soc'	hórga, morigieu, morigieu (Como), Pantegana, passa- mur, ratt, surghin
Марке	galana	sordi, sordarelli	penticanà, ponde- cana (Macerata)
Молизе	–	–	Surcitt
Пьемонт	bissa copera	Sot	giari, Mòja, rat
Апулия	cilona	sordi, terrĕse, turnisi	sòrece, sórgĕ, surge, zocchĕlĕ, zucculoni
Сардиния	tostoinu	dinare, dinari	merдона, soriche, sorighe
Сицилия	tartuca 'i mari	Flosi	suggi, surci, sùrici
Трентино-Альто- Адидже	–	–	sorz, zorz
Тоскана	bezzuga, bodda cocciara, tartuca	atrini, dindi, lilleri, noccooli, vaini, vaini	–
Умбрия	–	–	Sorce
Валле-д'Аоста	–	–	Rat
Венето	bissa scuela, bissascuĕla, galena	bĕssi, Schei	morĕciola, moreia, sorse

Таблица 3 демонстрирует лексические различия итальянских диалектов, в том числе и в рамках одного региона.

3.3. Фонетические различия.

Фонетические системы позволяют проследить генетические и ареальные связи. Итальянские диалекты отличаются друг от друга и от стандартного итальянского языка, среди прочего, наличием особых звуков и фонетических явлений, которые отсутствуют в общенациональной норме. В литературе часто приводится пример Тосканы (особенно Флоренции), где характерно так называемое «gorgia toscana» – придыхание согласных, прежде всего /k/, который начинает звучать близко к русскому /x/, однако существует множество других характерных фонетических особенностей.

Таблица 4

Некоторые фонетические особенности итальянских диалектов

Диалект	Характерные звуки и особенности	Примеры	Отличие от стандартного итальянского
Тосканский	Придыхание /k/, /p/, /t/; усечение инфинитивов	<i>La Coca Cola... → La Hoha Hoha; andare → anda</i>	В стандартном итальянском нет придыхания согласных
Неаполитанский	удвоение произнесения согласных	<i>casa → cása; tutti → ttùtt bello → bbéllò</i>	Итальянский не допускает такой степени удвоения согласных
Римский	Потеря /l/ в начале слога; переход <i>gli</i> → <i>ji</i> ; удлинение гласных	<i>gli</i> → <i>ji</i> ; <i>Aho, 'ndo vai?</i>	В стандартном «gli» произносится как [li], а не [ji]
Венетский	Звук l̥ (тёмная L); двойное отрицание	<i>Lago, no go visto gnente</i>	В итальянском нет l̥ и двойное отрицание считается ошибкой
Сицилийский	Замена ll → dd; сокращение гласных	<i>bella</i> → <i>bedda</i> ;	Итальянское удвоенное ll не становится dd
Сардинский	Очень архаичная фонетика, близкая к латыни	<i>bonu, domo</i>	Значительно ближе к латинскому, чем любой другой диалект Италии
Пьемонтский	Произношение /v/ как [ʋ]; падение гласных	<i>vorrei</i> → <i>voré</i>	Нет в итальянском лабиодно-зубного [ʋ]
Эмилиано-романьольский	Носовые гласные; сокращение конечных слогов	<i>pan</i> → <i>pã</i>	В итальянском нет носовых гласных
Лигурийский	Щелевое «г» ([ɣ]); редукция	<i>r</i> произносится как во французском	Резкое отличие, так как итальянская <i>r</i> – апи-кальная

Фонетические особенности – результат длительного исторического развития, влияний латинского, германских, греческих и других языков, а также географической изоляции отдельных регионов. Каждый диалект обладает собственной системой звуков, которые могут значительно отличаться от стандартного итальянского. Стабильные и системные фонетические различия, особенно если они касаются базового инвентаря фонем, существенно отдалают системы друг от друга и дают основание говорить о различных фонологических системах, т.е. о языковой самостоятельности, а не «искаженных» разновидностях итальянского языка.

3.4. Графические различия.

Как было установлено выше, многие итальянские диалекты отличаются наличием особых фонетических единиц, которые не встречаются в стандартном итальянском языке, что требует применения специальных графических обозначений для их передачи. Рассмотрим данное явление на примере пьяцентинского диалекта («*piacentino*» на итальянском или «*piäsintëin*» на диалекте). В орфографии диалекта используются диакритические знаки – прежде всего умлаут (¨) и циркумфлекс (ˆ), которые помогают передать:

- огублённые гласные (ö, ü);
- открытые и закрытые варианты гласных (ä, ë);
- долготу или напряженность звучания (ê, ô).

Эти графические формы отражают богатую вокалическую систему пьяцентинского диалекта.

Примеры:

– *Baiä* – передает звук [ä], напоминающий открытую *a*, близкую к немецкому *ä*.

– *Bërlëina* – *ë* и *ê* указывают на различие качества гласных, где *ë* – редуцированная или закрытая гласная, а *ê* – удлинённая или напряжённая.

– *Batarö* – *ö* передает огубленную переднюю гласную, аналог немецкого *ö*.

– *Bügà* – *ü* аналогично передает переднюю огублённую гласную [y], отсутствующую в итальянском.

Таким образом, фонетико-графическая система пьяцентинского диалекта значительно сложнее, чем у стандартного итальянского, и демонстрирует связь с галло-итальянским типом романских языков, а также – вероятно – влияние соседних ломбардских и эмильянских говоров. Наличие собственной орфографии и лексикографических материалов подкрепляет статус системы как са-

мостоятельной – не просто устной вариативности, а языка с письменными носителями и традицией фиксации.

3.5 Аналитические конструкции: фразовые глаголы как типологический маркер.

Ещё одной из характерных черт североитальянских диалектов, включая пьячентинский, является активное использование конструкций, структурно подобных английским фразовым глаголам – сочетаний глагола с наречием или предлогом, которые образуют новое, идиоматическое значение. Такие образования встречаются значительно чаще, чем в стандартном итальянском, где аналогичные функции выполняют простые глагольные корни [Lorougano, 2017].

Например, в пьячентинском *catâr sù* означает «поднять, собрать», в то время как *catâr* само по себе имеет значение «найти». Конструкция *tra indré* (дословно «тянуть назад») употребляется в значении «тошнить, вырвать», тогда как *tra* отдельно значит «тянуть». Аналогичным образом *lavà zù* используется в значении «мыть посуду», хотя глагол *lavà* сам по себе означает просто «мыть». Эти примеры демонстрируют тенденцию к аналитическому выражению новых глагольных значений, что роднит североитальянские диалекты с германскими языками и подчёркивает их структурную автономию от стандарта.

В случае, когда в системе фразовые глаголы продуктивны и формируют множество устойчивых лексико-синтаксических единиц (как в ряде североитальянских говоров), это указывает на ее типологическую отличность от стандартного итальянского и подтверждает структурную автономию.

Пьячентинский диалект – яркий пример: он показывает и фонетическую специфику (ï, ö, ä в орфографических фиксациях), и продуктивную синтаксико-морфологическую систему (фразовые глаголы), и долгую лексикографическую традицию [Foresti, 2012], что подкрепляет общее утверждение о языковой автономии ряда систем.

Комплексный анализ пяти выделенных параметров – лексического, фонетического, графического, наличия фразовых глаголов и грамматического – даёт многогранную, согласованную картину языковой дифференциации на территории Италии. Каждый из уровней по-отдельности может свидетельствовать о различиях; их совокупность, особенно при наличии кодификации и литературной традиции, надёжно указывает на то, что многие из так называемых «диалектов» представляют собой автономные итальяно-

**Итальянские диалекты как самостоятельные романские языки:
особенности, динамика и перспективы сохранения**

романские языки. Это имеет важные следствия для классификации, документирования и политики в области сохранения языкового наследия.

4. Актуальное состояние, динамика и перспективы сохранения итальянских диалектов.

Исследование современного статуса и динамики использования локальных итальяно-романских систем имеет прикладное и теоретическое значение одновременно: с одной стороны, оно позволяет оценить масштабы языковой смены и факторы языковой утраты; с другой – служит основой для выработки адекватной языковой политики и программ по документированию и ревитализации.

Для оценки современного положения диалектов в Италии целесообразно обратиться к динамике их использования в различных коммуникативных контекстах – в семейной среде, в общении с друзьями и при взаимодействии с незнакомыми людьми. Согласно данным Национального института статистики Италии (ISTAT), распределение языковых практик в указанных сферах в 1987/88, 1995, 2000, 2006 и 2015 гг. демонстрирует существенные изменения, при этом более поздние официальные статистические данные отсутствуют.

Таблица 5

Лица в возрасте 6 лет и старше по языку, обычно используемому в различных коммуникативных контекстах. 1987/88, 1995, 2000, 2006 и 2015 гг. (на 100 человек в возрасте 6 лет и старше) [ISTAT, 2017]

Кон- текст	В семье				С друзьями				С незнакомцами			
	Только или преимущественно итальянский	Только или преимущественно диалект	И итальянский, и диалект	Другой язык	Только или преимущественно итальянский	Только или преимущественно диалект	И итальянский, и диалект	Другой язык	Только или преимущественно итальянский	Только или преимущественно диалект	И итальянский, и диалект	Другой язык
1987/88	41,5	32,0	24,9	0,6	44,6	26,6	27,1	0,5	64,1	13,9	20,3	0,4
1995	44,4	23,8	28,3	1,5	47,1	16,7	32,1	1,2	71,4	6,9	18,5	0,8
2000	44,1	19,1	32,9	3,0	48,0	16,0	32,7	2,4	72,7	6,8	18,6	0,8
2006	45,5	16,0	32,5	5,1	48,9	13,2	32,8	3,9	72,8	5,4	19,0	1,5
2015	45,9	14,1	32,2	6,9	49,6	12,1	32,1	5,1	79,5	4,2	12,9	2,2

Представленные в таблице данные отражают эволюцию языковых практик итальянского населения в различных коммуникативных ситуациях на протяжении почти трёх десятилетий. Соответствующая динамика использования диалектов в Италии в период с 1987 по 2015 г. представлена на рисунке 2.

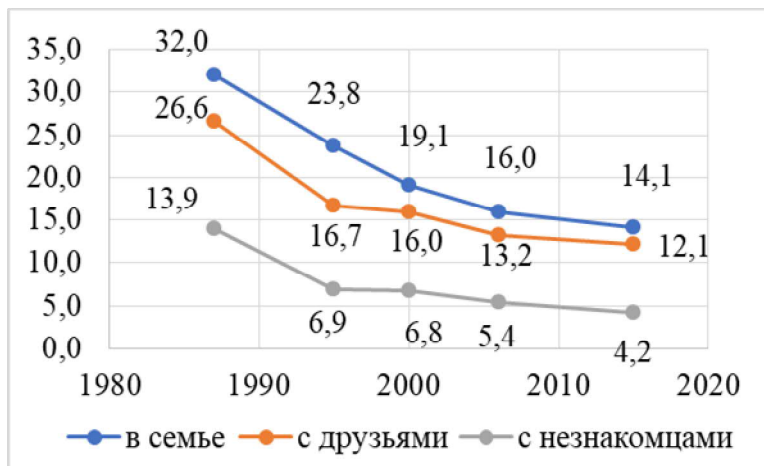

Рис. 2. Динамика использования диалекта в различных контекстах с 1987 по 2015 г. в Италии, %

Использование диалектов заметно снизилось во всех контекстах взаимодействия:

- в семейной среде: с 32,0% в 1987 г. до 14,1% в 2015 г.;
- с друзьями: с 26,6% до 12,1%;
- с незнакомцами – с 13,9% до 4,2%.

Таким образом, наблюдается почти двукратное сокращение использования диалектов во всех сферах жизни итальянцев за три десятилетия.

При этом уровень бидиалектизма (одновременного использования итальянского и диалекта) демонстрирует относительную стабильность в неформальных коммуникативных сферах и удерживается на уровне около 32% в семейном и дружеском общении. В то же время в ситуациях взаимодействия с незнакомыми лицами доля бидиалектизма существенно сокращается, снижаясь с 20,3% до 12,9%.

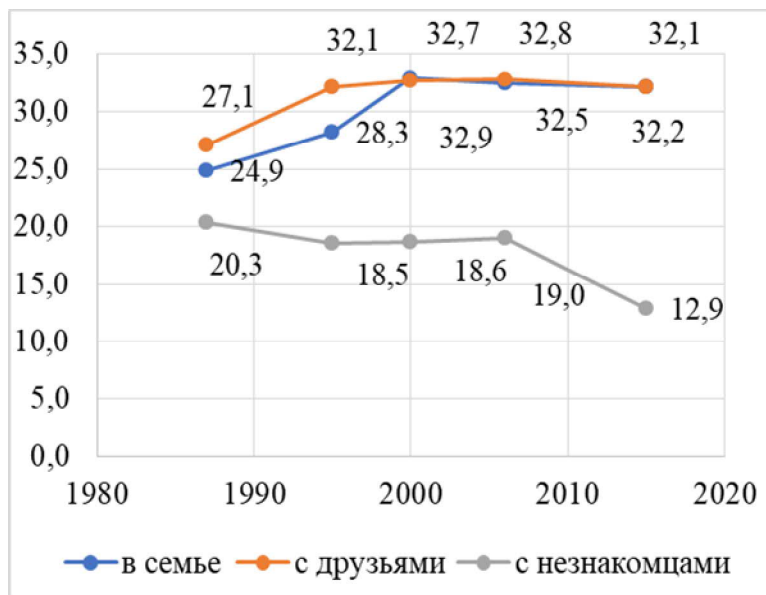

Рис. 3. Динамика одновременного использования итальянского и диалекта (бидиалектизма) в различных контекстах с 1987 по 2015 г. в Италии, %

Вышесказанное свидетельствует о постепенном смещении от функционального двуязычия к доминированию итальянского.

Итальянский язык постепенно укрепил свои позиции во всех сферах общения:

- в семье его преимущественно используют 45,9% (против 41,5% в 1987 г.);
- в общении с друзьями – 49,6% (против 44,6% в 1987 г.);
- с незнакомыми людьми – 79,5%, что отражает высокий уровень официальности и стандартизации языка.

Интересно отметить, что в Италии значительно выросло использование иностранных языков (в основном – языков иммигрантов):

- в семье – с 0,6% до 6,9%;
- с друзьями – с 0,5% до 5,1%;
- с незнакомыми – с 0,4% до 2,2%.

Такой значительный рост (почти в 10 раз) во всех сферах общения напрямую связан с увеличением миграционных потоков в Италию после 1990-х годов.

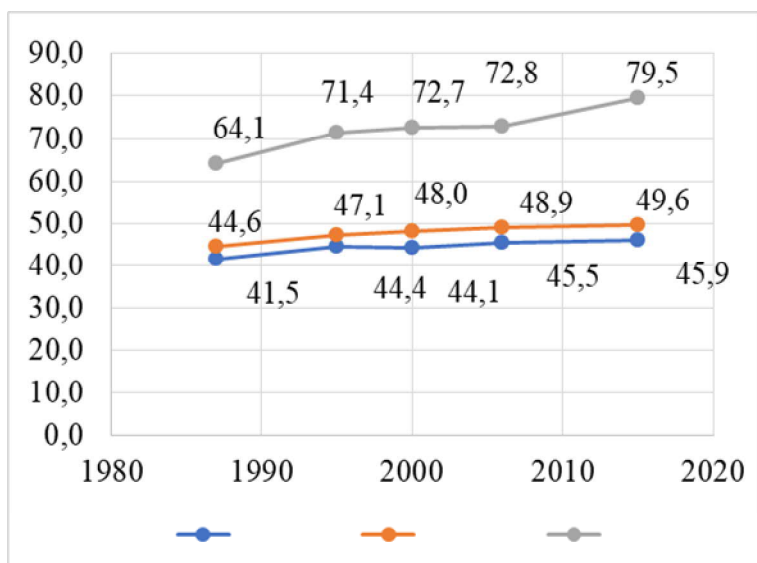

Рис. 4. Динамика использования итальянского языка в различных контекстах с 1987 по 2015 г. в Италии, %

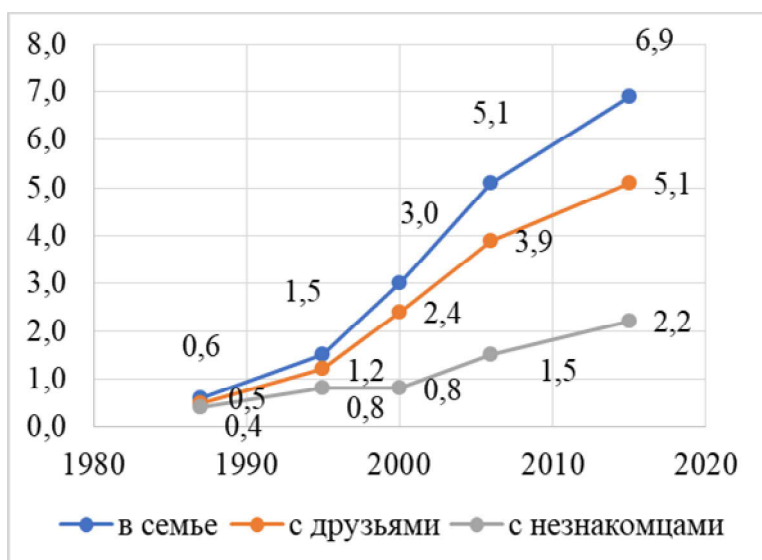

Рис. 5. Динамика иностранных языков в различных контекстах с 1987 по 2015 г. в Италии, %

Известно, что для того, чтобы сохранить жизнеспособность языка, необходимо, чтобы на нем говорило молодое поколение. На рисунке 6 представлено использование диалектов в семейной среде в зависимости от возрастных групп.

Рис. 6. Лица в возрасте шести лет и старше, для которых итальянский является родным языком, сгруппированные по языку, обычно используемому в семье, в зависимости от возрастной группы в 2006 и в 2015 гг. (на 100 человек того же пола и возрастной группы) в Италии, % [ISTAT, 2017]

Если рассматривать только население с родным итальянским языком, то с 2006 по 2015 г. использование диалекта (преимущественное или исключительное) в семье уменьшилось во всех возрастных группах, особенно после 45 лет. Такая динамика объясняется сменой поколений и повышением уровня образования среди молодых поколений, что отражается и на языковых привычках семей. Использование диалекта во многом зависит от семейных привычек: если оба родителя обычно говорят на диалекте (исключительно или чередуя его с итальянским), то дети и молодежь в возрасте от 6 до 24 лет склонны делать то же самое, воспроизводят ту же модель языкового поведения. При этом лишь около 20% представителей данной возрастной группы в подобных условиях отдают предпочтение преимущественному использованию итальянского языка [ISTAT, 2017].

Возрастные различия менее заметны в трудовой среде, где независимо от возраста преобладает использование итальянского языка. Исключительное использование диалекта на рабочем месте, хотя и встречается реже, остается особенностью пожилых работ-

ников: от 2,3% среди работников 25–34 лет до 7,2% среди тех, кому 65 лет и более (см. рис. 7).

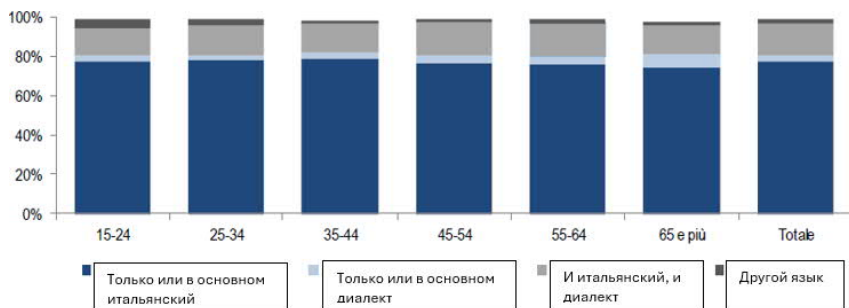

Рис. 7. Лица в возрасте 15 лет и старше, занятые в трудовой деятельности, сгруппированные по языку, обычно используемому на рабочем месте, в зависимости от возрастной группы в 2015 г. в Италии, % [ISTAT, 2017]

Согласно данным ISTAT выбор языка тесно связан с уровнем образования. Среди людей старше 25 лет преимущественное использование диалекта дома и с друзьями характерно прежде всего для тех, кто имеет низкий уровень образования. Так, 24,8% лиц со средним образованием (или ниже) почти исключительно говорят на диалекте дома и 33,7% – с друзьями, по сравнению с 3,1% и 2,7% соответственно среди лиц с высшим образованием [ISTAT, 2017].

Анализ современной языковой ситуации в Италии выявляет устойчивую тенденцию к сокращению сфер использования диалектов и одновременному усилению роли стандартного итальянского языка. Несмотря на то что итальянские диалекты представляют собой самостоятельные романские языки, исторически сопоставимые по статусу с итальянским, в условиях современной социокультурной динамики они постепенно утрачивают коммуникативную значимость, прежде всего в молодежной среде, а также в официальных и профессиональных контекстах.

Ключевыми факторами данного процесса являются расширение системы образования и доминирование итальянского языка в медийном пространстве, урбанизация и ослабление локальных сообществ, рост миграции и увеличение доли иных языков в по-

вседневной коммуникации, а также отсутствие целенаправленной государственной политики по поддержке диалектов в сфере образования и публичного использования.

Совокупность этих факторов позволяет говорить о реальной угрозе дальнейшей маргинализации итальянских диалектов и их возможного перехода из сферы живого общения в область культурного наследия. При этом их структурная автономия, неоднократно подтвержденная лингвистическими исследованиями [De Mauro, 2014; Trifone, 2023; Loporcaro, 2017], свидетельствует о том, что речь идет не о вторичных разновидностях стандартного языка, а о полноценных итало-романских языках, сохранение которых требует системных образовательных и институциональных мер. При сохранении текущих тенденций, в ближайшие десятилетия итальянские диалекты рискуют перейти из сферы живого повседневного общения в область культурного наследия, существуя лишь как элемент региональной идентичности и предмет академического интереса.

Список литературы

- Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – изд. 5-е, исправл. – Москва : Аспект-Пресс, 2004. – 536 с.
- Blasco Ferrer E.* Storia linguistica della Sardegna. – Tübingen : M. Niemeyer Testa, 1984. – 349 p.
- De Blasi N.* Il dialetto nell'Italia unita: Storia, fortune e luoghi comuni. – Roma : Carocci, 2019. – 219 p.
- De Mauro T.* Storia linguistica dell'Italia repubblicana: Dal 1946 ai nostri giorni. – Roma ; Bari : Laterza, 2014. – 278 p.
- Dialettando. I termini dialettali* // dialettando.com
- Foresti L.* Vocabolario piacentino-italiano. – Nabu Press, 2012. – 444 p.
- ISTAT. Lingua italiana, dialetti e altre lingue.* Comunicato stampa 27 dicembre 2017 / Istituto Nazionale di Statistica. – Roma, 2017. – URL: https://www.istat.it/it/files/2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015.pdf
- La Costituzione della Repubblica Italiana.* – URL: <https://www.governo.it/it/costituzione-italiana/principi-fondamentali/2839>
- La legge 15.12.99, n. 482.* Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche: – URL: <https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/17/DOSSIER/0/1022617/index.html>
- Ledgeway A.* Grammatica diacronica del napoletano. – Berlin ; New York : Niemeyer, 2009. – 1045 p.
- Loporcaro M.* I dialetti italiani // La Crusca per voi. – 2017. – N 55. – P. 5–8.
- Lorenzetti L.* Italiano Contemporaneo. – Carocci, 2002. – 128 p.
- Maiden M., Parry M.* The Dialects of Italy. – London : Routledge, 1997. – 496 p.

- Mappa delle Lingue e Gruppi dialettali italiani*. – 2025. – URL: https://it.wikipedia.org/wiki/File:Dialecti_e_lingue_in_Italia.png
- Parry M. *Syntactic variation in Northern Italy // The Syntax of Italian Dialects*. – Oxford : Univ. Press, 2013. – P. 8–35.
- Renzi L., Salvi G. *Grande grammatica italiana di consultazione*. – Bologna : Il Mulino, 2010. – 745 p.
- Rohlf G. *Grammatica storica dell'italiano e dei suoi dialetti*. – Bologna : Il Mulino, 2024. – 596 p.
- Stare al passo, Dialetti italiani: In Italia si parlano 31 lingue*. – URL: <https://www.starealpasso.it/blog-post/dialetti-italiani-in-italia-si-parlano-31-lingue>
- Treccani : *Vocabolario. Voce «dialetto» // Treccani.it*
- Trifone P. *L'italiano nella storia: Lingua d'uso e di cultura*. – Roma : Le Monnier Università, 2023. – 512 p.

References

- Reformatskij A.A. *Introduction Into Linguistics*. 5-th edition. Moscow: Aspect-Press, 2004. 536 p. (In Russian)
- Blasco Ferrer E. *Storia linguistica della Sardegna*. Tübingen: M. Niemeyer Testa, 1984. 349 p.
- De Blasi N. *Il dialetto nell'Italia unita: Storia, fortune e luoghi comuni*. Roma: Carocci, 2019. 219 p.
- De Mauro T. *Storia linguistica dell'Italia repubblicana: Dal 1946 ai nostri giorni*. Roma; Bari: Laterzam, 2012. 278 p.
- Dialettando // I termini dialettali // dialettando.com*
- Foresti L. *Vocabolario piacentino-italiano*. Nabu Press, 2012. 444 p.
- ISTAT. *Lingua italiana, dialetti e altre lingue*. Comunicato stampa 27 dicembre 2017. Istituto Nazionale di Statistica. Roma. – URL: https://www.istat.it/it/files/2017/12/Report_Uso-italiano_dialetti_altrelingue_2015.pdf
- La Costituzione della Repubblica Italiana*. – URL: <https://www.governo.it/it/costituzione-italiana/principi-fondamentali/2839>
- La legge 15.12.99, n. 482. Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche*: – URL: <https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/17/DOSSIER/0/1022617/index.html>
- Ledgeway A. *Grammatica diacronica del napoletano*. Berlin; New York: Niemeyer, 2009. 1045 p.
- Loporcaro M. *I dialetti italiani*. In: *La Crusca per voi*. 2017. N 55. Pp. 5–8.
- Lorenzetti L. *Italiano Contemporaneo*. – Carocci, 2002. – 128 p.
- Maiden M., Parry M. *The Dialects of Italy*. London: Routledge, 1997. 496 p.
- Mappa delle Lingue e Gruppi dialettali italiani, 2025*. – URL: https://it.wikipedia.org/wiki/File:Dialecti_e_lingue_in_Italia.png
- Parry M. *Syntactic variation in Northern Italy*. In: *The Syntax of Italian Dialects*. Oxford: Univ. Press, 2013. Pp. 8–35.
- Renzi L., Salvi G. *Grande grammatica italiana di consultazione*. Bologna: Il Mulino, 2010. 745 p.
- Rohlf G. *Grammatica storica dell'italiano e dei suoi dialetti*. Bologna: Il Mulino, 2024. 596 p.

***Итальянские диалекты как самостоятельные романские языки:
особенности, динамика и перспективы сохранения***

Stare al passo, Dialetti italiani: In Italia si parlano 31 lingue. – URL:
<https://www.starealpasso.it/blog-post/dialetti-italiani-in-italia-si-parlano-31-lingue>
Treccani : Vocabolario. Voce «dialetto» // Treccani.it
Trifone P. *L'italiano nella storia: Lingua d'uso e di cultura.* – Roma: Le Monnier
Università, 2023. 512 p.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА COGNITIVE LINGUISTICS

УДК 81

DOI 10.31249/ling/2026.02.08

Гаджиева А.А.¹

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ «КӨК» И «ҚОҢЫР» В КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу семантики и символики цветообозначений *көк* («синий», «голубой») и *қоңыр* («коричневый») в казахском языке. Материалом исследования послужили языковые единицы, репрезентирующие национально-специфические особенности казахской культуры. Исходный материал для анализа был собран из лексикографических источников, включая словари казахского языка, энциклопедические справочники, а также из корпуса казахской художественной литературы. Исследование показало, что помимо прямого значения, *көк* и *қоңыр* включают в себе целую гамму сопутствующих глубинных смыслов, раскрывающихся при погружении в богатую культурную традицию казахского народа.

Ключевые слова: цветообозначение; семантика и символика цветообозначения; казахский язык; лингвокультурология.

Для цитирования: Гаджиева А.А. Национально-специфические особенности цветообозначений «көк» и «қоңыр» в казахской культуре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литера-

¹ © Гаджиева А.А., 2025

Гаджиева Анар Ахметбековна, канд. филол. наук, доцент, кафедра «Языки стран Ближнего и Среднего Востока» Московского государственного института (университета) международных отношений МИД Российской Федерации, Москва; nuanar@yandex.ru

тура. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 2. – С. 124–138. – DOI: 10.31249/ling/2026.02.08

Поступила в редакцию: 12.12.2025 г.

Принята к печати: 03.02.2026 г.

Gadzhieva A.A.*

**NATIONAL-SPECIFIC FEATURES OF THE COLOR TERMS
«KÖK» AND «QOŃYR» IN KAZAKH CULTURE**

Abstract. This article is dedicated to the analysis of the semantics and symbolism of the color terms *kök* (“blue”) and *qoŃyr* (“brown”) in the Kazakh language. The research material consists of linguistic units that represent the nationally specific features of Kazakh culture. The source material for the analysis was collected from lexicographical sources, including Kazakh dictionaries, encyclopedic references, and also from a corpus of Kazakh fiction. The study revealed that, in addition to their direct meanings, *kök* and *qoŃyr* encompass a whole spectrum of accompanying deep meanings, which are revealed only through immersion in the rich cultural tradition of the Kazakh people.

Keywords: color terms; semantics and symbolism of color terms; The Kazakh language; cultural studies.

For citation: Gadzhieva A.A. National-Specific Features of the Color Terms «Kök» and «QoŃyr» in Kazakh Culture // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series. 6: Linguistics. – 2026. – N 2. – Pp. 124–138. DOI: 10.31249/ling/2026.02.08

Received: 12.12.2025.

Accepted: 03.02.2026.

В неустанном стремлении постичь тайны человеческого восприятия ученые продолжают пристально изучать символику и семантику цветообозначений, словно разгадывая древний шифр, запечатленный в языках и культурах мира. Особое внимание уделяется выявлению национально-специфических оттенков цветовых кодов, отражающих уникальное мировоззрение каждого народа. Цвет, словно древний гобелен, искусно сотканный из нитей языка, культуры, истории и психологии, несет в себе драгоценный груз

* Gadzhieva Anar Akhmetbekovna, Candidate of Philology, Associate Professor Department of Middle East Languages, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow; nuanar@yandex.ru

объективных и субъективных смыслов, эхом отдающихся в глубине веков, прожитых народами.

Названия цветов отражают физическое явление света, но то, как зримый человеком спектр света разделяется на отдельные цвета, определяется каждой лингвокультурной общностью по-своему. Этот процесс неразрывно связан с влиянием социокультурных факторов: языковых традиций, истории, географии, образа жизни и быта.

Цвет неизменно играл важную роль в человеческих взаимодействиях, выступая индикатором дихотомии «свой-чужой» и символизируя широкий спектр межгрупповых, национальных, классовых, партийных и прочих отношений [Белов, 1988, с. 49]. Например, красный цвет прочно ассоциируется с советской эпохой и непримиримой борьбой между «красными» и «белыми». В истории и культуре тюркоязычных народов это прослеживается в этнониме *кок-турк* («небесные тюрки»), в названиях *Кок-Орда* («Синяя Орда») и *Ак-Орда* («Белая Орда»), а также в палитре цветов, используемых в декоративно-прикладном искусстве: орнаментах, вышивках, где каждый цвет имеет символическое значение.

В казахской культуре это проявляется в обрядах и традициях, таких как *Ақ жол* («белая дорога»), когда перед невестой растылают белую ткань, символизирующую надежду на счастливое будущее. Или обряд *Тұсау кесу* («разрезание пут»), где разноцветный шнурок на ногах ребенка, делающего первые шаги, отражает переплетение радостей и сложностей в жизни, напоминая о необходимости быть готовым к любым испытаниям. Интересно, что в старину девушки, вступая в брак, использовали цвет вышивки на платке для передачи вестей родителям: красный означал радость и благополучие, а желтый – печаль и грусть [Жұмарова, 2010].

Анализ национально-культурной специфики цветовосприятия казахов выявляет значимость таких цветовых категорий, как белый, черный, красный, желтый, синий и коричневый. В рамках данной статьи мы рассмотрим специфику цветообозначений *көк* («синий»/«голубой») и *қоңыр* («коричневый»), представляющих собой важные элементы языковой картины мира казахского народа.

Традиционная казахская культура наделяет особым смыслом колоронимы *көк* и *қоңыр*. Они несут в себе глубокие национальные концепции миропонимания и вызывают у казахов устойчивые ассоциации. *Көк* – это воплощение бескрайнего, вечного неба, символ вечной жизни, мира и безмятежности. Отголоски древних

верований прослеживаются в слове *көк*, которое, будучи связанным с небесным покровительством, встречается в именах тотемных животных, например, *көксерек* «волк» и *көкжал* «матерый волк». Эта небесная связь также находит отражение в традиционном названии надгробных сооружений – *көк тас* (букв. «голубой камень»), что соотносит их с Небом, вечной обителью аруахов – духов предков [Шайгозова, 2023, с. 199].

В словарях казахского языка цветолексема «көк» представлена палитрой различных цветов и оттенков, включающей голубые, синие, зеленые и серые участки цветового спектра. Эта особенность была отмечена и Н.А. Баскаковым. Исследуя тюркскую лексику в «Слове о полку Игореве», учёный указывает на неразличение кипчаками-половцами синего, голубого, серого и зеленого цветов, объединенных единым словом *kök*. Это явление он охарактеризовал как «тюркский дальтонизм» [Баскаков, 1985, с. 99].

В «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркских слов») Махмуда аль-Кашгари (XI в.) представлены следующие значения лексемы *kök*: 1) «небо»: *kökkä suza jüzkä tüsür* «Кто плюет в небо, попадает себе в лицо»; 2) «цвет неба»; употребляется в отношении всего, что имеет цвет неба. Говорят также: *känd köki* «окрестности города». Имеется в виду зелёный вид деревьев; 3) *kök ton* «темно-серая одежда» [Махмуд ал-Кашгари, 2016, с. 308].

Исследование толковых и двуязычных словарей казахского языка выявляет, что слово «көк» является полисемантическим, его значения простираются от конкретных цветовых оттенков до абстрактных понятий и культурных реалий. Среди зафиксированных значений: 1) «цвет ясного неба»; 2) «зелёный»; «зелень»; «трава»; 3) «серый»; «сизый»: *көк ат* «серая лошадь»; 4) «небо»; «небеса»; «небосвод»; 5) *миф.* «небесная сила» (в тенгрианстве); 6) Тенгри – верховное божество голубого неба; 7) «молния»; 8) «недозрелый» (о плодах); 9) «постное мясо» [ҚӘТС, 2011, с. 121; ҚС, 2013, с. 669].

Согласно представлениям древних тюрков и монголов, Көк-Тенгри (божество Голубого Неба) являл собой высшую силу. Слово *көк* в данном контексте означало видимое, предметное [Валиханов, 1985, с. 58], а «Тенгри» – бога, который не имел физического воплощения, но воспринимался как вневременной и бесконечный, подобно голубому небу. Отсюда следует, что цветовое обозначение *көк* является сложным и многозначным понятием, которое берет свое начало от названия конкретного объекта – неба. Небо, подобно холсту, на котором погода творит свои картины,

демонстрирует удивительное разнообразие. В ясные дни оно сияет глубокой синевой или нежной голубизной. Но стоит появиться облакам и тучам, как свет рассеивается, и небесная гладь окрашивается в оттенки серого и белого. Тюркское слово «көк» удивительным образом вмещает в себя всю эту палитру – от пронзительно-синего до приглушенно-серого, демонстрируя богатство его цветовых значений.

В казахском языке лексема «көк» служила обозначением всего, что воспринималось как дар небес. Производный от слова «көк» глагол «көктеу», означающий «зеленеть» или «прорастать», вероятно, изначально имел более активное значение – «озеленять» или «проращивать». Эта модель образования глаголов, где суффиксы *-ma/-me/-la/-le*, уходящие корнями в далекое прошлое, «с типовым значением «возбудить свойство, названное производящей основой», выраженным именем существительным или прилагательным (например: др.-тюрк. *sapla* – «приделать ручку, рукоятку»; *evla* – «наделить домохозяйством»; «женить»; общетюркск. *alala* – «сделать пегим, пестрым»; башк. *qarañyula* – «затемнять» и т.д.)» [СИГТЯ, 1988, с. 427], прослеживается и в современном казахском языке в парах: «ақтау» – «делать белым, побелить»; «қаралау» – «чернить, окрашивать в черный цвет».

Представляется целесообразным дополнить изложение следующими пояснениями. Известно, что архаизмы, присутствующие в различных языковых системах, отражают мировоззренческие установки древнейших эпох, охватывающие анимистические, космические и микрокосмические парадигмы восприятия окружающей действительности. Языковед-тюрколог К. Жубанов приводит примеры архаичных безличных оборотов в русском и казахском языках, в которых, как он отмечает, «безличные глаголы в самом деле личны: рус. *меня лихорадит*; каз. *безгегім ұстады* (букв. «меня держит моя лихорадка»). Лицо здесь третье, но с тем различием, что в этих образованиях затемнен субъект действия – тот, кто действует, в данном случае кто лихорадит, “вселяет лихорадку”. Действующим лицом здесь мыслились, в зависимости от стадии мышления, и “тотем”, и “злой дух”, и “бог” и прочее» [Жубанов, 2010, с. 403]. Следовательно, представляется вероятным, что и в контексте *көктеу* именно Кок-Тенгри выступал как субъект действия, «озеленяя» землю и «проращивая» растения. Иными словами, всё произрастающее на земле воспринималось как результат деятельности Тенгри и обозначалось словом *көк* («зелень, трава»). Именно поэтому «көк» традиционно ассоциируется с пробуждени-

ем природы и зарождением новой жизни. Например, *көк балауса* описывает молодую, сочную траву, а *көк орай шалғын* – обильные травами угодья. Слова, образованные от корня *көк*, такие как *көгеру* «зеленеть; прорастать» и *көктем* «весна», несут в себе смысл жизни, обновления и прихода весны.

В древних представлениях тюрков о мироустройстве небо, воспринимаемое как верхний уровень, населенный высшими духами, ассоциировалось с цветом *көк*. Этот цвет, символизирующий верховное божество, имел глубокое значение как в духовной, так и в повседневной жизни. В старину в казахском обществе «көк» считался привилегией знати и богатых особ, символом исключительности и социального престижа [ҚС, 2013, с. 669]. К примеру, в традиционном казахском обществе батыры, поэты-импровизаторы, музыканты и певцы носили *көк етік* [ҚӘТС, 2011, с. 223] – «сапоги с заостренным носком из юфти зеленого цвета». В народе сохранились поговорки *көк етікті кездеспеді, көн етіктіні көзге ілмеді* (букв. «тому, кто в зеленых сапогах, не встретиться, и на того, кто в простых сапогах, не обращать внимания») о женщине, которая не встретила в своей жизни состоятельного и образованного человека, но не пожелала связать свою судьбу с простолюдином; «ждать принца на белом коне»; *көйлегі көк, тамағы тоқ* (букв. «платье голубое, пища в достатке») «жить в достатке, ни в чем не нуждаясь»; «кататься как сыр в масле» [Кожаметова, 1988, с. 106]. Например: «*Сөйтін, көк етікті кездеспей, көн етіктіге бара қоймай жүргенде, Варвара қартамыш болып қалады*» [Мұқанов, 2021, с. 385] «Так и не дождавшись милого, Варвара засиделась в девках»; «*Көйлегі көк, тамағы тоқ дегендей, мына көпшілік заманда жетіспей тұрған да ештеңе жоқ еді*» [Жұмаділов, 2019]. «Жил Козыбай, не испытывая нужды ни в чем: как говорится, в доме полная чаша, да и время такое было – все навалом».

По древним верованиям тюрков, Небеса были властны и вольны в своих деяниях, вершили судьбы, даруя благословение или обрушивая кару. От их благоволения зависело счастье и процветание как отдельных людей, так и целых народов [Валиханов, 1985, с. 58]. Древние представления о мире и небесах находят отражение в пословицах, поговорках и фразеологизмах, которые хранят в себе отголоски старинных верований и мировоззрения. Так, о человеке, испытывавшем большую радость, говорят: *төбесі көкке жетті* (букв. «его макушка достигла неба»); о чем-то неожиданно свалившемся на голову – *көктен түскендей* (букв.

«словно с неба свалился»); об исполнении заветного желания – *көктен сұрағаны жерден табылды* (букв. «что просил у неба, нашлось на земле») и т.д.

Тюркское мировоззрение признавало двойственную природу слова: оно могло как навлечь беду через проклятия, так и даровать благополучие через благопожелания. В этих словесных закланиях и благословениях часто призывалась высшая сила – Небо (Тенгри). Об этом свидетельствуют дошедшие до нас народные выражения, такие как *Көк кәріне ұшыра!*, *Көк атсын!* («Пусть сразит тебя Небо!»), *Көк соққыр!* («Будь проклят Небом!») и др. Ч. Валиханов отмечал, что «язык человека через слово имел разрушительное влияние» [Валиханов, 1985, с. 60–61]. В народе сохранилась поговорка *Тіл тас жарады, тас жармаса бас жарады* «Слово может раздробить камень, а если не камень, то голову человека». Любые несчастья, постигшие человека, его семью или дом, приписывались злым языкам недоброжелателей.

Слово обладает и позитивной силой, способной оказывать благотворное влияние на людей. Казахская мудрость гласит: «Доброе слово – половина счастья» (*Жақсы сөз – жарым ырыс*). Важным элементом казахской культуры является древний обычай *Бата беру* – словесное благословение и духовное пожелание, часто выражаемое в стихотворной форме. Старшие, мужчины и женщины, даруют *бата* в значимые моменты жизни: при рождении ребенка, на празднике Наурыз, во время свадебных торжеств, сватовства и др. Примером могут служить пожелания: *Тәңір жарылқасын!* – «Да наградит Господь!»; *Тәңір жар болсын!* – «Пусть поддержит тебя Господь!» Примечательно, что с распространением ислама в казахских степях, теоним Тенгри стал использоваться как синоним Аллаха. В «Диван лугат ат-турк» Махмуда аль-Кашгари Тенгри представлен как «Аллах, Всевышний и Всемогущий». При этом люди, именующие небо словом *tanrı*, характеризуются как неверные [Махмуд аль-Кашгари, 2016, с. 465–466].

Помимо изложенного, в казахском языке существуют пожелания благополучия, связанные с глаголом «көгеру», символизирующим рост и процветание, например, пожелание счастья молодоженам: *Көсегең көгерсін, көрпең ұзарсын!* (букв.: «Да станет зелёным твой занавес, да удлинится твоё одеяло») [ҚӘТС, 2011, с. 364].

Отголоски древних представлений и верований прослеживаются и в толковании снов. Например, голубое небо (*көгілдір аспан*) во сне предвещает семейное счастье, а голубая одежда (*көк*

түсті киім) – исполнение желаний и достижение целей. Падающие с неба ножницы (*көктен қайшы түсу*) трактуются как предзнаменование конца жизни, а прилетевшая и севшая рядом птица (*көктен құс түсіп, жанына қону*) – как добрая весть [БС, 2013, с. 115–116] и т.д.

Анализ казахских фразеологических словарей показал, что лексема «көк» довольно часто используется для передачи отрицательных человеческих характеристик и негативных физиологических состояний. Так, о человеке, который слепо действует по воле других и является орудием в чужих руках, говорят *ол жүрген бір көк есек* (букв. «он настоящий серый осел»); о том, кто болтает вздор, пустяки, говорят *көк езу* (букв. «синеротый») или *көк мылжың* (букв. «синий болтун»); об отъявленном лентяе – *көк жалқау* (букв. «синий лентяй»); о человеке, неспособном понять что-либо, туго соображающем – *көк ми* (букв. «с синим мозгом»); о женщине с неуживчивым и скандальным характером – *көк долы* (букв. «синяя стерва»); о крайне утомленном человеке, дошедшем до полного истощения сил – *көк иық болу* (букв. «стать синеплечим»); *көк жұлын болу* (букв. «со спинным мозгом синим стать») и т.д. [Кеңесбаев, 2007, с. 148]. В представленных примерах лексема *көк*, выходит за рамки своего исходного значения прилагательного, выполняя функцию интенсификатора, который повышает степень выраженности качества или состояния.

Нельзя не упомянуть и связь колоронима *көк* с государственным флагом Казахстана. В геральдике этот цвет символизирует честность, верность и безупречность. Кроме того, небесно-голубой цвет имеет древние корни в тюркской культуре, где небо считалось богом-отцом, а голубое знамя – символом преданности. На флаге Казахстана он олицетворяет чистое небо, мир и благополучие, а единый фон символизирует нерушимое единство страны [Akorda.kz.].

Таким образом, семантическое развитие лексемы *көк* начинается с его основного значения – «небо». Как полагают ученые, «в процессе развития слово приобрело значение цветов по характеру различных окрасок неба: синий, голубой, сизый, серый, зеленый – развитие семантики шло от существительного к прилагательному» [СИГТЯ, 2006, с. 331]. Языковые свидетельства говорят о том, что даже спустя долгие столетия в казахской культуре сохранились архаичные элементы древнетюркских верований и представлений, в центре которых стоял теоним Кок-Тенгри, олицетворявший небесное божество.

Исследование показало, что цветолексема «көк» сохраняет за собой право номинации серых, сизых и зеленых тонов, что проявляется в описании окраса животных и цвета растительности. Это не значит, что в казахском языке отсутствуют слова для обозначения зеленого и серого. Для их наименования *сұр* существуют соответствующие прилагательные: *жасыл* для зеленого и *сур* для серого. Например, *жасыл шөп* «зеленая трава»; *жасыл бояу* «зеленая краска»; *сұр аспан* «свинцовое небо»; *сұр бұлт* «серые тучи» и т.д.

Мы разделяем мнение В.Г. Кульпиной о том, что цвет не является самостоятельной сущностью, а всегда выступает как характеристика определенного типа или класса объектов. При этом стоит учитывать, что многие цветовые наименования и их ассоциации с объектами обусловлены социальными факторами и визуальными нормами, укоренившимися в социолингвистической традиции данного общества [Кульпина, 2001, с. 8].

Значение слова «коңыр» *‘коричневый’* в казахской культуре выходит за рамки простого цветового определения, охватывая широкий спектр народных представлений. *Қоңыр* символизирует тишину, тепло и безмятежность. Согласно словарным дефинициям, *қоңыр* – цвет, занимающий спектр между черным и красным; «бурый» (о масти овцы, коровы); «смуглый»; «темный» (о цвете вообще); «карий»; «русый» [КОС, 2008, с. 548]. Этот цвет ассоциируется с размеренной, неспешной жизнью, с мелодией и голосом, вызывающими душевный трепет, с умиротворяющими природными явлениями. Фразеологические словари фиксируют устойчивые выражения с компонентом *қоңыр*. Так, *қоңыр тірлік* (букв. «коричневая жизнь») рисует картину бытия тихого и размеренного, где каждый день соткан из привычных забот; *қоңыр күз* (букв. «коричневая осень») – тихую теплую осень; *қоңыр салқын* (букв. «коричневая прохлада») – легкую и приятную прохладу. А триада созвучных метафор *қоңыр дауыс* (букв. «коричневый голос»), *қоңыр ән* (букв. «коричневая песня»), *қоңыр үн* (букв. «коричневый звук») описывают приятные на слух голоса, мелодии и песни, исполняемые в ровном ритме, словно переливы закатного солнца, окрашивающие степь в мягкие коричневые тона.

В бытовом контексте цветообозначение «коңыр» ассоциируется с такими качествами, как уравновешенность и вежливость. Например, о тихом, смирном человеке говорят *қойдан қоңыр* (букв. «тише чем овца») ‘мухи не обидит’; ‘воды не замутит’: *Ол жабек тосын көзге қойдан қоңыр көрінгенмен, көңілі бір қайтса, жуықта қалпына келе қоймайтын томырық жігіт* «Хоть и ка-

жется, что Олжабек и мухи не обидит, но стоит ему рассердиться, он долго не может успокоиться» [Мұстафин, 2021].

Выбор овцы в качестве метафоры кротости и смирения не случаен. Для казахов «кой» (овца, баран) – это не просто животное, а символ изобилия и благоденствия, олицетворяющий такие качества, как мягкость нрава, спокойствие, смирение и безмятежность. Овцы занимали центральное место в их скотоводческом хозяйстве, обеспечивая пищу (мясо, молоко, жир), одежду и утварь (шерсть, кожа), а также служа источником бытовых средств (курдюк как мыло и лекарство). Фразеологизмы, связанные с овцой, как правило, имеют позитивный оттенок. Так, о робком и застенчивом человеке говорят: *қой аузынан шөп алмайтын* (букв. «не вырвет травинки изо рта овцы») – «комара не обидит»; *қойдан жуас* (букв. «смирнее овцы») – ‘тише воды, ниже травы’. А образ безмятежной и счастливой жизни рисуется как «время, когда жаворонок гнездится на овце» (*қой үстіне бозторғай ұялаған кез*) – символ полного покоя и гармонии. Наряду с этим в обиходно-бытовой сфере употребляется форма обращения взрослого к детям, выражающая ласковое отношение к ним: *қоңыр қозым* (букв. «мой коричневый ягнёночек»): *Жаным, қоңыр қозым, қалай келіп қалдың?!* «Душа моя, мой ягнёночек, как же ты приехала?!» [Соқпақбаев, 2024, с. 6].

Несомненно, первостепенное влияние на формирование и принятие социумом языковых знаков оказывает практическая и духовная деятельность людей. Для носителей казахского языка их практическая деятельность заключалась, прежде всего, в кочевом образе жизни и в ведении животноводческого хозяйства. Языковеды указывают на интересную особенность: почти все «цветовые прилагательные» в казахской географической лексике (кроме *қара* – «чёрный») служат для классификации пастбищ. Так, например, *қоңыр* («коричневый»), который Г.К. Конкашпаев объясняет как «закреплённые песчаные холмы, поросшие растительностью, являющиеся хорошим местом для зимних пастбищ и отличающиеся мягким климатом, прекрасным травостоем и глубокими колодцами», входит в состав топонима *Жетіқоңыр* (букв. «семь коричневых») – «семь прохладных урочищ» [Қайдар, 1998, с. 159]. По мнению А. Кайдара, «образование географических терминов и топонимов по признаку цвета с общим значением “пастбище” является продуктивным и, следует полагать, древним. Это объясняется большим значением визуального восприятия реалий окружающей среды кочевниками» [там же, с. 159].

Таким образом, колоритом *қоңыр* обладает богатой семантикой, выходящей далеко за пределы цветового обозначения и глубоко укорененной в народной культуре. Лексема *қоңыр* несет в себе целый ряд сопутствующих смыслов, что делает ее толкование весьма многозначным. Эти дополнительные значения могут проявляться и в звуковых ассоциациях («звук», «голос»), или в характеристике чего-либо как приятного для слуха. Специалисты отмечают, что в казахской музыке *қоңыр дауыс* представляет собой особый тембр, отличающийся богатством обертонов. Такой тембр считается характерным для аутентичной казахской домбры с натуральными струнами [Шайгозова, 2023, с. 203].

Согласно «Своду тюркских слов» Махмуда аль-Кашгари, слово *қоңыр* описывает различный спектр оттенков коричневого, а также ассоциируется с хрипlostью или грубостью голоса, как в случае с *qoңur ün* «хриплый голос» и *qunra* «грубеть голосом»: *oylan ünü qoңradı* «голос юноши огрубел, когда он возмужал». Помимо этого *qunra* может означать «приобрести коричневый окрас»: *qoj qoңradı* «овца приобрела коричневый окрас» [Махмуд ал-Кашгари, 2016, с. 456; 482]. «Этимологический словарь тюркских языков» расширяет палитру значений *қоңыр*, описывая его как охватывающий цвета от серо-желтого до темно-коричневого. В переносном значении словарь выделяет два аспекта: описание природных явлений как пасмурных, серых, хмурых, но также и как лёгких и приятных; и характеристику голоса как сдавленного, хриплого, низкого, приятного или грудного [ЭСТЯ, 2000, с. 63–64].

Существует мнение, что ассоциация *қоңыр* с приятным грудным голосом и мелодиями связана с горловым пением [Хасенов, Әділова, 2012], которое было особенно популярно у народов Центральной Азии и Сибири. Горловое пение, также известное как горлохрипение, представляет собой вокальную технику, при которой звук формируется за счет специфической работы мышц глотки или гортани. Искусство горлового пения было особенно характерно казахским жырау – народным поэтам и певцам, исполнявшим эпосы и дастаны. Исполнение эпоса сказителем обычно характеризуется использованием сдавленного, неестественного голоса, в котором присутствуют хриплые и фальцетные нотки в верхнем регистре [Утегалиева, 2023, с. 50]. Такая манера исполнения создает чрезвычайно высокое напряжение и экспрессию в мелодии [Азимова, 2008, с. 28].

В прикладном искусстве естественный коричневый цвет стареющей деревянной мебели, приобретающий со временем благо-

родный оттенок патины, символизирует умиротворение и незыблемость. Светло-коричневый оттенок, цвет обожженной глины, имел особое, сакральное значение для мастеров декоративно-прикладного искусства, олицетворяя собой архетипический образ Матери-Земли. Этот же оттенок, присущий шерсти и войлоку, традиционно использовался для покрытия юрт [Шайгозова, 2023, с. 203].

Известный казахский поэт Ж. Нажимеденов в поэтическом сборнике «Семицвөтье» придаёт особое значение колорониму *қоңыр*. В его стихотворении «Қоңыр түс» (букв. «коричневый цвет») лексема «қоңыр» в составе различных словосочетаний встречается двадцать один раз. Поэт использует *қоңыр* для описания различных образов, таких как *қоңыр шешем* (букв. «моя коричневая мать»), *қоңыр жол* («коричневая дорога»), *қоңыр ән* («коричневая песня»), *қоңыр күй* («»), («коричневая мелодия»), *қоңыр күз* («коричневая осень»), *қоңыр дала* («коричневая степь») и других. Примечательно, что подобное повторение не снижает художественной ценности произведения, а, напротив, выступая в роли выразительного эпитета, обогащает эстетическое переживание читателя.

Таким образом, исследование значений и символического содержания цветообозначений «көк» и «қоңыр» выявило их значительный семантический и символический потенциал. В рамках традиционной казахской культуры эти цвета выделяются как наиболее значимые, отражая специфические национальные представления о мире. Помимо прямого значения, «көк» и «қоңыр» включают в себе целую гамму сопутствующих смыслов, открывая путь к более глубокому пониманию казахской культуры.

Список литературы

- Азимова А.Н.* Звуковой мир каракалпаков. Диалог культур Центральной Азии. – Ташкент : Швейцарское агентство по развитию и сотрудничеству, 2008. – 64 с.
- Akorda.kz.* – официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/state_symbols/kazakhstan_flag?ysclid=mgjlwjdnm480972942 (дата обращения: 10.09.2025).
- БС* – Бабалар сөзі: 100 т. – Астана : Фолиант, 2013. – Т. 94. – 432 б.
- Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – Москва : Наука, 1985. – 208 с.
- Белов А.И.* Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика. – Москва : Наука, 1988. – С. 49–58.

- Валиханов Ч.* Собрание сочинений : в 5 т. – Алма-Ата : Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1985. – Т. 4. – 463 с.
- Жұбанов Қ.* Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. – Алматы : Мемлекеттік тілді дамыту институты, 2010. – 608 б.
- Жұмаділов Қ.* Момын. – URL: <https://madeniportal.kz/article/3913> (дата обращения: 06.10.25).
- Кеңесбаев І.* Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. – Алматы : ҚазАқпарат, 2007. – 356 б.
- Кожяхметова К.Х., Жайсакова Р.Е., Кожяхметова Ш.О.* Казахско-русский фразеологический словарь. – Алма-Ата : Мектеп, 1988. – 224 с.
- Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. – Москва : Московский Лицей, 2001. – 470 с.
- Қайдар Ә.* Қазақ тілінің өзекті мәселелері : 2 т. – Алматы : Ана тілі, 1998. – Т. 1. – 304 б.
- ҚӘТС* – Қазақ әдеби тілінің сөздігі : 15 т. / бас ред.: А. Ысқақов, Н. Уәли. – Алматы : Тіл білімі институты, 2011. – Т. 8. – 744 б.
- ҚОС* – Қазақша-орысша сөздік. / под ред. Р.Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаина. – Алматы : Дайк-Пресс, 2008. – 962 с.
- ҚС* – Қазақ сөздігі (Қазақ тілінің біртөмдік үлкен түсіндірме сөздігі) / құраст.: Н. Уәли, Ш. Құрманбайұлы, М. Малбақов. – Алматы : Тіл білімі институты, 2013. – 1488 б.
- Құмарова Б.* Көне өнерді жаңғыртайық. – URL: <https://vkoeim.kz/index.php/en-kz/118-psevkat-/504-2010-09-22-05-19-34> (дата обращения: 04.10.25).
- Махмуд ал-Кашғари* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) : в 3 т. / пер. с араб. А.Р. Рустомова ; под ред. И.В. Кормушина // Памятники письменности Востока. – Москва : Наука. Восточная литература, 2016. – Т. 2. – 511 с.
- Мұқанов С.* Аққан жұлдыз : 2 кітап. – Нұр-Сұлтан : Фолиант, 2021. – 1 кітап. – 448 б.
- Мустафин Ф.* Шығанақ. – URL: <https://bilim-all.kz/article/15769-SHyganaq?ysclid=tim0odjrv1679767592> (дата обращения: 10.10.25).
- Нәжімеденов Ж.* Жеті бояу. – Алматы : Жалын, 1979. – 160 б.
- Соқпақбаев Б.* Аяжан. – Алматы : Qasym баспа үйі, 2024. – 86 б.
- СИГТЯ* – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – Москва : Наука, 1988. – 560 с.
- СИГТЯ* – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языкам / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – Москва : Наука, 2006. – 908 с.
- Утеалиева С.И.* Горловой звук в музыке тюркских народов Центральной Азии // Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность. – 2023. – № 3. – С. 47–55.
- Хасенов Б.Р., Әділова А.С.* Түр-түс атауларының шығуы туралы // Вестник Карагандинского университета. Сер. Филология. – 2012. – № 4. – С. 5–11.
- Шайгозова Ш.Н., Наурызбаева А.Б.* Краткая энциклопедия знаков и символов казахской культуры. – Алматы : КазҒЗМИ, 2023. – 320 с.

References

- Azimova A.N. *The Sound World of the Karakalpaks. Dialogue of Central Asian Cultures*. Tashkent: Swiss Agency for Development and Cooperation, 2008. 64 p. (In Russian)
- Akorda.kz. – *Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan* URL:https://www.akorda.kz/ru/state_symbols/kazakhstan_flag?ysclid=mgj1wjdnm480972942 (accessed: 10.09.2025).
- Babalar sözi*: 100 t. Astana: Foliant, 2013. T. 94. 432 p. (In Kazakh)
- Baskakov N.A. *Turkic Vocabulary in the «Tale of Igor's Campaign»*. Moscow: Nauka, 1985. 208 p. (In Russian)
- Belov A.I. *Color Ethno-Eidems as an Object of Ethnopsycholinguistics*. In: *Ethnopsycholinguistics*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 49–58. (In Russian)
- Valikhanov Ch. *Collected Works: in 5 vol.* Alma-Ata: The Main Editorial Office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. Vol. 4. 463 p. (In Russian)
- Zhubanov Қ. *Research on Kazakh Language –* Almaty: Institute of State Language Development, 2010. – 608 p. (In Kazakh / In Russian)
- Zhumadilov Q. *Momy`n*. URL: <https://madeniportal.kz/article/3913> (accessed: 06.10.2025). (In Kazakh)
- Keñesbayev I. *Phraseological Dictionary of Kazakh Language*. – Almaty: Kazinform, 2007. – 356 p. (In Kazakh)
- Kozhakhmetova H.R., Zhaysakova E.S., Kozhakhmetova.O. *Kazakh-Russian Phraseological Dictionary*. Alma-Ata: “School”, 1988. 224 p. (In Kazakh / In Russian)
- Kulpina V.G. *Linguistics of Color. Color Terms in Polish and Russian*. Moscow: Moscow Lyceum, 2001. 470 p. (In Russian)
- Kaidar A. *Actual Problems of the Kazakh Language: 2 Volumes*. Almaty: Native Language, 1998. Vol. 1. 304 p. (In Kazakh / In Russian)
- Dictionary of the Kazakh Literary Language: 15 vol. / Ed. by A. Iskakov, H. Ualy*. Almaty: Institute of Linguistics, 2011. Vol. 8. 744 p. (In Kazakh)
- Double Kazakh Russian Dictionary / Ed. by R.G. Syzdykovoy, K.Sh. Husaina*. Almaty: Dyke-Press, 2008. 962 p. [In Kazakh / In Russian]
- Kazakh Dictionary* (Explanatory Dictionary of the Kazakh Language) / Compiled by N. Uáli, Sh. Qurmanbajuly, M. Malbaqov. Almaty: Institute of Linguistics, 2013. 1488 p. (In Kazakh)
- Kumarova B. Let's Recreate the Ancient Art URL: <https://vkolem.kz/index.php/en/-kz/118-psevkat-/504-2010-09-22-05-19-34> (accessed: 04.10.25).
- Mahmud al-Kashgari's *Divan Lughat at-Turk (Collection of Turkic Words): in 3 volumes / Translated From Arabic by A.R. Rustamov, edited by I.V. Kormushin*. In: *Monuments of Oriental Writing*. Moscow: Nauka – Oriental Literature, 2016. Vol. 2. 511 p. (In Kazakh)
- Mulkanov S. *Akkan Zhuldyz: 2 Books*. Nur-Sultan: Foliant, 2021. Book 1. 448 p. (In Kazakh)
- Mustafin F. *Shy`ganaq*. URL: <https://bilim-all.kz/article/15769-SHYganaq?ysclid=mim0odjrv1679767592> (accessed: 10.10.25).
- Názhimedenov Zh. *Seven Colors*. Almaty: Zhalyn, 1979. 160 p. (In Kazakh)
- Soqpaqbaev B. *Ayazhan*. Almaty: Qasym baspa úji, 2024. 86 p. (In Kazakh)

- Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Morphology* / Ed. by E.R. Tenishev. Moscow: Nauka, 1988. 560 p. (In Russian)
- Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. The Proto-Turkic Language is the Basis. The Picture of the World of the Proto-Turkic Ethnic Group According to These Languages.* / Ed. by E.R. Tenishev, A.V. Dybo. Moscow: Nauka Publ., 2006. 908 p. (In Russian)
- Utegalieva S.I. *The Throat Sound in the Music of the Turkic Peoples of Central Asia.* In: *Musical Art of Eurasia. Traditions and Modernity.* 2023. N 3. P. 47–55. (In Russian)
- Khasenov B.R., Adilova A.S. *On the Origin of Color.* In: Bulletin of Karaganda University. Philology Ser. 2012. N 4. Pp. 5–11. (In Kazakh)
- Shajgozova Sh.N., Nauryzbaeva A.B. *A Brief Encyclopedia of Signs and Symbols of Kazakh Culture.* Almaty: KazNIIK, 2023. 320 p. (In Kazakh / In Russian)

**УРОВНИ ЯЗЫКА
LANGUAGE LEVELS
ЛЕКСИКОЛОГИЯ. СЕМАНТИКА
VOCABULARY. LEXICOLOGY**

УДК 811.161.1'37

DOI 10.31249/ling/2026.02.09

Раренко М.Б.¹

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
ЕДИНИЦЫ «ГАРМОНИЯ»**

Аннотация. В статье рассматривается семантическая история слова «гармония» в русском языке. Согласно данным словарей, эта лексическая единица была заимствована в русский язык из польского (“harmonia”) и восходит через латинскую единицу harmonia к греческой “ἁρμονία”. В русском языке слово «гармония» стало употребляться начиная с конца XVIII – начала XIX в.

Сегодня лексема по-прежнему используется в качестве музыкального термина (фиксируются несколько связанных между собой значений), а также философского, социологического; единица также используется для обозначения философско-эстетической категории. В повседневной речи слово используется как синоним словам «единство», «слаженность», «согласие», «согласованность», «соразмерность» и др., а также выступает в качестве антонима единицам «дисгармония», «непорядок», «беспорядок», «хаос», «разлад» и пр.

Ключевые слова: семантика; лексическая единица; гармония; история слов; термин; русский язык; разные типы словарей; В.В. Виноградов.

¹ Раренко М.Б., 2025

Раренко Мария Борисовна, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; rarenco@rambler.ru

Для цитирования: Раренко М.Б. Семантическая история лексической единицы «гармония» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2026. – № 2. – С. 139–158. – DOI 10.31249/ling/2026.02.09

Поступила в редакцию: 12.12.2025 г.

Принята к печати: 03.02.2026 г.

Rarenko M.B.*

HARMONY: ON THE HISTORY OF THE WORD IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: The article considers the semantic history of the word “harmony” in the Russian language. According to the dictionaries, this lexical unit was borrowed into Russian from Polish (“harmonia”) and goes back through the Latin unit harmonia to the Greek “ἁρμονία”. In Russian, the word “harmony” began to be used starting from the end of the XVIII – beginning of the XIXth century.

Today, the lexeme is still used as a musical term (several related meanings are fixed), as well as a philosophical, sociological one; the unit is also used to denote a philosophical and aesthetic category. In everyday speech, the word is used as a synonym for the words “unity”, “coherence”, “harmony”, “consistency”, “proportionality”, etc., and also acts as an antonym for the units “disharmony”, “disorder”, “chaos”, “discord”, etc.

Keywords: semantics; lexical unit; harmony; history of words; term; Russian language; different types of dictionaries; V.V. Vinogradov.

For citation: Rarenko M.B. Harmony: On the History of the Word in the Russian Language // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. – 2026. – N 2. – Pp. 139–158. DOI 10.31249/ling/2026.02.09

Received: 29.12.2025.

Accepted: 03.02.2026.

* *Rarenko Maria Borisovna*, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

Введение

Интерес к истории слов во второй половине XX – начале XXI в. был во многом инициирован исследованиями Виктора Владимировича Виноградова (1895–1969), оставившего после себя среди всего прочего богатого научного наследия – более 500 работ, которые касались разных аспектов языка и литературы – материалы по истории слов и выражений русского литературного языка, русских народных говоров, народной разговорной речи, истории славянизмов и пр. Часть собранного была опубликована ученым при жизни, а многое осталось в рукописях. Неопубликованные материалы благодаря ученикам В.В. Виноградова уже после его смерти вышли в виде книги – «История слов» под редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой в 1994 г., положив начало новой волне исследований истории слов [Виноградов, 1994].

«В истории некоторых слов, – пишет В.В. Виноградов в начале статьи, посвященной истории слова “пошлый”, – отражается смена основных культурных эпох русской истории. В экспрессии слова бывает запечатлена оценка старого, отживающего историко-бытового уклада и мировоззрения» [там же, с. 531].

Проследившая историю появления слов в языке, можно сделать выводы о развитии общества, его потребностях, желаниях и устремлениях как в определенный момент времени, так и в динамике. Лексическая единица «гармония», столь привычная современному человеку, в первую очередь благодаря культивируемому сегодня принципу бережного отношения членов социума к друг другу и, как следствие, соблюдения личностных границ и взаимоважания, имеет довольно любопытную историю.

Лексема «гармония»: данные этимологических словарей

Согласно данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, лексема «гармония» (написание «армония») была заимствована в русский язык из польского («harmonia») и восходит через латинскую единицу *harmonia* к греческой «ἁρμονία» [Фасмер, 1996, с. 394]). В современных европейских языках слово «гармония» имеет такие соответствия: в английском языке это *harmony*, в немецком – *Harmonie*, во французском – *harmonie* (f), испанском – *armonía* (f), в португальском – *harmonia*, итальянском – *armonia*.

Употребляемое сегодня как нарицательное существительное лексема «гармония» восходит к имени древнегреческой богини. В античной мифологии Гармония (др.-греч. Ἄρμονία) – дочь Ареса, бога войны, и Афродиты, богини любви и красоты (в иной версии – Зевса и Электры). Ее считают сестрой Иасиона, супругой Кадма и матерью Автонои, Агавы, Ино, Семелы и Полидора. В представлениях древних греков Гармония покровительствовала согласию и семейному благополучию, выступала идеалом супружеского единства. Её мыслили в образе молодой женщины выдающейся красоты, с длинными светлыми волосами с рыжеватым оттенком. Нередки были изображения богини обнаженной, охваченной кольцами змеи; согласно мифу, ее супруг Кадм по собственному желанию был превращен в змея, а вслед за ним и сама Гармония также желала принять облик рептилии.

Высокая степень почитания богини проявляется, в частности, в многочисленных описаниях ее свадьбы с Кадмом: согласно мифографам, это был первый случай, когда на торжество прибыли все олимпийские божества. Празднество сопровождалось игрой Аполлона на кифаре, выступлениями муз с авлосами и приветственными речами богов. В числе свадебных даров упоминаются лира от Гермеса; ожерелье, пеплос и авлосы от Афродиты (по другим источникам – Гефеста или Афины); дары Деметры, включавшие плоды пшеницы; а также священные обряды Великой Матери с их неизменными кимвалами, тимпанами и веселой свитой, преподнесенные Электрой [Гармония, в мифологии, 1890–1907].

В древнегреческом языке слово ἄρμονία означало «связь», «соединение», «соответствие», «соотношение». Согласно данным «Этимологического словаря русского языка» А.В. Семёнова, в русский язык лексема «гармония» вошла в конце XVIII – начале XIX в.; более ранняя русская форма – «армония» – ближе воспроизводила греческий оригинал [Семенов, 2003]. Первоначально слово закрепилось в русском как музыкальный термин со значением «строй», «лад», «порядок», а уже позднее развило отвлечённое, переносное употребление.

Современные словари фиксируют ряд производных лексемы «гармония»: гармоничный, гармонизировать, гармонировать, гармоничность и др. В «Историческом словаре галлицизмов русского языка» выделяются два основных значения существительного «гармония»: первое – «точный порядок, соразмерность, соотнесенность частей целого», второе – «согласованность действий, мыслей, чувств; взаимное согласие, единение, единство», а также

«благозвучие, приятность звучания» в музыкальной сфере. В качестве иллюстрации приводится пример из «Предупреждения к собранию русских песен» Н.А. Львова (1806): «Музыкальному сочинителю и нельзя не удивляться, как мог один слух без помощи письменной музыки довести наших простых слагателей песен до такого искусства в гармонии» [Епишкин, 2010].

Лексема «гармония» в «Словаре русского языка XVIII века»

В «Словаре русского языка XVIII века», представляющем систематизированное описание лексики формирующегося национального литературного языка, слово «гармония» датируется началом XVIII столетия. Указывается, что оно проникло в русский язык как напрямую из древних языков (греч. *ἁρμονία*, лат. *harmonia*), так и посредством польского (*harmonia*) [Словарь русского языка XVIII века, 1998].

В качестве основного значения фиксируется: «точный порядок, соразмерность, стройность частей целого». Это значение подтверждается материалами начала XIX в. Так, в одном из текстов 1803 г. автор рассуждает о воздействии наук и искусств на человека, подчеркивая, что они «возвышают душу», «обогащают сердце наслаждениями» и пробуждают «любовь к порядку» и «к гармонии». В другом произведении того же времени говорится о движении небесных тел, которые описываются как обращающиеся «в стройном согласьи» и составляющие «чудесную гармонию» [там же, 1998].

К лексике того же периода относится и сочетание «нравственная гармония», употребляемое в значении «высшая, совершенная гармония». Один из авторов 1803 г. отмечает, что человеку трудно постичь такую гармонию именно потому, что она является «наивысшей» и «совершеннейшей» [там же, 1998]. Уже в этот исторический период засвидетельствовано и выражение «гармония красок», относящееся к художественному дискурсу.

Более ранним является другое значение слова – «согласованность действий, мыслей и чувств; единение, согласие». Оно подтверждается примерами из текстов середины XVIII в. Так, в документе 1735 г. под «гармонией» подразумевается устойчивое согласие между двумя политическими субъектами. В тексте 1790 г. слово используется для обозначения непрерывного «согласия» и «соответствия» между душой и телом, что, как отмечает автор,

свидетельствует об их «взаимной связи» [Словарь русского языка XVIII века, 1998].

Отмечается, что собственно «музыкальное» значение лексемы – «согласие, благозвучие, приятность звучания, основанные на правилах построения интервала (у древних греков) или аккорда» – было распространено в русском обществе начиная с XVII в. Гармоничным признавалось звучание музыки, исполняемой на музыкальных инструментах, а также пение, в том числе пение птиц, о котором часто упоминалось в произведениях сентименталистов. Гармоничность в значении «стройность, благозвучность» могла рассматриваться как характеристика языка и произведения: «Ломоносов ... первый открыл в нем <русском языке> изящность, силу и гармонию. ВЕ V 289»; «В новых его пиесах надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармонии, т.е. искусству в механизмѣ Поэзии, или в стихотворствѣ. Крм. ПРП I 225» (цит. по: [Словарь русского языка XVIII века]). Как отдельный «Раздел богословия, сводящий воедино евангельские сказания» в словаре упоминается «Гармония евангельская» (ср. лат. *harmonica evangelica*): «Доктор Мартин Хемниций ... изслѣдованием собора Тридентинскаго, Гармонією еѵ глскою... знаменитый. Феатр. ист. 417» (цит. по: [Словарь русского языка XVIII века, 1998]).

Лексема «гармония» в современных толковых словарях русского языка

В четырехтомном «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова «гармония» описывается как многозначное слово, имеющее четыре значения: 1) «часть теории музыки, учение о правильном построении созвучий в композиции», 2) «благозвучие, стройность и приятность звуков», 3) «согласованность, взаимное соответствие», «согласованное сочетание, соответствие элементов внутри чего-н. целого, внутренняя ценность, полнота, согласие», «стройность, пластичность, мерность, полнота и законченность внешнего выражения», 4) «то же, что гармоника в 1 знач.». Примечательно, что все (!) четыре значения имеют стилистические пометки. Первое значение помечено как «муз.», т.е. относящееся к определенной области, второе и третье – как «книж.», четвертое как «обл., простореч.» [Толковый словарь русского языка, 1956, стб. 543].

В «Словаре современного русского литературного языка» (Т. 3 Г-Е, 1954) у слова «гармония» зафиксировано два значения:

первое – общее, второе помечено как относящее к сфере музыки; указаны производные: гармоничный, гармонично, гармоничность (первое значение), гармонический (первое и второе значения), гармонически, гармонизовать, гармонизация, гармонизировать (первое), гармонизировать (второе значение), гармонизироваться (второе значение), гармонизировать, гармонизироваться, гармонист (второе значение) [Словарь современного русского литературного языка, 1954].

В «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, словарь краткого типа, в его девятое издание, вышедшее под редакцией чл. корреспондента АН СССР Н.Ю. Шведовой в 1989 г., включено две статьи – «Гармония¹» и «Гармония²».

Во второй словарной статье у С.И. Ожегова отмечается, что гармония² употребляется в разговорной речи и служит обозначением того же предмета, что и гармоника в ее исходном значении, т.е. языкового духового инструмента [Ожегов, 1989, с. 130]. В первой же статье – гармония¹ – фиксируются два основных семантических направления: во-первых, это музыкальный термин, объединяющий «совокупность выразительных средств музыки, связанных с соединением тонов в созвучия и их композиционной организацией, а также соответствующий раздел музыкальной теории»; во-вторых, более широкое абстрактное значение, определяемое как «согласованность, стройность в сочетании чего-либо». Иллюстративный ряд к последнему включает такие примеры, как гармония звуков, гармония красок, душевная гармония, гармония интересов [там же, с. 130].

В малом академическом четырехтомном словаре «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой слово *гармония* представлено двумя статьями. Первая объединяет четыре значения, прямо связанных со сферой музыкального звучания. Так, первичное значение трактуется как «благозвучие, стройность и приятность звучания», причем дополнительно уточняется его употребление в качестве музыкального термина – указано, что речь идет о «круге выразительных аккордов или созвучий, заключенных в каком-либо произведении или характерных для творчества определенного композитора». Второе значение основывается на переносе из музыкальной сферы и определяется как «стройное сочетание, взаимное соответствие предметов, явлений, частей целого, качеств и т.п.», что допускает весьма широкий контекст употребления. Третье и четвертое значения имеют уже специализированный характер: это, соответственно, «раздел теории музыки,

изучающий правила построения созвучий в композиции», и «учебная дисциплина, преподаваемая в музыкальных учебных заведениях» [Словарь русского языка, 1985, т. 1, с. 301]. Первые два значения снабжены разъяснениями и примерами. Подобно словарю Ожегова, вторая статья данного издания включает разговорное употребление гармонии как наименования музыкального инструмента, тождественного гармонике, что специально отмечено пометой «разг.» [там же].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (2000) значения лексемы представлены также в двух статьях. В первой статье выделяются три основных значения: 1) музыкальная гармония как совокупность выразительных средств, основанных на объединении тонов в созвучия, а также соответствующий раздел музыкальной теории и учебная дисциплина; 2) «благозвучность, стройность и приятность звучания»; 3) «стройное сочетание, взаимное соответствие предметов, явлений, частей целого, свойств и т.п.» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 195]. Так, данное издание фактически интегрирует первое, а также третье и четвертое значения, представленные в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой, тогда как второе – метафорическое – значение последнего получает более детализированную разработку и распадается на два самостоятельных смысловых аспекта.

Вторая статья, посвященная лексеме «гармония», в словаре С.А. Кузнецова, как и в словаре А.П. Евгеньевой, с пометкой «разг.» трактует «гармонию» как музыкальный инструмент, но на этот раз указывается «гармонь»¹.

В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина (1998) зафиксировано четыре значения единицы «гармония» в статье «гармония»¹ и одно значение (как вариант – разговорное «гармонь») для обозначения гармоника – духового музыкального инструмента в статье «гармония»². Среди четырех значений «гармонии»¹ выделяются: 1. Согласованность, стройность в сочетании чего-н.; противоп. Дисгармония¹; 2. С пометкой «муз.» Объединение тонов в созвучия (аккорды), последовательность которых придает музыке особую выразительность; противоп. Дисгармония²; 3. С пометкой «муз.» Отдел теории музыки, изла-

¹ Отметим, что «гармоника» и «гармонь» являются полными синонимами для обозначения музыкального инструмента. – *Прим. наше.* – М.Р.

гающий построение аккордов; 4. С пометкой «лингв.» то же, что сингармонизм [Крысин, 1998, с. 161].

Лексема «гармония» в отраслевых словарях русского языка

«Гармония» встречается в качестве термина в музыкальном, философском, социологических словарях, а также в словаре «Эстетика».

В «Словаре музыкальных терминов» указывается, что гармония (лат. *harmonia* – созвучие, соразмерность частей целого) относится к фундаментальным средствам музыкальной выразительности. Ю. Юцкевич предлагает развернутое толкование этого термина и выделяет пять основных значений. Прежде всего, гармония понимается как закономерное сочетание звуков в их одновременном звучании, т.е. как основа организации аккордовой вертикали. Далее термин обозначает теоретическую область знаний, изучающую систему аккордов, характер их соединения и последовательности, формирующие разнообразные типы музыкальных построений. Третье значение относится к сфере образования: гармония выступает в качестве учебной дисциплины, обязательной в профессиональной подготовке музыкантов. Кроме того, под гармонией могут подразумеваться отдельные созвучия или аккорды, характеризующиеся с точки зрения их выразительности (например, современная или оригинальная гармония). Наконец, термин может фиксировать индивидуальные особенности музыкального стиля конкретного автора, проявляющиеся в характерной системе аккордовых последовательностей и в специфической трактовке гармонических функций, что позволяет говорить о гармонии Прокофьева как о стилеобразующем признаке его творчества [Юцкевич].

Развитие этих значений показывает, что понятие «гармонии» обладает многослойной структурой и охватывает не только узко специализированную музыкально-теоретическую сферу, но и более широкие эстетические и культурологические уровни. Значения, связанные с одновременным сочетанием тонов и принципами построения аккордов, отражают структурный уровень музыкального мышления, где гармония выступает как средство организации звукового пространства. Теоретическое и педагогическое наполнение термина демонстрирует его роль как метаязыка музыки, обеспечивающего систематизацию и передачу профессионального знания. Использование слова в функции эстетической оценки подчеркивает, что гармония способна выражать эмоциональные и вы-

разительные свойства звуковых сочетаний, позволяя характеризовать их новизну или выразительность. А понимание гармонии как индивидуальной стилиевой особенности композитора переносит акцент на сферу художественного и творческого своеобразия, где гармонические решения становятся частью авторского музыкального мира [Юцкевич].

Таким образом, термин «гармония» предстает как многоуровневое понятие, объединяющее структурно-теоретические, образовательные, выразительно-эстетические и художественно-индивидуальные аспекты музыкального искусства.

Более подробно понимание гармонии как музыкального термина представлено в «Музыкальном энциклопедическом словаре» под редакцией В.Г. Келдыша, в котором его значение возводится исключительно к греческой единице (что объясняется, вероятно, тем, что именно древние греки стали использовать латинское слово как музыкальный термин). «Гармония» понимается, во-первых, как «приятная для слуха слаженность звуков», что отсылает нас к музыкально-эстетическому понятию «благозвучие»; во-вторых, как «объединение звуков в созвучия и их закономерное последование» (т.е. в этом значении акцентируется композиционно-техническое значение слова); в-третьих, это название научной и учебно-практической дисциплины, которая изучает звуковысотную организацию музыки, созвучия и их связи. Отмечается, что понятие «гармония» используется также «для характеристики высотной системы, аккордики, тональных (ладовых) функций и т.п. конкретного музыкального стиля». В качестве примера приводятся коллокации «гармония барокко», «гармония Прокофьева» [Музыкальный энциклопедический словарь, с. 126]. Любопытным фактом является то, что в немецком языке, например, первое и второе употребления русского музыкального термина «гармония» передаются двумя разными лексемами, но восходящими к одной, – Harmonie и Harmonik, соответственно.

В «Философском энциклопедическом словаре» под редакцией академика АН СССР Л.Ф. Ильичёва, академика АН СССР П.Н. Федосеева, доктора философских наук С.М. Ковалёва, доктора философских наук В.Г. Панова, вышедшего в 1983 г., отдельной статьи, посвященной «гармонии» не было, но была статья под названием «Гармония сфер», отсылающая также к «музыке сфер», в которой излагалось античное учение о музыкальном звучании планет, в том числе Солнца и Луны, в рамках геоцентрических представлений древних мыслителей – Евдокса, Птолемея и др.,

возводимое к учению Пифагора, первым к нему обратившемуся, но впервые засвидетельствованное «для “пифагорейцев” (V в. до н.э.) Аристотелем в 9-й гл. II кн. Трактата “О небе”....» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 101].

В «Новейшем философском словаре» (сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, 2003), включающем около тысячи аналитических статей, охватывающих как классическое философское наследие, так и интеллектуальные тенденции постмодернистской культуры, термин «гармония» представлен в статье М.А. Можейко, представляющей материал о «гармонии сфер». Автор выводит понятие из греческого слова *harmonia*, первоначально обозначавшего «согласованность» и «соразмерность частей», и трактует его как культурную установку, направляющую осмысление мира и человека через идею их внутренне присущей упорядоченности. Уточняется, что в ценностной сфере гармония выступает одной из ключевых категорий европейской культуры, причем ее аксиологический статус понимается преимущественно как направленность на достижение, а не просто удержание порядка, что связано с ориентированностью европейского сознания на будущее. Существенным аспектом гармонии, по мысли Можейко, является то, что она мыслится только в отношении неоднородного, внутренне различенного объекта, включающего в себя элементы, способные вступать в противоречия. Исходное же употребление термина в античности указывало на металлическую скобу или крепление, соединяющее части конструкции; у Гомера слово появляется также в значениях «согласие», «договор», «мирное совместное существование». Гармоничность предмета или явления понимается не просто как организованность, противопоставляемая хаосу, а как проявление глубокой внутренней закономерности бытия. Поэтому в античной мысли гармония трактовалась в качестве универсального космического закона, согласно которому «все совершается по необходимости и согласно гармонии» (Филолай) [Новейший философский словарь, 2003].

В «Философском энциклопедическом словаре» (2010) категория гармонии также возводится к греч. *harmonia* – «связь», «соразмерность». В философском дискурсе гармония определяется как созвучие, согласие, эстетически оправданная согласованность частей расчлененного целого. В статье подчеркивается, что понимание гармонии неизбежно соотносится с пифагорейским учением о гармонии сфер, сыгравшим ключевую роль в становлении европейской космологической традиции. Отмечается, что эта идея,

трансформируясь, продолжала существовать в философии Нового времени – у Шефтсбери, Кеплера, Джордано Бруно, Лейбница и в немецком идеализме [Философский энциклопедический словарь, 2010].

В «Философской энциклопедии» в пяти томах (под ред. Ф.В. Константинова, 1960–1970), где термин «гармония» получил развернутое толкование, А.Ф. Лосев и Б.А. Шрагин прослеживают историко-философскую эволюцию категории. Соотнося ее с греч. *armonía* – «связь», «стройность», «соразмерность частей», они определяют гармонию как отражение закономерного характера развития действительности, внутренней и внешней согласованности, цельности формы и содержания эстетического объекта. История понятия показывает, что в разные эпохи гармония осмыслялась по-разному и вступала в связь с проблемами этики, космологии и гносеологии, несмотря на то, что в основе всех интерпретаций сохранялись определенные эстетические идеалы, определявшие представления о человеке, природе и обществе. Подчеркивается, что в античности понятие «гармония» было тесно связано с практикой повседневной жизни. У Гомера, например, оно обозначало как материальные скрепы (гвозди, брусья), так и такие социальные явления, как «согласие», «договор», «мирное сосуществование». В философии Древней Греции гармония стала принципом организации упорядоченной Космической целостности, противопоставленной хаосу [Философская энциклопедия, 1960, т. 1].

Соответственно, в философской традиции гармония предстает как многогранная категория, объединяющая космологическое, этическое, эстетическое и культурно-антропологическое измерения, восходящая к древнейшему представлению о внутренней упорядоченности мира и человеческого существования.

Впервые у философской категории «гармония» появилось социальное, нравственное измерение благодаря Платону, который в диалоге «Тимей», развивая учение пифагорейцев о гармонии космоса, описал гармонию как некоторый набор качеств человека-гражданина, проявляющихся в его физическом облике, а также поступках, речах и создаваемых им произведениях, достойных примера и подражания.

В свою очередь Аристотель рассматривал гармонию как единство и завершенность целого, как единство в многообразии, применяя это понятие решительно ко всем областям действительности. Особое место гармония занимала в эстетике Возрождения, и именно этой эпохе человечество обязано представлением о гар-

монически, всесторонне развитом человеке, ставшим идеалом гуманизма. Известны слова Леонардо да Винчи: «...гармония складывается не иначе, как общий контур обнимает отдельные члены, из чего порождается человеческая красота»¹. В дальнейшем идеи гармонии продолжали развиваться. И. Кант, например, предложил понимать гармонию прежде всего как согласованность между разумом и чувственностью («Критика способности суждения»), а чуть позднее Гегель написал: «Гармония есть... соотношение качественных различий и притом совокупности таких различий, как она находит свое основание в сущности самой вещи»².

Что касается конца XX и начала XXI столетий, то развитие учения о гармонии, как нам кажется, в этот период приобретает ярко выраженный социальный характер, что и нашло отражение в социологических исследованиях. В то же самое время в социологические словари данное понятие не всегда включается, однако в «Социологическом энциклопедическом словаре» (1998) под редакцией В. Осипова представлены три отдельные статьи – «Гармония», «Гармония классовая», «Гармония социальная». «Гармония» рассматривается как «единство, согласованность, стройное сочетание элементов, свойств, явлений»; «гармония классовая» трактуется как «социальный идеал мира и согласия в отношениях между классами»; «гармония социальная», по мнению составителей словаря, представляет собой «соответствие, бесконфликтное сосуществование всех элементов социальной общности» [Социологический энциклопедический словарь, 1998, с. 50].

В словаре «Эстетика» «гармония» раскрывается как категория, занимающая центральное место в философско-эстетическом дискурсе и осмысливающаяся как фундаментальный принцип бытия и восприятия. По своей сути, она обозначает качественное состояние целостности, возникающее, когда многообразные элементы системы приходят к высшему уровню упорядоченности и оптимального взаимосоответствия. Это состояние, отвечающее критериям совершенства и прекрасного, есть прямая антитеза хаосу, что находит отражение в самой этимологии термина (греч. *harmonia* – созвучие, слаженность). В диалектико-материалистической традиции гармония получает историко-практическое измерение. Она интерпретируется не как абсолютная и вневременная

¹ Винчи, да Л. Избранные произведения. – Москва – Ленинград, 1935. – Т. 2. – С. 76.

² Гегель Г.В.Ф. Сочинения. – Москва, 1938. – Т. 12. – С. 143.

данность, а как релятивный показатель зрелости человеческого освоения мира – как в практическом, так и в духовном плане. Таким образом, понимание гармонии конкретно и меняется от эпохи к эпохе. Она становится неотъемлемым компонентом эстетического идеала своего времени, который, в свою очередь, выражает высшие социальные устремления. Конечной целью здесь провозглашается формирование гармоничной личности, синтезирующей в себе общественную активность, духовное и физическое развитие, а также нравственную чистоту. В этой логике гармония служит одним из ключевых оснований для эстетической оценки явлений.

Историческая ретроспектива раскрывает эволюцию этой категории. В античной философии (пифагорейцы, Платон, Аристотель) гармония понималась преимущественно как универсальный космологический принцип. Она могла мыслиться как: 1) совершенная структура божественного космоса; 2) трансцендентная сущность вещей, недоступная в земном опыте; 3) высший идеал и мера, к которой должно стремиться человеческое творчество.

Авторы словарной статьи отмечают, что современная эстетическая мысль, сохраняя плюрализм подходов, предлагает несколько основных векторов интерпретации: 1) объективно-прагматический, согласно которому гармония рассматривается как достижимый идеал и реальная возможность построения сбалансированных отношений человека с миром; 2) субъективно-трансцендентный, когда гармония предстает как категория мыслимого, но недостижимого совершенства, укорененного в сверхприродной основе бытия; 3) автономно-креативный, в рамках которого гармония представляет собой специфический идеал, актуализируемый лишь в поле искусства, которое получает миссию активно воздействовать на реальность и преобразовывать ее. Таким образом, категория гармонии может рассматриваться как сложный, многогранный концепт, чье содержание колеблется между полюсами объективного и субъективного, достижимого и идеального, всеобщего космического закона и конкретно-исторического социального идеала [Эстетика, 1989].

Вызывает некоторое удивление и даже недоумение, что отдельной статьи, посвященной «Гармонии», нам не удалось обнаружить ни в энциклопедии «Культурология. XX век», ни в двухтомной энциклопедии «Культурология. XX век» под редакцией С.Я. Левит [Культурология, 1998], ни в «Summa culturologiae. Эн-

циклопедия: в 4 т.» [Summa culturologiae, 2007], также вышедшей под редакцией С.Я. Левит в 2007 г.¹

Лексема «гармония» в частотном словаре русского языка

В «Новом частотном словаре русской лексики: (На материалах Национального корпуса русского языка)» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (2009) статистические данные об употреблении существительного «гармония» отсутствуют, что свидетельствует о том, что слово не входит в список наиболее употребительных слов современного русского языка (2-я половина XX – начало XXI в.). В то же самое время в словаре представлены производные от существительного «гармония» – существительное «гармонизация» и глагол «гармонизировать». В «Словаре...» частотность употребления (ipm^2) существительного «гармонизация» зафиксирована на отметке 1.7, глагола «гармонизировать» – на отметке 0.7. Показатель R^3 для существительного равен 42, у глагола – 36, показатель D^4 – 83 для обеих лексем. Количество текстов, в которых встречаются данные единицы, – 112 и 60, соответственно [Ляшевская, Шаров, 2009], что

¹ В 2021 г. было репринтное воспроизведение текста издания. Summa culturologiae. Энциклопедия : в 4 т. Репринтное воспроизведение текста издания 2007 г. / глав. ред. и автор проекта С.Я. Левит. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2021. – (Summa culturologiae). – *Прим. наше.* – М. Р.

² Поскольку выборки текстов, на основе которых измеряется частотность употребления слов, могут значительно отличаться по своим размерам, то в мировой практике была выработана единица измерения частотности, упрощающая сравнение частоты слова в разных частотных словарях и в разных корпусах. Таким образом, ipm (instances per million words) это общая частота, характеризующая число употреблений на миллион слов корпуса. – *Прим. наше.* – М. Р.

³ Показатель R (range) отражает количество сегментов корпуса, в которых встретилось слово. В данном словаре корпус разбит на 100 сегментов. Более подробно см. : Шаров С.А., Ляшевская О.Н. Введение к частотному словарю современного русского языка [<http://dict.ruslang.ru/freq.pdf>].

⁴ Коэффициент D отражает равномерность распределения частот в разных сегментах корпуса и вычисляется по следующей формуле: где n – количество сегментов, на которые разбит корпус, μ – средняя частота слова по всему корпусу (т.е. сумма частот в каждом сегменте, поделенная на n), σ – среднее квадратичное отклонение частоты μ на отдельных сегментах. Более подробно см.: Шаров С.А., Ляшевская О.Н. Введение к частотному словарю современного русского языка [<http://dict.ruslang.ru/freq.pdf>].

по данным на 2009 г. свидетельствует о низкой частотности употребления существительного «гармония» и его производных. Более современных данных относительно частотности употребления лексемы «гармония» в русском языке нам получить не удалось.

Синонимы и антонимы лексемы «гармония»

В современных словарях русского языка лексема «гармония» раскрывается как комплексное понятие, охватывающее различные уровни согласованности и стройности. В музыкальном и эстетическом контексте «гармония» обозначает слаженность и благозвучие звуков, объединение тонов в созвучия, плавность и упорядоченность звучания, что проявляется в мелодичности, музыкальности и внутреннем единстве композиции. В более широком понимании, выходящем за пределы музыки, «гармония» трактуется как согласованность, соответствие и соразмерность различных элементов целого, проявляющаяся в ладности, симфоничности и внутренней стройности как материальных, так и духовных структур. Она отражает способность человека воспринимать и выстраивать окружающий мир в виде упорядоченной и согласованной системы, будь то взаимодействие людей, согласие интересов или моральная и духовная согласованность личности.

Противоположные явления, отражающие отсутствие гармонии, обозначаются через понятия «хаос», «дисгармония», «разлад», «несогласие», «сумбур» и «разрозненность». Эти состояния подчеркивают разрушение целостности, нарушение внутренней и внешней согласованности, что позволяет более глубоко осознать ценность и роль гармонии как меры упорядоченности и единства в самых различных сферах человеческой деятельности. Таким образом, «гармония» предстает не только как музыкально-эстетическое явление, но и как универсальная категория, отражающая целостность, внутреннее согласие и упорядоченность мира, человеческих действий и социального взаимодействия.

Выводы

Таким образом, можно сделать выводы о том, что лексическая единица «гармония», вошедшая в русский язык из польского (*harmonia*), восходит через латинскую единицу *harmonia* к греческой лексеме «*ἀρμονία*». В русском языке слово «гармония» стало употребляться начиная с конца XVIII – начала XIX в. Ее перво-

начально зафиксированное значение в русском языке было закреплено почти исключительно за музыкальной сферой, что подчеркивают данные толковых русских языков, однако затем, постепенно, значение лексической единицы стало расширяться, охватывая разные слои языка.

Сегодня лексема по-прежнему используется в качестве музыкального термина (фиксируются несколько связанных между собой значений), а также философского, социологического; единица также используется для обозначения философско-эстетической категории.

В повседневной речи слово используется как синоним словам «единство», «слаженность», «согласие», «согласованность», «соразмерность» и др., а также выступает в качестве антонима единицам «дисгармония», «непорядок», «хаос», «разлад», «беспорядок» и пр.

Список литературы

- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : «Норинт», 2000. – 1536 с.
- Виноградов В.В.* История слов. – Москва : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 1994. – 1138 с.
- Гармония, в мифологии* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – Санкт-Петербург, 1890–1907. – URL: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/2748-%D0%93%D0%90%D0%A0%D0%9C%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%AF>
- Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. – Москва : ЭТС, 2010. – 5140 с.
- Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – Москва : Рус. язык, 1998. – 848 с.
- Культурология. XX век. Энциклопедия.* – Санкт-Петербург : Университетская книга : Алетейя, 1998. – Т. 1. – 447 с.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Новый частотный словарь русской лексики: (На материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс]. – URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title (дата обращения: 10.02.2020).
- Мифы народов мира.* – Москва : Сов. энциклопедия, 1991–1992. – Т. 1. – 266 с.
- Музыкальный энциклопедический словарь.* – Москва : Сов. энциклопедия, 1990. – 672 с.
- Новейший философский словарь.* – 3-е изд., исправл. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с. – URL: https://togudv.ru/media/filer_public/2013/04/17/newest_philosophical_dictionary.pdf
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – Москва : Рус. яз., 1989. – 750 с.

- Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. – Москва : ЮНВЕС, 2003. – 704 с. – (Русский язык от А до Я).
- Словарь военных терминов / сост. Плехов А.М. – Москва : Воениздат, 1988. – 335 с. – URL: <https://rus-military-terms-dict.slovaronline.com/>
- Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1985. – Т. 1. – 702 с.
- Словарь русского языка XVIII века / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – Вып. 10. – 254 с.
- Словарь современного русского литературного языка / Институт языкознания СССР, Издательство Академии наук СССР. – Москва ; Ленинград, 1954. – Т. 3 : Г–Е. – URL: <https://iling.spb.ru/publications/2243>
- Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. – Москва : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
- Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. – Москва : Издательская группа ИНФРА-М : НОРМА, 1998. – 488 с. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6556
- Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Москва : Огиз, 1956. – Т. 1. – 1562 стб.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 3-е изд. стер. – Санкт-Петербург : Terra-Азбука, 1996.
- Философская энциклопедия : в 5 т. – Москва : Сов. энциклопедия, 1960. – [Т.] 1 : А–Дидро. – 504 с. – URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/index.htm?ysclid=mnhkf7xx9o985236859>
- Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
- Философский энциклопедический словарь. – 2010. – URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/index.htm?ysclid=mi0jhjyq5h737803601>
- Эстетика : словарь / ред.: А.А. Беляев, Л.И. Новикова, В.И. Толстых. Электрон. текстовые дан. – Москва : Политиздат, 1989. – 447 с. – URL: <https://litlife.club/books/241266/read?page=21>
- Юцкевич Ю. Словарь музыкальных терминов. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2Fs64YttR8UWGakDPXJWLCPePrTzr6zNIITxTLb1%2FoAfCLtckisr5wgnJZazS2seAyq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=%D0%AE%D1%86%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D0%AE.%20%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%20%D0%BC%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf&nosw=1>
- Summa culturologiae. Энциклопедия : в 4 т. Репринтное воспроизведение текста издания 2007 г. / глав. ред. и автор проекта С.Я. Левит. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2021. – (Summa culturologiae).

References

- Large Explanatory Dictionary of the Russian Language* / pod red. S. A. Kuznecova. St. Petersburg: «Norint», 2000. 1536 p. (In Russian)
- Vinogradov V.V. *History of Words*. Moscow: Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, 1994. 1138 p. (In Russian)
- Harmony, in Mythology*. In: *Encyclopedia of Brockhaus and Efron*: in 86 volumes (82 volumes and 4 supplements). S.-Pb., 1890–1907. – URL: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/2748-%D0%93%D0%90%D0%A0%D0%9C%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%AF> (In Russian)
- Epushkin N.I. *Historical Dictionary of Russian Language Gallicisms*. Moscow: ETS, 2010. 5140 p. (In Russian)
- Krysin L.P. *Explanatory Dictionary of Foreign Words*. Moscow: Rus. Yazyk, 1998. 848 p. (In Russian)
- Cultural Studies. XX th Century. Encyclopedia*. St. Petersburg: University Book; OOO “Alethea”, 1998. Vol. 1. 447 p. (In Russian)
- Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *New Frequency Dictionary of Russian Vocabulary: (Based on the Reflection of the Content of the Russian Language)* [Electronic resource]. – URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title (date of access: 10.02.2020). (In Russian)
- Myths of the Peoples of the World*. Moscow, 1991–1992. Vol 1. 266 p. (In Russian)
- Musical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 672 p. (In Russian)
- The Newest Philosophical Dictionary*: 3rd ed., corrected. Minsk: Book House, 2003. 1280 p. – URL: https://togudv.ru/media/filer_public/2013/04/17/newest_philosophical_dictionary.pdf (In Russian)
- Ozhegov S.I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: Rus. Yazyk, 1989. 750 p. (In Russian)
- Semenov A.V. *Etymological Dictionary of the Russian Language* / Series «The Russian Language From A to Z». Moscow: UNVES Publishing House, 2003. 704 p. (In Russian)
- Dictionary of Military Terms* / Comp. Plekhov A.M. Moscow: Voenizdat, 1988. 335 p. – URL: <https://rus-military-terms-dict.slovaronline.com/> (In Russian)
- Dictionary of the Russian language* / in 4 t. (1985–1988), pod red. A.P. Evgen'evoj. Moscow: Russkij Yazyk, 1985. T.1. 702 p. (In Russian)
- Dictionary of the Russian Language of the XVIIIth Century* / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research. Saint Petersburg: Nauka Publ., 1998. Issue 10. 254 p. (In Russian)
- Dictionary of Modern Russian Literary Language* / USSR Institute of Linguistics, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Moscow; Leningrad, 1954. Vol. 3: G–E. – URL: <https://iling.spb.ru/publications/2243> (In Russian)
- Dictionary of Sociolinguistic Terms* / edited by V.Yu., Mikhal'chenko. Moscow : Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2006. 312 p. (In Russian)
- The Sociological Encyclopedic Dictionary. Available in Russian, English, German, French and Czech* / The Coordinating Editor – Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. Moscow: INFRA M – NORMA Publishing Group,

1998. 488 p. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6556 (In Russian)
- Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes* / Edited by Prof. D.N. Ushakov. Moscow: Ogiz, 1956. Vol. 1. 1562 stb. (In Russian)
- Fasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language: v 4 tomakh* / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. 3-e izd. ster. SPb: Terra-Azбуka, 1996. T. 2. (In Russian)
- Philosophical Encyclopedia* in 5 vol. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1960. – [T.] 1: A-Didro. 1960. 504 p. – URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/index.htm?ysclid=mnhkf7xx9o985236859> (In Russian)
- Philosophical Encyclopedia* / Chief Editor L.F. Ilyichev et al. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. 839 p. (In Russian)
- Philosophical Encyclopedic Dictionary*. 2010. – URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/index.htm?ysclid=mi0jhjq5h737803601> (In Russian)
- Aesthetics: Dictionary* / Ed. by A.A. Belyaev, L.I. Novikova, V.I. Tolstykh. The electron. text data. Moscow: Politizdat, 1989. 447 p. – URL: <https://litlife.club/books/241266/read?page=21> (In Russian)
- Yutskevich Yu. *Dictionary of Musical Terms* – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2Fs64YttR8UWGakDPXJWLCPePrTzr6zNIITxTLb1%2FoAfCLtckisr5wgnJZazS2seAyaq%2FJ6bpmRyOJonT3VoXnDag%3D%3D&name=%D0%AE%D1%86%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D0%AE.%20%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%20%D0%BC%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf&nosw=1> (In Russian)
- Summa culturologiae. Encyclopedia: in 4 volumes*. Reprint Reproduction of the Text of 2007 Edition / Editor-in-Chief and Author of the Project S.Ya. Levit. – Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2021. (Series «Summa culturologiae»). (In Russian)

In memoriam

Памяти Кирилла Яковлевича Сигала (1973–2026)

12 мая 2026 г. безвременно ушел из жизни Кирилл Яковлевич Сигал – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания Российской академии наук, специалист в области общего и русского языкознания. Ему было 52 года.

Кирилл Яковлевич Сигал родился в Москве 3 августа 1973 г. В 1995 г. окончил с отличием филологический факультет МГОПУ, или МПГУ, больше известный как Шолоховский педагогический университет. Любознательному и вдумчивому молодому человеку, каким был студент Кирилл Сигал, посчастливилось учиться у педагогов, известных в научном мире филологов, теоретиков языка – Елены Иннокентьевны Дибровой, Вероники Николаевны Телия, Валентины Ильиничны Постоваловой, Виктора Алексеевича Виноградова. Знакомство с университетских лет с большой наукой предопределило научный и жизненный путь Кирилла Яковлевича Сигала. Руководителем темы его кандидатской, а впоследствии наставником по докторской диссертации стал Виктор Алексеевич Виноградов. Вот как сам Кирилл вспоминал о тех временах:

«Не помню точно, когда именно услышал имя Виктора Алексеевича Виноградова впервые. Скорее всего, это было на 2-м курсе, в 1991 году, на Реформатских чтениях, которые проходили не в академических институтах, как обычно, а на филологическом факультете нашего педагогического института (ныне – МПГУ). Выступали В.Н. Телия, Т.М. Николаева, другие именитые ученые. Это был настоящий праздник науки, который тогда еще по-особому ощущался и переживался. Виктор Алексеевич, как всегда, возглавлял это научное действо <...>. Но, конечно, о том, что это и есть Виктор Алексеевич Виноградов и что он сыграет значительную роль в моей судьбе, в тот момент я не знал. Хотя кто-то заметил вслух, указав на его колоритную фигуру, что это самый близкий ученик Реформатского. <...> Знакомство наше состоялось летом 1995 года, когда заведующая кафедрой русского языка профессор Е.И. Диброва решила, что моим научным руководителем в

аспирантуре будет Виктор Алексеевич Виноградов. <...> Виктор Алексеевич пригласил меня приехать к нему в Институт языкознания РАН, в котором я бывал начиная с 1 курса благодаря В.И. Постоваловой, читавшей у нас лекции по фонетике и фонологии. <...> Надо отметить, что Виктор Алексеевич руководил особому. Он не наставлял, не поучал, не заставлял писать то, что ему казалось верным, не торопил, но старался как-то “привязать” к неожиданно обретенной теме. Он сразу сказал, что хотел бы сам заняться ею, но не имеет возможности (и этим показал свое доверие). <...> Наконец, он попросил подготовить обзор литературы для... «Вопросов языкознания» (!). Это последнее сразу смутило. Но Виктор Алексеевич, с улыбкой, заметил: «Все равно ведь ты будешь писать историю вопроса...». Конечно, было трудно, но поручение это я выполнил: статья «Проблема иконичности в языке» объемом 2 печ. л. была опубликована в нашем ведущем журнале 28 лет назад. Замечу, что эта самая цитируемая моя публикация за тридцать лет научной деятельности» (воспоминания К.Я. Сигала опубликованы в книге «Язык и языки. История института языкознания РАН в лицах и рассказах. К 75-летию института». М., 2025. С. 224–225).

В 1999 г. в институте языкознания Кирилл Яковлевич Сигал защитил кандидатскую диссертацию «Проблема иконичности в языке (на материале русского синтаксиса)», а в 2004 г. – докторскую диссертацию «Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения)».

По сути, с самого начала научная судьба Кирилла Яковлевича была связана с Институтом языкознания, хотя формально он стал сотрудником института в 2003 г. К.Я. Сигал был принят в отдел экспериментальных исследований речи, созданный в институте в 1997 г. по инициативе доктора филологических наук, профессора Александра Марковича Шахнаровича, известного специалиста по детской речи, возглавлявшего отдел до своего ухода в 2001 г. Кирилл Яковлевич остался навсегда благодарен наставнику, которым был для него А.М. Шахнарович как в освоении междисциплинарных тем в лингвистике, так и в умении организовать научную деятельность в коллективе.

После защиты докторской диссертации в 2004 г. и до последних дней жизни К.Я. Сигал возглавлял отдел экспериментальных исследований речи. Основную проблематику научных исследований сотрудников отдела составляли экспериментальные

исследования детской речи и онтогенеза основных компонентов языковой способности, сигнальная фонетика и экспериментальная интонология. Под руководством К.Я. Сигала отдел существенно расширил проблематику, в нее вошли: экспериментальная разработка овладения иноязычной речью, исследования в области функционального синтаксиса, онтогенез речи и формы речевого общения, процессы порождения и понимания речи. Результаты научных поисков отражены в коллективных монографиях, ответственным редактором которых был К.Я. Сигал: «Проблемы экспериментальной лингвистики и онтогенеза речи» (2004); «Лингвистика речи в теории и эксперименте» (2005); «Речевые исследования: теория, эксперимент, практика» (2007); «Проблемы экспериментальных исследований речи» (2011) и др. Вместе с коллегами из высшей школы были созданы коллективные труды: «Очерки по синтаксису связной речи» (2013); «Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении» (2014) и др. В последнее время научный коллектив обратился к экспериментальным исследованиям языков Российской Федерации, включая взаимодействие языков у билингов, когнитивные механизмы чтения и письма и др.

Сферу научных интересов Кирилла Яковлевича Сигала составляли теория эксперимента в лингвистике, синтаксис, пунктуация, метаязыковые и эстетические аспекты речевой деятельности. Кирил Яковлевич Сигал – автор более 230 научных работ, в том числе 13 монографий, среди которых: «Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения)» (2004); «Синтаксические этюды» (2006); «Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях» (совм. с Н.М. Юрьевой, 2009); «Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица» (2010); «Проблемы теории синтаксиса» (2012); «Теория словосочетания и речевая деятельность» (2020); «Синтаксис и речеведение» (2023). В получивших широкую известность и всеобщее признание трудах К.Я. Сигала разрабатывается теория и методология эксперимента в лингвистике, исследуются теоретические и прикладные аспекты речеведения.

К.Я. Сигал в 2014 г. был одним из исполнителей проекта «Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова» по гранту РФНФ. В 2015 г. издана одноименная коллективная монография, где ему принадлежит раздел «Своеобразие синтаксиса и пунктуации М.А. Шолохова». В 2019–

2021 г. являлся одним из исполнителей проекта «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода» по гранту РФФИ; по результатам работы в 2022 г. издана коллективная монография «Общая и русская лингвоаксиология», где им написан раздел «Аксиология в синтаксических структурах».

Важно отметить, что Кирилл Яковлевич Сигал был истинным педагогом. Еще студентом 5 курса он вел семинары по общему языкознанию и в дальнейшем всегда совмещал научную работу с преподаванием лингвистических дисциплин в ведущих московских вузах. С 2005 г. по 2015 г. К.Я. Сигал занимал должность профессора кафедры русского языка и старшего научного сотрудника Шолоховского центра МГГУ им. М.А. Шолохова. Под научным руководством К.Я. Сигала выполнены и успешно защищены 7 диссертаций, из них 2 докторские.

Многие годы К.Я. Сигал являлся членом редакционных коллегий ведущих журналов, рекомендованных ВАК РФ: «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”»; «Вестник Государственного социально-гуманитарного университета»; «Вопросы филологии»; «Организационная психолингвистика»; «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Серия 6: Языкознание: РЖ / ИНИОН РАН».

Также К.Я. Сигал вел большую работу по популяризации лингвистических знаний. В частности, с 2005 по 2012 г. был автором колонки «Говорим правильно» во всероссийском еженедельнике «Антенна – Телесемь».

Кирилл Яковлевич Сигал являлся членом Ученого совета института языкознания, а также членом диссертационного совета ИЯЗ РАН. Мы привыкли видеть его мощную фигуру в зале заседаний и слышать его взвешенные мудрые выступления при обсуждении научных и организационных вопросов, встречать его доброжелательный взгляд и принимать советы и помощь. Этого будет не хватать коллективу института, но навсегда останется в памяти всех, кто знал Кирилла Яковлевича Сигала.

В память о человеке хочется обязательно сказать то, что сохраняет его образ живым и ярким. Кирилл Яковлевич Сигал был человеком, чутким к художественному слову. Он был взыскательным и профессиональным читателем научной литературы и знал ее так, что мог сходу процитировать или подсказать, что и в какой работе писал тот или иной автор. По своей натуре Кирилл Яковле-

вич был музыкален, любил оперетту. Он был щедр на добрые ободряющие слова, от души смеялся громким открытым смехом, никогда не входил ни в какие раздоры, был мудрым всепонимающим человеком, сохраняющим в себе лучшие качества филолога – Ученого, Педагога, Интеллекта.

Закончить сказанное хочется словами, которые Кирилл Яковлевич написал в память своего учителя, В.А. Виноградова, и которые можно обратиться к нему самому: «Верю в то, что мы когда-нибудь встретимся, потому что духовно роднило нас нечто большее, чем то, что разъединяло. Верю в то, что и в этой жизни люди встречаются отнюдь не случайно. Происходит это для того, чтобы чему-то научиться друг у друга. У Виктора Алексеевича я старался научиться духовному благородству и некатегоричности, преданности своему учителю и верности избранной когда-то в юности научной стезе. Царствие ему Небесное!»

Эти качества духовного благородства и служения науке Кирилл Яковлевич Сигал стремился воплощать в своих делах на протяжении всей жизни. Светлая память!

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026 № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 20.06.2026

Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 10,25
Тираж 800 экз.

Цена свободная
Уч.-изд. л. 8,6
Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: 8(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6